

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	8
Введение. Как выжить на пограничье России и Европы	12
1. Восточнославянский мир	
Новая русская идентичность	16
Что делать трём русским народам?	21
Три архетипа русской политической культуры	26
Русский политический дуализм	29
Огонь и пепел. Белорусско-украинский контраст	33
Новая Украина: союзный взгляд	36
Русские города	43
Союзный треугольник Минск—Москва—Санкт-Петербург	46
Балтийская Русь — новое месторазвитие русской цивилизации	49
Миссия Беларуси для Большой России	54
Санкции и противофаза	60
Будет ли «железный занавес» 2.0?	65
Союзная семья как спасение от одиночества	66
Большая мечта для России. Белорусский взгляд	68
Нужен ли России свой глобальный проект?	71
Контурсы идеологии будущего	82
Космос. Русская сверхцель	89
II. Скифия — Северная Евразия	
Русский мир и Евразийский союз. Почему между ними нет противоречий	94
Евразийский союз и национальная государственность	99
Что мешает элитам стран Евразийского союза объединиться?	104
Союзное целеполагание	109
Технологии евразийской интеграции	117

Евразийские ценности: миф или реальность?	124
Тревожное будущее Евразии	129
Евразийский блок	132
Западный фронт	137
Северная Евразия	142
Евразийство нового века	148
Империя Севера	155
Скифия — Русь — Евразия	162
Крым как первоначало Евразии	175
Символы власти и единства в Евразии	178
Чингисхан или Шарлемань?	183
Казахстанский кинематограф как авангард евразийского	184
Грузинская мечта	187

III. Европейский миф

О Европе и европейскости	194
Старая Европа и новая Евразия	196
Евросоюз на пути к империи	202
Макрон как идеолог ЕС	205
Кризис глобального лидерства	212
Чем Запад ответит Путину?	217
Правый интернационал	220

IV. Европейская Сарматия

Польша — Сарматия	225
Польша как барьер континентальной интеграции в Евразии	229
Угроза из-за Буга	231
Польская интрига и устойчивость «белорусского балкона»	237
Альтернатива для Междуморья. От Лиссабона до Владивостока	241
Почему балты исчезают?	248
Беларусь и перспективы Прибалтики	255
Белорусская Литва в XXI веке	261
Белая Вильня	264

V. Белорусские смыслы

Беларусь Евразийская	269
Белорусы — нация тружеников и партизан	274

О белорусских национальных символах	288
День национального воссоединения	293
Чего не хватает белорусской идентичности?	295
На чём стоит белорусский патриотизм?	301
Трансформации национализма	307
Возвращение «красных» смыслов	313
Левые и идеологический синтез	320
Что будет после Лукашенко?	324
Белорусский проект будущего	328

ОТ АВТОРА

Я отношусь к тому «поколению разрыва», которое ещё застало СССР, пусть и в детских воспоминаниях, глазами юноши или подростка видело его крах и то, что происходило после. Перестроечный хаос обрушился на наши неокрепшие дезориентированные рассудки потоком новых идей и верований.

Прекрасно помню книжный выбор начала — середины 90-х, тогда мы ещё черпали свои знания из книг. Эзотерика, мистика, тайны истории, разоблачение и низвержение авторитетов, охаивание советского времени и заманчивые предложения вообразить себя потомками великих рыцарей из средневековья.

Тогда значительная часть общества, особенно его интеллектуальная элита, словно впала во всеобщий — весьма наивный — юношеский романтизм. Этот романтизм требовал политической формы. И она появилась — национализм.

Мне повезло, я не был вовлечен в это течение когда оно, как и в соседних странах, окрепло и попыталось стать доминирующей идеологией. У белорусского общества тогда ещё был крепкий иммунитет против этого, и очень скоро Беларусь выбрала иной путь.

Я внимательно наблюдал за белорусским, литовским, украинским национализмом со стороны, но некоторые вещи, которыми интересовался в то время, — этнография, древняя история, мифопоэтическая традиция — позволяли общаться с носителями этой идеологии и даже находить что-то общее.

Профессиональный интерес к балтийским народам и Польше дал мне понимание особенностей их исторической судьбы, сходства и различий с белорусами и русскими. Обычно, когда с головой погружаешься в какую-то тему, редко удается избежать идеализации и чрезмерного восхищения, тут важно сохранять способность критической рефлексии.

Да, у Прибалтики была очень древняя и интересная история, у балтийских народов уникальные языки и традиции, которые хотелось бы сохранить, но то, что происходит с этими странами сейчас, вряд ли можно назвать историей успеха, вряд ли к этому стремились и те, кто сражался против Советского Союза.

Вот тут и возникает первый вопрос, ответ на который очень важен для личного мировоззрения: а нужно ли увлечение историей и традициями транслировать на современность? Второй поворот происходит тогда, когда видишь, к чему приводят идеи и действия увлечённых националистов-романтиков. Везде, где националистические и ультраправые силы приходят к власти, начинаются войны и разруха. Украина — самый близкий и наглядный пример.

Третий поворот связан с семьей. Когда у тебя появляется своя семья, ты начинаешь думать уже о них, о детях, думать не перспективу. В какой стране ты хотел бы их вырастить, в какой стране они будут жить? Чаще вспоминаешь своих родителей, дедов.

И тут круг замыкается, счастливые беззаботные воспоминания советского детства уже не кажутся чем-то само собой разумеющимся. Ведь за ними стояли победы, служба и труд твоих непосредственных предков, тех, кто рассказывал тебе о своей жизни, пытался передать опыт и знания, которые только сейчас пробиваются через информационную шелуху.

Ты начинаешь глубже изучать причины Октябрьской революции и побед советского народа, почему он победил нацизм и почему нельзя допустить его возрождения сегодня. Начинаешь понимать, что белорусы связаны прямой традицией не со шляхтой, пропившей и проигравшей в карты своё государство, а с крестьянами и рабочими, получившими образование и реальную возможность достойной жизни именно от советской власти.

А самое главное — понимаешь, что конструктивны лишь те идеи, которые в нашем случае основаны на преемственности и созидании, которые тянут человека вверх, к развитию, открывают перед ним большой мир и новые возможности.

Представленные в книге эссе отображают мой личный поиск ответов на обозначенные выше вопросы. Эти ответы, безусловно, во многом отображают перипетии моей биографии, которая тесно связана с фронтиром — пограничьем между цивилизациями. Родившись в Казахстане, в небольшом городке Талгар недалеко от Алма-Аты в среде потомков семиреченских казаков, я с детства видел пересечение и взаимовлияние больших культур: русской, тюркской, китайской, ислама и православия.

Имея корни из Беларуси и вернувшись вместе с семьёй на историческую родину, имел возможность на протяжении более 35 лет впитывать и понимать специфику западного фронта, где пересекаются белорусская, русская, польская, украинская, литовская, еврейская культуры, православие и католицизм.

Беларусь хоть и принадлежит к русской, если угодно и евразийской цивилизации, но находится на пограничье, здесь расположен непосредственный стык с западной, латинской цивилизацией. Поэтому здесь появляется свой особый тип «фронтирной» идентичности.

Классическим её примером является архиепископ Феофан Прокопович. Изначально бывший православным, он получил образование в Киево-Могилянской академии, затем обратился в униаты, окончил иезуитскую коллегию, но не остался в Риме, а вернулся в Киев, вновь принял православие и, в конце концов, до самой кончины жил и работал в Петербурге при царе Петре I и даже консультировал Тайную канцелярию. Он же, между прочим, считается одним из авторов концепции о триедином русском народе.

Россия, как мне представляется, потому и стала невероятно могущественной державой, что всегда была открыта к таким людям, и они служили ей верой и правдой. Россия сама была и есть подвижным фронтиром, динамичным пространством возможностей и самореализации. Самопознание России, русской цивилизации в многочисленных поездках по Евразии, во время «полевой» работы политического аналитика и эксперта дали ответы на многие вопросы, и с этими ответами я предлагаю познакомиться читателю.

Проблему выбора идентичности каждый решает персонально для себя. Твёрдость выбора, на мой взгляд, проверяется моментом, когда он совершается. Во время Великой Отечественной войны большинство дееспособных белорусов в условиях оккупации сделали правильный выбор, став партизанами и подпольщиками.

Так же и сейчас — в воздухе витает ощущение если не предвоенного времени, то по крайней мере судьбоносного момента для всей нашей цивилизации. И в этот момент нужно быть со своими. Об определении, понимании, выборе своего и своих — эта книга.

ВВЕДЕНИЕ. КАК ВЫЖИТЬ НА ПОГРАНИЧЬЕ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Сейчас мы как цивилизация (не важно, как её назвать: русская, российская или евразийская) — то есть сообщество, объединённое своими собственными представлениями о мироустройстве, ценностями, особенностями хозяйственного, политического уклада, специфическими чертами культурной и религиозной жизни, исторической памятью, — переживем очередную судьбоносный момент в истории.

Этот момент определит наше будущее — сможем ли мы преодолеть продолжающийся распад, восстановить разорванное единство, вновь укрепнуть и стать вровень с другими полюсами силы и ведущими цивилизациями либо и дальше будем окунаться в пропасть междоусобицы, утрачивая население, умаляя экономический и технологический потенциал, отставая в развитии.

Для того чтобы понять суть момента и сориентироваться в нём, необходимо осознать структуру своего пространства и те концепты, которые помогают его удерживать. Очередной виток нашей междоусобицы предсказуемо случился на западной границе — пограничье России и Европы, Евроатлантики и Евразии. Это украинский кризис, ставший катализатором и приведший в движение весь западный рубеж.

Первое, что нужно понять, — пограничье вновь превращается в беспокойный фронт — территорию, за которую ведётся противоборство различными средствами: от военных до идеологических. Западный фронт критически важен для России—Евразии. Во-первых, потому что он включает исторические земли Западной Руси, без которых невозможно представить полноценную русскую геополитическую субъектность. Второе — конфликтное пограничье всегда будет источником

разнообразных угроз, требующих расхода и без того не слишком больших людских и материальных ресурсов.

Таким образом, перед нами встаёт задача описания текущей диспозиции на фронте и выработки предложений по его стабилизации. У России здесь есть несколько опорных точек: Крым, Калининградская область, непризнанные республики Донбасса, Приднестровье, Республика Беларусь. Все они выполняют свою геостратегическую роль.

По ту сторону фронта уже находятся Украина, Прибалтика, Польша, Румыния. Потеря Украины — очень серьёзный удар и фундаментальный вызов. На него необходимо отвечать не просто средствами текущей, достаточно примитивной пропаганды. Работа на украинском направлении требует если не начала с нуля, то совершенно иных подходов и целей. Эти начальные цели можно обозначить как: нейтрализация, пацификация и денацификация. И это во многом требует перенастройки нашего отношения к Украине.

Скорее всего, после украинского опыта нам придётся переходить от привычной идеологии о триедином русском народе к осознанию факта существования трёх восточнославянских (русских) наций — самостоятельных политических субъектов — и выстраивать новую русскую идентичность уже как некую сетевую множественность, проводя, с известной долей условности, аналогии с немецким, англо-саксонским, арабским миром и их разными субъектами.

Новая русская идентичность — это о том, как нам вновь собрать своё ядро, понимая при этом, что каждый из трёх русских (восточнославянских) народов уже не сможет просто взять и вернуться в некое благословенное состояние прошлых форм единства. Это значит, что нужно собирать союз на новых основаниях.

Какими могут быть эти основания? Осознание своей общности не как данности и мантры, а через осмысление и принятие своего нового места в общем большом проекте. Лучше всего это может получиться на примере Беларуси, которая сохраняет тесные союзные отношения с Россией, не разругалась с Украиной и достаточно самостоятельна, чтобы решать серьёзные задачи. Россия и Беларусь всё ещё могут проектировать и реа-

лизировать создание в треугольнике Москва—Минск—Санкт-Петербург опорного месторазвития русской цивилизации на пограничье с Европой.

Беларусь — это Брестская крепость на западе Евразии, но имеющая потенциал быть не только пограничной цитаделью. Актуальная позиция страны позволяет выстраивать не только оборонительную политику, но думать на несколько шагов вперёд — об умиротворении фронта, притягивании Украины обратным, конструктивным влиянием на беспокойных соседей на западе. Беларусь — это «умная сила» Евразии, задача которой — опираясь на союз с Россией, снимать конфликтный потенциал на пограничье, в стратегической перспективе — работать на вовлечение Европы в большую Евразию.

Польша и Прибалтика — сложные соседи и активные про-тагонисты евроатлантической солидарности. Но и к их сознанию можно и нужно находить ключики, открывая возможности не только конфликтного взаимодействия. В этих обществах, несмотря на кажущуюся монолитность и однозначный выбор, присутствуют разные силы, живут разные идеи и некоторые из них могут быть комплементарны континентальной евразийской логике. С этим нужно работать. Например, с белорусских позиций. Тем более, что сама Европа кардинально меняется.

Отношения с Европой определяют характер и структуру фронта. Наш общий интерес — уменьшать степень его конфликтности, милитаризованности, непредсказуемости. Но делать это нужно с позиции силы и уверенности в собственной идентичности. Поэтому важно все же осознать особенности и отличия своей идентичности от европейской. Восточнославянские (русские) страны и народы всё же следует отнести к Евразии, а не Европе. У нас много общего, мы очень близки, но не тождественны. Признание этого помогло бы избежать многих иллюзий как с той, так и с другой стороны.

Старая Европа тоже стоит перед выбором будущего, мир изменился, возник мощный Китай, вернулась сильная Россия, США стали более прагматичными и эгоистичными. Европе нужно помочь в её правильном выборе.

Но прежде, чем это сделать, нужно разобраться в себе. Осознать и признать русскость, евразийскость — это позволит об-

рести внутреннюю определённую, необходимый ценностный и идейный стержень. Культурный и географический детерминизм будут подсказывать пути и методы необходимой экономической и политической организации собственного пространства, государственности, суверенности, которые, очевидно, будут должны отличаться от западных.

В политэкономическом смысле нам не уйти от создания более справедливого, социального общества. Именно поэтому экономический и социальный опыт, накопленный в той же Беларуси, может быть востребован в гораздо больших масштабах.

Осознавая это и выполняя соответствующие задачи, будет приходиться видеть иного горизонт, сверхцелей, как это уже происходило с нами в советское время. Задачи объединения человечества и покорения космоса никто не отменял. Сейчас несколько иное время — время протекционизма, национализма, распада глобализованного мира на большие пан-регионы, блоки, но всегда перед собой нужно видеть далёкую цель, превосходящую желания и жизни существующего поколения. Участие в реализации такой цели — это то, чего нам не избежать, это то, что делает нашу культуру и цивилизацию великой и живой.

1. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ МИР

Новая русская идентичность

Какой сегодня может быть русскость? Белорусы, украинцы — это ещё русские или уже нет? Можно ли быть белорусом и русским, украинцем и русским одновременно или эти понятия обязательно противопоставляются друг другу? Отвечать на эти вопросы необходимо, если мы хотим понимания и продолжения русского самосознания. Но эти ответы нас неизбежно приведут к пониманию того, что возникнет новая русская идентичность. О том, какой она может быть, стоит задуматься и представить её возможные формы.

Абстрагируясь от актуальностей современного «русского (восточнославянского) мира»: конфликта России и Украины, туманной судьбы Союзного государства России и Беларуси, необходимо обратиться к изначальным ключевым идеям-концепциям, лежащим в основе русскости, «русской идеи», возникшим, согласно Владимиру Топорову, среди древнерусских книжников в промежутке между 1040 и 1120 г. и до сих пор оказывающим влияние на нашу жизнь.

Эти три идеи могут быть сформулированы следующим образом:

- 1) единство в пространстве и в сфере власти;
- 2) единство во времени и в духе, идея духовного преемства;
- 3) святость, как высший нравственный идеал поведения, жизненная позиция, особый вид святости, понимаемой как жертвенность, как упование на иной мир, на ценности, которые не от мира сего.

Краткая формула «русской идеи» — это единство святости, царства и земства. И современные политические и религиозные коллизии стоит рассматривать именно в этом контексте. Нерв

современной «русской жизни» — это борьба за единство после периода очередной смуты, весьма драматичная, в чём-то трагичная, в чём-то комичная.

Можно заметить, что в этой формуле нет развития, это довольно консервативный её вариант, тем более трудно реализуемый в настоящем, когда очень сложно представить единство в пространстве и во власти, и упование на ценности не от мира сего сведены к минимуму.

Из этого следует, что нужна более актуальная формулировка если не русской идеи как таковой, то хотя бы новой русской идентичности. Какой она может быть?

Прежде всего нужно понимать, что сама русская идентичность переживает кризисные времена, по сути в результате распада СССР мы отброшены в XVI–XVII века, с разделением на Западную и Восточную Русь, где Русь Московская разрывается между собиранием земель, изоляционизмом, западным давлением и попыткой поворота на Восток, а Русь Украинская и Белорусская превращаются в колеблющийся между цивилизациями фронт и даже линию настоящего фронта, как это произошло на Донбассе.

Также это означает, что идеологема о едином русском народе, состоящим из велико-, мало- и белорусов хоть и остаётся в сознании части населения и элит, но уступает более осязаемой реальности в виде трёх политических наций, образованных на основе собственной государственности: российской, украинской и белорусской. И мы видим, что отношения между ними далеки от идиллической картины единства и братства. Братская риторика не только исчезает под ударами междоусобицы, но и выхолащивается экономическими спорами, пресловутым «прагматизмом», нарочитой заботой о национальных интересах и суверенитете, за ширмой которых часто прячутся скорее интересы правящих элит, а не большинства народа.

Новая русская идентичность — это то, что может объединять три народа поверх наличествующих реалий в виде отдельных национальных идентичностей и государств. Сразу же поступит возражение — а возможно ли это? Со ссылкой на украинский пример можно обосновать тезис о том, что единство в духе, власти и пространстве возможно только в рамках едино-

го государства и это государство — Россия, о чём говорит весь предыдущий исторический опыт.

Пожалуй, с оговорками, с этим можно согласиться, но сегодня объединение в одной России добровольно уже не произойдёт, оно возможно только военным путём, что окончательно похоронит как идею единства, так и, скорее всего, саму единую государственность, которая предсказуемо не выдержит наличие мощного внутреннего очага конфликтности.

Итак, новая русская идентичность должна смириться с существованием реалий, то есть трёх русских государств и трёх русских политических наций. Противоречия между ними можно преодолеть только постановкой некой общей задачи, осознания себя в качестве единой цивилизации, представленной разными субъектами, но с общими целями.

Общая цель — победа в конкурентной борьбе цивилизаций, экономических и геополитических блоков. Сохраниться, укрепиться, не стать жертвой и ресурсом для соседей: Евроатлантики, Китая, исламского мира, по возможности, превратить их в ресурс для собственного развития.

Как это сделать? Через обладание определенными технологиями. Не только производственными, транспортными, военными, но и социальными. Святость, Святая Русь — социальная, сакральная технология, позволившая пережить и перемолоть на свою пользу монгольское и польское владычество в Восточной и Западной Руси. Советский большевизм — социально-идеологическая технология, позволившая контролировать полмира.

Сегодня такую технологию пытается разработать, внедрить и транслировать на остальную планету Китай в виде системы социального кредита, всех последствий появления которой мы ещё до конца не осознаём. Безусловно, были и есть такие технологии у западного мира: демократия, права человека, общество всеобщего благосостояния.

Нам, людям русской цивилизации, пусть и являющимся гражданами разных государств, имеющим разное этническое происхождение и религиозную принадлежность (это ключевое условие: открытость, инклюзивность новой русской идентичности, в её гравитационное поле можно и нужно включать всех, кто потенциально готов её принять как свою), нужно определить — с

какими технологиями мы собираемся отстоять своё место под солнцем, как организовать «технологическую цепочку» разным субъектам и определить специализацию каждого из них.

Из того, что лежит на поверхности, — технологии в энергетике, особенно ядерной. Например, Россия обладает технологией реактора на быстрых нейтронах (проект БРЕСТ), с замкнутым циклом использования ядерного топлива, что позволит сделать атомную энергетику гораздо более безопасной, экологичной и экономной, а в перспективе — обеспечить человечество стабильным источником энергии, потеснив углеводороды.

Это технология на перспективу, а сегодня Беларусь и Узбекистан, реализуя с Росатомом проекты строительство АЭС у себя, включаются в процесс связывания и развития, выделения точек экономического и социального роста — каждая в своём регионе, что будет конвертироваться и в усиление геополитического влияния, полученного от союза с Россией.

«Специализация» России естественным образом связана с наполнением её северного, сибирского и дальневосточного локуса. Арктические проекты, развитие городов и поселений в Сибири, взаимодействие с Китаем, Кореями, Японией на Дальнем Востоке. Взаимодействие не только экономическое и военно-политическое. С усилением роли восточноазиатских стран в мире, особенно КНР, вновь возникает задача формулировки русского проекта для Азии, Желтороссии, но уже не как территориального продвижения и захвата земель, а ассимиляции и русификации значительных групп больших азиатских этносов.

Задача крайне непростая, учитывая разный демографический вес русской и азиатских культур, более выраженный консерватизм и традиционализм, то сопротивляемость межкультурным контактам, у последних. Тем не менее такую задачу необходимо ставить, а не воспринимать ситуацию исключительно в образах китайской экспансии и угрозы. Русская культура имеет потенциал превращать в дружественные, лояльные сообщества представителей разных цивилизаций.

Безусловно, такая задача требует усиления демографического русского ядра, а потому предполагает участие наиболее пассионарных личностей не только из числа великороссов, но и украинцев, белорусов, всех частей бывшего советского народа.

Создание промежуточного слоя или даже этнической группы русских китайцев, лоббирующих и воплощающих мирное взаимодействие России и Китая, может быть воплощением русско-китайского глобального союза, который придёт на смену планетарному доминированию Евроатлантики.

«Специализация» Беларуси — быть хранительницей западного фронта. В зависимости от политической и военно-политической обстановки в пограничье Восточной Европы и Западной Евразии Беларусь может быть либо «караван-сараям» на новом Шёлковом пути, контролирующим и проводящим людей, транспорт, товары, услуги и инвестиции между Евразией и Европой и получающей от этого выгоду, либо цитаделью, коллективной Брестской крепостью, запирающей на ключ основные пути, и противостоящей всё более реальному нападению с Запада.

Беларусь — естественный противовес усилению Польши и превращению её геополитических амбиций в нечто реальное, поэтому развитие и успешность Беларуси в рамках общих русских целей — это, в том числе нейтрализация польского влияния, мягкое «притягивание» Прибалтики и весомый аргумент в борьбе за Украину. Пока Беларусь с Россией — Украина всё ещё не потеряна. Если Беларусь ослабнет и не выдержит давления, свалится к состоянию теперешней Украины, это нарушит баланс внутри русской цивилизации и уже поставит вопрос о существовании самой России.

«Специализация» Украины сегодня крайне проблематична в силу потери почти всех компетенций и производственных мощностей, доставшихся ей в наследство из советского прошлого. Возможно, при всём понятном скепсисе, украинский опыт может быть полезен именно в качестве социальной технологии. Переживание майданов, смуты, ослабления и разделения государства, гражданской войны привело к возникновению в Украине многообразных форм самоорганизации населения: от самопомощи до разнообразного добровольчества. Оценивать это лучше беспристрастно и без эмоций, просто как нечто, что показало свою эффективность, поскольку, несмотря на голоса скептиков, Украина как государство выстояло и не разва-

лилось, и во многом благодаря этим практикам. Вероятно, этот опыт может быть полезным для «земства» в рамках цивилизационных задач. И для того чтобы понять, так ли это, этот опыт, по крайней мере, нужно хорошо изучить.

Итак, формулируя новую русскую идентичность, мы должны исходить из наличия разных политических субъектов — трёх русских государств и политических наций, должны осмыслить и принять как вызов общую цивилизационную цель, понять технологии её достижения и видеть «специализацию» каждого из субъектов. Обсуждение и понимание этого кажется мне достойным поводом для диалога и общения заинтересованных интеллектуалов, как минимум из России, Украины и Беларуси.

Что делать трём русским народам?

Русских народов три. Все они одного корня, но долгое время жили порознь, и так произошли из них три разных русских народа; у каждого — свое название, своя речь, свои обычаи, свои песни, своя одежда.

Один русский народ живет под Москвой и далее; называется он великорусский. Второй живет под Киевом и называется украинским.

Мы — третий народ русского корня, зовемся белорусами, и страна наша называется Беларусь. Есть среди нас православные, есть и католики, но народ у нас один, потому что у всех одна речь, одни обычаи, одни песни, одна одежда, один образ жизни.

Максим Богданович, 1915 г.

Эти слова белорусского поэта Максима Богдановича, вынесенные в эпиграф и озвученные ровно сто лет назад, сегодня вызвали бы непонимание у многих.

Украинские и белорусские националисты стали бы отрицать существование общего «корня» с русскими, для русских националистов — украинцы и белорусы никак не могут претендовать на статус отдельных народов и наций.

Противоречия между этими двумя крайними позициями стали еще более отчетливыми на фоне событий на Украине.

В восприятии большинства россиян происходящее там — результат «искусственного» возвращения украинской нации и манипуляции национальным чувством украинцев со стороны геополитических соперников.

Для многих украинцев Россия предстает в качестве империи, не уважающей их право на самоопределение и отличие. Беларусь в этом конфликте пытается сохранить дистанцию от крайних позиций и хоть как-то примирить повздоривших братьев.

Да, народы были и будут братскими, несмотря на стычку вокруг Крыма и все еще кровоточащую рану на Донбассе. История знает примеры примирения за короткое время и после гораздо более масштабных и глубоких конфликтов. У каждого из народов происходили и происходят необратимые процессы нациостроительства.

Уже есть не три русских народа, а три нации. Нравится это кому-то или нет, но это факт. Вопрос в другом — что с этим делать в сложившейся ситуации?

Националистические круги в России предлагают рассматривать украинскую и белорусскую нации как конкурентные проекты и действовать соответственно — оторвать, вычленив из них те территории и население, которые могут быть включены в состав нации русской.

Националисты Украины и Беларуси пытаются построить национальную идентичность на основе мобилизации против России, на противопоставлении и ориентации на ее геополитических соперников.

Обе стратегии провальны. Первая — потому что Россия, сделав ставку на русский этнонационализм, будет втянута в войну практически со всеми соседями, не только с Украиной, Беларусью, но и, например, с Казахстаном.

На этой почве неизбежно возникнут линии разлома, очаги сепаратизма внутри самого российского государства.

Вторая — потому что антироссийские национальные проекты в Беларуси и Украине обречены на подчиненное, служебное положение в геополитической игре.

Исторически и фактически они никогда не были самостоятельными, использовались исключительно в деструктивных целях. Реальная сущность их носителей — быть «полицаем» у очередного западного «благодетеля».

Что остается? Советский опыт управления нациестроительством. Название книги проницательного американского исследователя Терри Мартина о советской национальной политике удачно перевели как «Империя положительной деятельности». Положительной деятельности — потому что был дан своевременный конструктивный ответ на национальные ожидания разных народов. Империя — потому что горизонт целей этой деятельности был наднациональным, превосходил локальные национализмы и включал их в гораздо более масштабный, по сути — глобальный проект.

Поступит возражение — советский опыт был неудачным, ибо СССР в итоге развалился на национальные кварталы, институциональные предпосылки к чему были созданы теми самими большевиками.

С этим нельзя согласиться. Советская политика управления национальным разнообразием доказала свою успешность во время Великой Отечественной войны. Немцам, несмотря на имеющиеся планы, так и не удалось разыграть национальную карту, общесоветская солидарность оказалась сильнее и стала одним из важнейших факторов победы.

После войны концепция «дружбы народов» успешно сдерживала эскалацию национальных противоречий. Основная причина развала СССР кроется в другом — в борьбе именно московских элит за власть, стремление руководства РСФСР избавиться от общесоюзной надстройки и «балласта» в виде закавказских и среднеазиатских республик.

А например, руководитель Казахстана Нурсултан Назарбаев до последнего противился упразднению СССР, затем он одним из первых предложил идею создания нового союза — Евразийского, которая не нашла должного понимания у тогдашнего российского руководства.

Чуть позже уже Президент Беларуси Александр Лукашенко фактически «принудил» Россию к реинтеграции. Но все это — история. Сейчас другие реалии. Новое руководство России, из-

бавившись от иллюзий стать равноправным участником коллективного Запада, пытается запустить процесс континентальной интеграции в Северной Евразии, реагирует, как может, на скатывание украинского национального проекта в откровенно враждебный, хотя был он таким не всегда.

Ясного понимания, что делать с этим и другими постсоветскими национальными проектами до сих пор нет. Мнение о том, что их можно взять и отменить, выкрутить элитам руки и загнать обратно в Россию, — вредное и опасное заблуждение, порожденное русской фрустрацией 90-х.

Для Беларуси вариант отказа от суверенного государства и национального государства просто ради абстрактного величия России и мечтаний тамошних националистов — малопривлекателен и не является сколь-либо реалистичной перспективой.

В то же время излишнее выпячивание национальной исключительности и чрезмерное дистанцирование от России опасно следованием по украинскому сценарию.

Сегодня реальный суверенитет возможен только в рамках кооперации в наднациональных интеграционных проектах. Он обеспечивается спецификацией и весом страны в больших промышленных, технологических, транспортно-логистических и оборонных цепочках.

На Украине национальный проект рано или поздно будет переформатироваться. Энергия антироссийского горения будет иссякать по мере ухудшения экономического положения, большей уступчивости ЕС в отношениях с Россией на фоне возрастающей террористической угрозы и самопожирания националистического актива.

Запрос на иной, социально ориентированный национальный проект на Украине пока не оформлен, но он есть, он неизбежен.

Но, скорее всего, работать придется всем вместе: украинским активистам и творцам Новой Украины — снизу, у себя на родине, белорусским товарищам — создавая общие для трех наций площадки общения и проектирования, России — предлагая новую наднациональную повестку.

Что у нас дано сейчас: три государства и три политические нации с общими русскими (восточнославянскими) корня-

ми. При этом между двумя из них существует острый политический, гибридный военный и фундаментальный идеологический конфликт (Россия и Украина), между Россией и Беларусью существует незавершенный интеграционный проект Союзного государства, статус и будущее которого каждой из сторон видится по-разному. С российской стороны СГ сегодня воспринимается скорее как промежуточная форма вхождения в состав РФ, с белорусской — как прообраз нового наднационального Союза, построенного на равных основаниях.

Дискуссии о русскости, русском, восточнославянском единстве должны обращать внимание прежде всего на это. Как умиротворить Украину, как погасить антироссийский аффект там, как сделать украинство не антагонистичным русскости и России, а комплементарным, потому что просто так взять и отменить его, игнорировать нельзя? Как выйти из интеграционного тупика между Россией и Беларусью, как привлечь к союзу Украину? Вот о чём стоило бы всем нам интенсивно думать.

Идея о триединстве русского народа удивительным образом напоминает вероучение о Святой Троице, может быть, даже от него и происходит. Там Бог един, но предстаёт в трёх лицах (Бог-Отец, Сын и Святой Дух), а здесь — народ (русский, объединяющий великороссов, малороссов-украинцев и белорусов). Всё бы ничего, если есть политическое единство и эта концепция прилагается естественным образом. Но политическое единство было разрушено в 1991 году прежде всего как результат борьбы за власть между общесоюзным и новым российским руководством в Москве.

Если уже существуют отдельные государства и политические нации ими сформированные, то таким же образом возникают собственные «племенные» божества и символы веры. Их как раз и нужно заново «крестить», объединить, превзойти, найти общий знаменатель, желательно без войны — и так слишком много жертв от внутренних усобиц.

Наднациональная повестка, не ограниченная интересами только России, Украины и Беларуси, — это то, что должно формировать образ общего будущего для трех русских наций. В его основании может быть только сверхзадача — обеспече-

ние себе возможности совместного выживания и цивилизационного (экономического, технологического, культурного) прорыва, сравнимого с тем, который совершил в свое время советский народ.

Три архетипа русской политической культуры

После распада СССР большинство постсоветских государств вернулось к устойчивым архетипам своей политической культуры, зачастую, весьма архаичным: ханствам и эмиратам в Средней Азии, племенным княжествам в Прибалтике и Закавказье.

Это же можно сказать и о трех русских народах и их государственности. Россия и ее лидеры после очередной смуты вспомнили, наконец, что она является царством, империей, собирательницей земель.

Украина разрывается между практиками Запорожской Сечи и Дикого поля с постоянной чехардой из гетманов и черных рад.

Беларусь реализует модель не племенного, но имперского княжества, находящегося в персональной унии с мощным полюсом силы. Происходящее сегодня между нашими тремя странами я бы видел в том числе и через эту призму.

Княжество, Сечь и Царство — три глубинных политических архетипа Беларуси, Украины и России.

Интеграционный спор между РБ и РФ — это спор давних архетипов. Сознание человека великорусской политической культуры неизбежно будет стремиться к преодолению раздробленности и раскола, объединению всех его частей в одном государстве. Таков исторический опыт России.

Хуже всего если в России возьмут верх идеи объединения в одно государство по этнонациональному признаку, так называемого *ирредента*. Ирредента — это война. Попытки оторвать территории от Беларуси, Казахстана, да и Украины обернутся большой войной. Братоубийственной войной. Понятно, что словоохотливые интеллигенты националистического толка готовы разжечь её хоть завтра. Они не несут за свои слова никакой ответственности.

Откуда всё это пошло? Думаю, в современной России это, в основном, связано с наследием Солженицына. Именно он, по сути, является идеологом современного русского национализма, сформировал его основные постулаты, начиная от необходимости развала СССР, т.е. избавления от «нерусских» до создания русского национального государства с отрывом территорий от соседних республик.

Солженицын — русский националист-антисоветчик, но чистый западник по форме. Неудивительно, что культовую фигуру из него сделали именно на Западе, видимо, не без участия спецслужб. Он был нужен в качестве тарана против многонациональной державы.

Ирредента, стремление к созданию русского этнонационального государства вместо союза народов похоронит Россию, ввергнув её в войны с последними союзниками и братьями. И это выгодно только тем, кто поддерживал Солженицына и его разрушительные идеи.

России нужно заниматься не ирредентизмом в ближнем окружении, а развитием себя, построением в рамках уже имеющейся территории социального государства, только это может стать привлекающим фактором для соседей, а не ирредента.

«Линия Солженицына», безусловно, в России довольна укоренена. Её истоки можно искать в публицистике Михаила Меньшикова, деятельности «Союза русского народа», стремлении белогвардейцев построить «единую и неделимую» в условиях распадающейся империи, когда это уже было невозможно и страну нужно было пересобирать по-другому. В среде эмиграции — это Иван Ильин и НТС.

Так уж получилось, что в поисках идентичности для «новой России» наблюдается возрождение подобных сомнительных идей и героизация крайне неоднозначных личностей, того же Солженицына, Ильина, Колчака. Этот процесс на самом деле сродни украинскому, где просто зашли гораздо дальше, вплоть до героизации Бандеры и Шухевича. Видимо, в какой-то степени, это закономерно, буржуазный строй требует формирования буржуазного национализма и соответствующего идеологического обоснования.

Но это не имеет ничего общего с традиционной империей и союзом народов, каковой только и может быть Россия. Западный национализм смертельно опасен для единства страны, отношений с союзниками. А именно он маячит за идеями Солженицына и его единомышленников. Просто эта националистическая волна добралась и до России, как ранее она захватила Украину. Но это глубоко родственные явления.

Для России это очень опасно. Эту грань между патриотизмом и воинствующим национализмом, как мы все видели на украинском примере, очень легко перейти. Ирредента — это архаика. Посмотрим на наших конкурентов. Какова структура англосаксонского мира? Это сетевое сообщество: есть военный центр (США, отчасти Британия), финансовый (Британия, отчасти США), есть доминионы — опорные точки в регионах (Канада, ЮАР, Австралия, Новая Зеландия).

Почему мы не можем устроить свою сетевую структуру? Или по сравнению с англосаксами мы находимся примерно в своём XVIII веке, когда США воевали за независимость от Британии, а теперь Украина воюет с Россией. В этом ничего хорошего. Это архаизация. Причём не только Украины, но и России. Беларуси это тоже напрямую касается, если не устоим и пойдём тем же путём.

Специфика современной белорусской национальной идентичности построена не на отталкивании от России, как это произошло в случае с Украиной, да и почти со всем постсоветским пространством, но на союзе с ней. А это было и есть пока чем-то исключительным и как раз это усиливает наше отличие от тех же украинцев, поляков, литовцев. По отношению к последним мы воспринимаемся как форпост или западный фронт русско-евразийской цивилизации.

Но в то же самое время в белорусах нет стремления полностью раствориться в русском народе и российской государственности, что часто встречается непонимание в России, где стремление создать единое централизованное государство — часть глубокой исторической традиции. Как согласовать эти позиции и не допустить раскола? Нужно последовательно развивать союзную идентичность, которая в белорусском случае не

противопоставляет белорусов россиянам, а в российском — не настаивает на растворении.

Это достаточно сложно, но без тонкой настройки, понимания этой сложности и работы с ней никакая интеграция в Евразии невозможна. В союзе Беларуси и России мы имеем уникальную лабораторию интеграции, поэтому к ней нужно относиться бережно и не сбрасывать со счетов, она может ещё очень сильно пригодиться.

При этом нужно понимать, Беларусь будет стремиться сохранить свою автономию и не допустить полного растворения в унии/союзе.

Что из этого получится — покажет время, но выход я бы видел за пределами этих национальных моделей. Осознание общей цивилизационной задачи могло бы и объединить в достаточной степени элиты наших стран, и сохранить необходимую степень автономии, как это мы видим на примере ЕС. Сформулировать и воплотить общую задачу — это и есть на самом деле главный вызов всей постсоветской интеграции.

Русский политический дуализм

Русская культура и политика как её отражение — это культура рывков, прорывов и разрывов. И российско-украинско-белорусское междоусобное трепыхание и суета во многом обусловлены спецификой нашей культуры. Острое переживание неоконченного разрыва и попытка подготовить новый рывок.

100-летие Русской революции и 150-летие Ленина породили очередную волну споров между «красными» и «белыми» в России. Кажется, этот спор будет бесконечным, и я подозреваю, что его причины кроются не только в истории XX века.

Русское сознание, культура, как показали Юрий Лотман и Борис Успенский, очень дуалистичны. В них очень резко отделены друг от друга и аксиологически заряжены две контрпозиции и это проявляется во многих аспектах жизни: свои и чужие, друзья и враги, Русский мир и Запад, «низы» и «верха», «красные» и «белые». Истоки всего этого, вероятно, религиозные, идущие от очень существенно влияния иранского дуализма на славян,

особенно восточных, когда само понятие веры связывается с правильным выбором между вселенским добром и злом.

Русский дуализм также имеет несколько точек напряжения: разрыв между балтославянским политеизмом и иранским дуализмом, затем разрыв между дохристианскими верованиями и православием, религиозный раскол XVII века, петровский раскол между вестернизированной элитой и «низами», раскол после революции 1917 года и реставрации 1991-го.

Русский дуализм имеет и давние геополитические причины. Раздробленностью и распадом Древней Руси воспользовались две силы. Одна — могучая Орда, созданная Чингисханом, другая — появившаяся из леса Литва.

Нашествие монголов для восточной части Руси было гораздо более разрушительным, чем переход западной её части под власть Литвы, но впоследствии всё вышло наоборот.

Московская Русь выжила и окрепла под властью монголов, а Литовская Русь попала в двойную зависимость — ещё и от Польши, в первой русскость выстояла и стала распространяться на бывший Улус Джучи, а во второй стала сдавать позиции и могла вовсе раствориться в польской стихии.

Монголы и Литва были варварами-язычниками, подчинившими Русь, но последствия их владычества были разными. Монголы оказались более прозорливыми в том, что не уничтожали основ русскости: язык и веру, а вот Литва сделала неправильный цивилизационный выбор, приведший к упадку (западно)русского языка и православия.

Также и сегодня. Россия—Евразия, пережив распад СССР и лихие 90-е, вернулась на арену истории, а Литва, вступив в НАТО и ЕС, стала катастрофически терять население. Разделение на Западную и Восточную Русь также имеет давнюю традицию. Западные части Древней Руси попали под власть Литвы и Польши и в силу длительного нахождения в составе ВКЛ и Речи Посполитой приобрели ряд особенностей, восточная часть — Московское княжество развивалось во взаимодействии с Золотой Ордой и в силу этого также стало своеобразным государством.

В наше время мы, возможно, наблюдаем не возрождение этих традиций, а их реконфигурацию. С одной стороны мы име-

ем Союзное государство России и Беларуси — по сути, Северную Русь и политическую традицию суперпрезидентской власти, а с другой — Украину, Южную Русь с её политической традицией майданной полуанархии.

Этот древний дуализм и его последствия можно хорошо проиллюстрировать судьбами князей Александра Невского и Даниила Галицкого.

Александр Невский сделал судьбоносный выбор в пользу Орды и стал в определенном смысле архитектором будущего величия Северо-Восточной Руси. Он наладил хорошие отношения с монголами и разгромил западных захватчиков: шведов и немцев. Всё это имело далеко идущие геополитические последствия.

Даниил Галицкий предпочёл союзу с монголами активное развитие отношений с Западом, католической церковью. Даже получил от папы римского титул короля Руси.

Но если рассматривать их стратегии «в долгую», то Александр Невский, безусловно, оказался прозорливее Даниила Галицкого, поэтому и стал святым, а Даниил в итоге проиграл свою партию, его потомки не сохранили статус королевства и вообще вскоре были подчинены литовцами и поляками.

Этот выбор, очевидно, стоит и сегодня перед народами русского корня. Украина, как и когда-то Даниил, сделала ставку на интеграцию в Запад. Результат плачевный. Россия выбирает между союзом с Китаем и ЕС и пока не понятно, какой выбор сделает.

Ю. Лотман полагал, что нужно ориентироваться на Европу, по примеру европейской культуры вводить в систему культуры третий, промежуточный, посреднический элемент. В политике и экономике у европейцев это был парламент и различные корпорации, выступавшие посредниками между властью и обществом.

Россия как целое, как субъект, в принципе, в Запад не интегрируема. И поэтому все иллюзии о том, что будет какой-то правый консервативный интернационал у России с Америкой, с Европой, — это не работает. Это иллюзии, миражи, которые Запад искусственно, с выгодой для себя, в России поддерживает. Но по факту «клуб господ», которым является Запад, для России, для большинства её населения, закрыт.

Надо искать собственный путь. В России происходят попытки «красно-белого» примирения, синтеза, на самом деле пока не очень удачные. Механически объединить разные полюса не получится, нужна некая метапозиция по отношению к ним.

Какой она может быть? По отношению к прошлому она явно должна происходить из будущего. То есть мы должны спорить не о том, кто более святой — Николай II или Сталин, а о том, какая программа будущего для России более жизнеспособна. И как-то особо претендентов на выдвижение такой программы не видно.

Из «красного» лагеря в основном звучат предложения ещё раз повторить революцию и сделать римейк СССР, учитывая его ошибки. Из «белого» доносятся упования на то, что современное положение России уже обеспечивает её достойное место в будущем, главное — побольше православной веры и избавления от «красного» наследия.

Нужно ли говорить, что обе эти позиции вопиюще не футурогенны, в них нет ростков будущего. И из попытки их соединить оно тоже не появится.

Тогда откуда им вообще взяться? Из мировоззрения и деятельности тех, кто прекрасно понимает, что в России невозможно устойчивое государство иначе как с сильным социальным характером и что для этого не обязательно вести войну с религией или царским наследием, если оно ещё осталось. Понимает, что для того чтобы не дойти до состояния, когда революция станет единственно возможным решением нужно кардинально менять экономическую модель. Да, для этого нужно меньше монополизма и влияния ТЭК, не нужна такая финансовая привязка к Западу, как сейчас, а нужно больше стратегического государственного планирования, вложений в передовые технологии, НИ-ОКР и общеевразийскую инфраструктуру.

Для этого придётся искать немалые средства. И их нужно найти, даже если понадобится пожертвовать роскошью, благополучием, привычным образом жизни многих из правящего класса. Если этого не сделает сама власть, рано или поздно это сделают за неё.

Возможно ли это? Ответ на этот вопрос означает ответ на то, есть ли у нас у всех, как цивилизации, будущее как таковое.

Огонь и пепел. Белорусско-украинский контраст

В начале июля 2015 года выдалась возможность посетить Украину, сравнить для себя то, что было до Майдана и есть сейчас. Больше всего меня интересовали важные с символической, исторической и религиозной точки зрения места формирования украинской идентичности. Я далек от того, чтобы считать украинцев искусственной нацией или пренебрежительно относиться к украинскому государству. Просто хотелось понять, что происходит с этой близкой, братской страной.

Из того, что мне довелось увидеть и услышать на Украине для себя, я определил три исторических составляющих украинской идентичности:

1) древнерусское наследие. Это начало государственности, интеллектуальная традиция (философия, письменность, книжная культура), столичный статус Киева, Галицко-Волынское княжество, историческая и этнокультурная связь с другими восточнославянскими народами: белорусами и русскими;

2) православная религиозность. Киев как сакральный центр для значительной части православных, Киево-Печерская и Почаевская лавры, Киево-Могилянская академия, отстаивание собственной идентичности православными казаками перед лицом католической и исламской экспансии;

3) наследие УССР. Именно в советской Украине окончательно оформилась нация, украинский язык стал доминирующим на основной территории проживания украинцев, сама эта территория приобрела границы, именно в это время был создан промышленный и экономический потенциал государства.

В настоящее время имеет место кризис всех трех элементов: обрывается связь с двумя другими русскими народами, особенно, с россиянами, православие переживает ряд болезненных расколов и уступает пассионарным униатам, советское наследие перечеркивается законами о декоммунизации и деиндустриализации страны.

Набирающий все больший вес галицийский вариант украинского национализма с упором на греко-католическую религию (как единственно правильную национальную) и культ УПА —

это, скорее, некий радикальный экстремум, существенно отличающийся от базового ядра украинской идентичности.

Большинство украинцев убеждены, что в стране идет не гражданская, а украино-российская война. Но война какая-то странная. Дипломатические отношения не прерваны, Украина поставляет в Россию свои товары, Россия на Украину — газ.

Собеседники убеждены, что Россия вероломно напала, и не видят, что именно Майдан привел к цепи необратимых событий.

На некоторые вопросы не получаю ответа. Почему не предотвратили погром, который подстегнул пророссийских активистов в Крыму? Зачем отменили закон о региональных языках? Почему до сих пор не расследованы дела о снайперах на Майдане и события в Одессе?

Украинцы говорят: мы хотим сами решать свою судьбу и чтобы Россия от нас, наконец, отстала.

Допустим. Но как изменить географию и то, что у такой крупной державы всегда будут свои интересы, с которыми, как минимум, надо считаться?

На Украине поверили в евромечту, но сейчас она рушится на глазах. Правда в том, что украинцы особо никому не нужны, кроме самих себя. Некоторые это понимают и верят в то, что справятся сами. В крайнем случае, помогут США или ЕС... Помогут ли?

За время путешествия по постмайданной Украине удалось проехать почти всю историческую Волинь. Этот регион действительно очень близок и понятен для белоруса. Но больше всего был впечатлен... Брестом, где мы и встретили белорусский День Независимости.

Это тоже часть Волини, и украинские националисты часто рассматривают Брестчину как свой регион. Но какое же колоссальное отличие! Раньше в Бресте я бывал только проездом и видел в основном вокзал, а сейчас время позволило довольно подробно изучить центр города.

Никакого сравнения с украинскими городами. Брест буквально преобразился в моих глазах. Очень уютный, чистый, комфортный город со своей неповторимой атмосферой. Большая пешеходная улица, скверы с прекрасными скульптурами,

много магазинов и кафе, но без кричащих и беспорядочных вывесок.

Гармоничное сочетание архитектурных стилей и построек разных эпох. В общем, я поражен, настоящий европейский город. После довольно удручающего вида Житомира, сравнимого по населению и значению с Брестом, атмосфера совсем другая. Есть порядок и государство.

Возникает и другое чувство — досады. От того, что через границу та же самая земля и люди живут в другом мире. Очень четко видно, что украинцы во многом близки, если не идентичны белорусам, но социально-политическая разница огромна.

В чем причина? В тех проектах нации, которые строят в наших государствах. Для меня символом белорусской идентичности стал великолепный памятник тысячелетию Бреста, возведенный на пересечении улиц Гоголя и Советской в 2009 г. Это — квинтэссенция белорусской идеи.

Древняя и средневековая история, период Российской империи, Победа и достижения СССР спаяны там воедино под сенью Ангела-хранителя. Древнерусский летописец, Владимир Василькович, Витовт Великий, Николай Радзивилл, мать-крестьянка в народной одежде, советский солдат-победитель, космонавт и ангелы.

Нет никакого противопоставления, все это стало основой нашей традиции. На Украине так не получилось.

Идентичность должна строиться не на взрывоопасных противоречивых идеях, а на базисных элементах с выходом на перспективу будущего. Все периоды истории надо рассматривать в единстве, брать из неё огонь, а не пепел.

Мне возразят — а можно ли объединить Бандеру и Ковпака? Единственный критерий тут — реальный положительный результат. Ответьте сами, что сделала УПА — построила Днепро-ГЭС или устроила Волинскую резню? И что более важно в конструктивном и футуристическом смысле для Украины.

Пока не вижу в Украине проекта будущего, но в любом случае Беларусь — это хороший пример для украинцев, как можно и нужно строить свое государство и идентичность.

Я это понял в Бресте — одном из прекраснейших городов нашей большой страны.

Новая Украина: союзный взгляд

В обсуждении ситуации на Украине чаще всего преобладают негативные оценки настоящего или анализ предпосылок этого в прошлом. Будущее этого государства представляется крайне неопределённым и туманным. Между тем для понимания того, что делать с Украиной, в рамках союзной логики необходимо чётко представлять то, как мы видим будущее Украины.

Осознание цели и «игра в долгу»

То, что Украина скатилась до состояния гражданской войны, утраты территориальной целостности и фактически превратилась из самостоятельного субъекта международных отношений в объект геополитического противоборства, было вызвано прежде всего внутренними причинами, но не только.

Наличие «внешнего» проекта и целеполагания также оказало существенное влияние. Этот проект заключался в отрыве Украины от любых интеграционных объединений, связанных с Россией, и, по возможности, привлечении её в евроатлантическую сферу влияния.

Мотивы этого весьма откровенно в своё время сформулировал небезызвестный Збигнев Бжезинский: *«Если Москва вернёт себе контроль над Украиной с её 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Чёрному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии», «Украина является ключевым государством постольку, поскольку затрагивается собственная будущая эволюция России».*

Мотив очень понятный и по-своему логичный — чтобы не допустить усиления России, выдавив её из Европы, ей необходимо создать такую проблему, которая может быть вызовом существованию самой России. И лучшего кандидата для этого, чем Украина, — политически, экономически, демографически и сакрально важная для восточнославянского мира территория — не придумать.

С Украиной, впрочем, как и с большинством постсоциалистических стран и постсоветских республик, Запад играл «в долгу», на перспективу, и получил от этой игры колоссальные дивиденды. Упомянутый выше Бжезинский был одним из тех, кто начинал эту «игру».

Им и его коллегами начиная с 50-х годов XX в. были внимательно проанализированы причины успеха советской национальной политики, выразившейся в том числе в создании УССР и БССР, а также в массовой поддержке этническими украинцами и белорусами коммунистических и просоветских идей во второй Речи Посполитой.

Эта поддержка потом сыграла немаловажную роль при её разделе и воссоединении Западной Украины и Беларуси в Советском Союзе.

Вывод из этого следовал простой — для того чтобы использовать национальную идентичность украинцев и белорусов в качестве геополитического оружия, надо наполнить её соответствующим содержанием. Если у СССР это получилось против Польши, то почему не может получиться у США против СССР и России?

Для успеха необходимо сформировать свою версию национальной идентичности или поддержать уже имеющуюся, но антисоветскую и русофобскую, что и было сделано в сотрудничестве с бандеровцами во время холодной войны.

Из числа эмигрантов-националистов и их потомков были созданы «мозговые центры», наводнены ими СМИ, вещающие на Украину, они же стали ориентиром, «хранителем» национальной идентичности для представителей гуманитарной интеллигенции и части политиков в постсоветское время.

Таким образом, несмотря на длительный период времени и объёмные финансовые вливания на «перекодирование» Украины со стороны Запада, это был успешный проект, и его основные цели достигнуты: Украина «изъята» из интеграционных союзов вокруг России, переориентирована на Запад, является для России причиной значительных ресурсных затрат.

В связи с этим возникает вопрос: а какие цели в отношении Украины есть или должны быть у России и Беларуси?

Безусловно, цель-максимум — возвращение Украины в «семью», то есть участие целой Украины или большинства её территории в Союзном государстве и Евразийском союзе.

Понятно, что на сегодняшний день эта цель выглядит не более реалистично, чем планы американцев по отрыву Украины от России в середине 1950-х годов. Но такая цель должна присутствовать в отношении любых стратегий с союзной стороны.

В противном случае Украина будет если не неизбежно враждебной по отношению к России и Беларуси, то, однозначно, постоянным источником экономических проблем и военно-политических угроз.

С чего начать?

С осознания того, что и нам необходимо играть «в долгую».

Конечно, нельзя исключать, что сама Украина в силу многочисленных внутренних противоречий и внешнего давления не спровоцирует Россию, например, атаковав Крым или республики Донбасса, на ответную военную операцию, которая может всё кардинально изменить. Сейчас такой сценарий кажется наименее вероятным. А наиболее — постепенная «прибалтизация», то есть превращение страны в милитаризованный антисоюзный фронт и источник деструктивного влияния в регионе.

Учитывая такую тенденцию развития ситуации, перед Союзным государством на украинском направлении стоят три тактические задачи: пацификация, нейтрализация, денацификация.

Пацификация, т.е. прекращение боевых действий, умиротворение украинского общества и (хотя бы) части элит, используя для этого имеющиеся возможности: продолжение «минского процесса», экономическое вовлечение, работу с «партией мира» украинского политикума и общества.

Нейтрализация, т.е. признание на международном уровне того, что если страны Запада, прежде всего Европейского союза, заинтересованы в восстановлении доверия с Россией и совместного обеспечения безопасности на континенте, то Украине не место в НАТО либо других антироссийских военно-политических альянсах. В случае поддержки США милитаристского

и антироссийского курса украинских властей Россия на других треках отношений: на Ближнем Востоке, в Восточной Азии будет придерживаться аналогичной линии поведения, игнорируя американские интересы.

Денацификация — очевидная необходимость. Украина сегодня — эпицентр возрождения ультра национализма и неонацизма, это международная проблема и угроза всем странам-соседям. До тех пор, пока на Украине действуют вооружённые формирования ультраправых, их идеология имеет признание и свободное хождение в украинском государстве, их следует рассматривать в качестве актуальной угрозы для безопасности и сотрудничества в Европе. Использование украинского национализма для геополитического сдерживания России делает его вдвойне опасней и позволяет ставить его на один уровень с идеологией исламского экстремизма.

Деятельность националистов на Украине последнего времени требует тщательной правовой оценки и, возможно, создания международного трибунала по расследованию и осуждению их преступлений. Кроме того, в качестве противоядия необходимы возрождение левого, коммунистического движения на Украине, программа восстановления уничтоженных памятников и т.д., организационная и финансовая поддержка со стороны компартий Союзного государства.

Украина и почти вся Восточная Европа — серьёзнейший очаг национализма и неонацизма и геополитическое противостояние между Западом и Востоком будет приобретать черты идеологического. На Западе будут всё более терпимо относиться к историческому ревизионизму, пересмотру итогов Второй мировой войны и, в конце концов, к возрождению нацизма и расизма. А на Востоке (в России и её союзников, в Китае) будет расти противостояние этому.

В этом можно убедиться, если взглянуть на карту стран, голосовавших в ООН в 2014 г. за и против российской резолюции о борьбе с героизацией нацизма. Результаты голосования очень показательны. За — почти вся Евразия, Латинская Америка, Африка, против всего три страны: Украина, США и Канада, страны ЕС воздержались.

Нацизм — это вирус. Идеологический и мировоззренческий. Иммуни­тет против него не бывает вечным, что мы пре­красно увидели на примере Украины. Украинцы были частью великого народа-победителя, но всего за 25 лет иммуни­тет об­щества и государства против нацизма был утрачен. Поэтому ни­кому не нужно успокаиваться, и память о Победе действи­тельно крайне необходима как терапевтическое средство.

Но одной только памяти мало, нужна отдельная большая программа по денацификации, прежде всего Украины как части нашего пространства и в целом Восточной и Западной Европы. Это комплекс мероприятий по очищению обществ, культуры, науки, прессы, образования от влияния неонацистской идеоло­гии. Это серьёзная задача, которая потребует осознания серьёз­ности проблемы, того, что касается она и каждого из нас, пото­му что споры нацизма существуют и в наших обществах, от их роста не застрахован никто.

Борьба с нацизмом и расизмом должна быть системной, глубоко продуманной и воспринимаемой всерьёз, иначе все уси­лия будут напрасны. Под это должны быть заточены СМИ, ли­деры мнений, системы образования и науки, это должно быть общее дело, как минимум для стран Евразийского Союза и Ки­тая. Да, в этом случае, вероятно, придётся наступить на горло и собственному подрастающему национализму, но без этого мы проиграем в войне смыслов точно также как проиграли в бит­ве за Украину.

У России и её союзников есть значительный опыт теорети­ческого и практического антифашизма, нужно всё это актуали­зировать в современных формах, изобретать новые. В ближай­шее время будет определяться будущая траектория человече­ства и вряд ли кто-то, кроме нас, сможет помочь ему не скатиться в ад на земле. Этот вызов нужно понять и принять его.

Вообще же стоит начать также с изменения отношения к ук­раинской идентичности. Её стоит воспринимать всерьёз. Она не была изобретена австрийским генштабом, и в ней нет изначаль­ной антирусскости, как нас пытаются убедить некоторые укра­инские политэмигранты, осевшие в России и пытающиеся дока­зать, что они более русские, чем россияне.

Украинский язык, культура, разные формы государственно­сти — это факты, с которыми необходимо считаться, а не отбра­сывать как несущественные детали. Восприятие всерьёз укра­инскости означает начало основательной работы с ней так, как это делали большевики или Бжезинский и сотоварищи.

Следует отметить, что начинать эту серьёзную эшелониро­ванную работу придётся не с нуля, и процент украинцев, высту­пающих сегодня за союз с Россией и Беларусью, будет гораздо выше тех, кто в конце 50-х хотел отделения Украины от СССР.

Несмотря на массивную пропаганду, даже сейчас «со­юзное ядро» сохраняется на уровне 20 %. Президент Лукашенко имеет беспрецедентно высокий для зарубежного политика уро­вень поддержки на Украине — 63 %. Это косвенно может сви­детельствовать о том, что позитивное восприятие белорусской социально-политической модели, основанной на тесном союзе с Россией и воплощаемой фигурой лидера, имеет потенциал для трансформации в позитивное восприятие самого союза.

И третья, достаточно многочисленная группа опоры — при­хожане Украинской православной церкви Московского патри­архата. Невзирая на раскол православной церкви, политическое давление со стороны власти и конкурентов: униатов, протестан­тов и язычников, УПЦ МП, пребывая, по сути, в состоянии го­нимой церкви, сохраняет символические и сакральные основа­ния украинской идентичности.

Очевидно, что все три группы, чётко фиксируемые социоло­гически — приверженцы союза на Востоке и Юго-Востоке Ук­раины, симпатизанты Лукашенко и прихожане УПЦ МП — на­ходятся в крайне неблагоприятной политической атмосфере, связанной с преследованием со стороны спецслужб, национа­листов и пропагандистской дискредитацией, тем не менее это мощная социальная база для возникновения Новой Украины.

Что делать?

В текущих условиях консолидация этой базы в рамках влия­тельной политической силы пока невозможна. Теперешние ук­раинские власти, их зарубежные патроны по понятным причи­нам будут этому всячески препятствовать, стремясь разбить

её на фрагменты, электорально растворить, не позволяя вновь превратиться в решающее большинство.

И вот здесь надо начинать с нуля, беря пример с американцев. Если мы хотим вернуть Украину, то к украинскости надо относиться серьёзно, а это значит, создавать свой образ украинской идентичности. С уважительным отношением к украинскому языку, символике и истории, но такой истории, где Украина имеет общий исток с Россией и Беларусью, с новым качественным, а не лубочным осмыслением восточнославянского единства.

Необходимо союзное видение украинской истории с санацией её от шовинистического этнонационализма в духе присвоения цивилизации Триполья или истории Древней Руси.

В качестве возможного примера необходим общесоюзный российско-украинско-белорусский учебник истории. Необходимо и общий образ будущего или хотя бы доходчивое объяснение того, что у подавляющего большинства украинцев достойное будущее может быть связано только с общим делом и союзом с ближайшими братьями.

Работа с украинской диаспорой, особенно в России. В диаспоральной среде должны появиться свои «фабрики мысли», СМИ, работающие на формирование новой украинской идентичности. По формальным и неформальным каналам она будет распространяться на самой Украине.

Кроме того, если Украина твёрдо встанет на путь «прибалтизации», то есть с деиндустриализацией и массовым исходом населения (а так, судя по всему, и произойдёт), в России и Беларуси необходима союзная программа переселения и адаптации жителей Украины.

Украинцев надо принимать организованно и целенаправленно, во-первых, восполняя демографические лакуны в Союзном государстве, во-вторых, формируя из них лояльную диаспору, влияющую через родственные связи на остающихся на Украине соотечественников.

На Украину специально должны работать отдельные СМИ (спутниковое ТВ, радио, интернет), в том числе на украинском языке, продвигающие союзную повестку и повестку развития для Украины в Союзном государстве.

Для украинской молодёжи, студентов, молодых учёных необходима специальная программа визитов, стажировок, семинаров с целью ознакомления их с реальным положением дел в России и Беларуси. Белорусский опыт развития представляется особенно важным, поскольку знакомство с ним для украинцев имеет серьёзный потенциал влияния.

Остаётся и работа с элитами. Ради сохранения украинского государства любой адекватный лидер будет стремиться к централизации, концентрации власти, сокращению зарубежного влияния, особенно ведущего к военной конфронтации с Россией, ликвидации политического и экономического бандитизма. Выявление и конструктивная работа с такими лидерами тоже должна быть системной и глубоко продуманной.

Текущая битва за Украину проиграна, но война — нет. Выиграть её можно только с союзных позиций и общими усилиями.

Русские города

Матрицу общей культуры мы получили из той — Древней, или Киевской Руси, названной по имени города. Только в городе, в мегаполисе можно ощутить всю пульсацию социальной жизни и её энергию. Особенно русской цивилизации, которая собственно и возникла как цивилизация городская.

Создание и развитие городов в процессе экспансии во многом и обусловило специфику русскости. Через города мы осваиваем пространства, создаем там наши центры власти, религии, науки и искусства.

Изначальная Русь была сетью укрепленных градов (норманское название Руси — Гардарики), которая охватывала слабозаселенные лесные пространства Западной Евразии. Тем же самым способом — основанием городов и продвижением от них как опорных пунктов — русские люди, в том числе, кстати, белорусы и украинцы, затем осваивали Сибирь и Дальний Восток.

Сейчас мы переживаем усобицы, но такое бывало и раньше. Плохо, неприятно, но пройдет. Русские города всё равно остаются на своём месте, а значит, сохраняют и нашу общность.

Без Киева мы, конечно, чувствуем себя сиротливо. Увели в плен и опозорили мать — мать городов русских. Сейчас там чувствуют себя как дома и хозяйничают извечные соперники.

После распада Родины мы из наших партизанских болот, глядя на Москву, думали, что она захвачена врагом, и мечтали её освободить. Но русский город Москва переварил оккупанта, выдавил из себя предателя. В Москве — это традиция. Сейчас мы надеемся на то, что здоровья и традиции хватит и у Киева.

Феномен Москвы восхищает. После разгрома монголами изначальной Руси именно Москва и её прозорливые правители смогли сделать правильные стратегические шаги: переиграть монголов, направить вектор продвижения на северо-восток, перехватить знамя собирателя русских и православных земель. Москва достойно переняла эстафету у Киева и тысячекратно преумножила его достижения.

Одно из них — способность возводить новые города. Так возник Петербург — как гениальный план человеческого разума, стратегическая задумка державы, которой нужен был свой флот и окно в Европу. Спланированная упорядоченность Петербурга поражает не меньше стихийного расширения Москвы.

Минск — другой. В нем не ощущается седовласая древность Киева. Нет умопомрачительной роскоши Москвы, нет утонченной готичности Петербурга. Минск прост и уютен, он всегда восстаёт из пепла. Последний раз — как советский город Солнца. Он до сих пор такой. За это его и любят.

Брест — один из самых светлых городов, в которых доводилось побывать. Он всегда даёт много позитивных эмоций, особенно когда возвращаешься из заграницы. Брест — пограничный город, первым встречающий приезжего и успокаивающий тем, что находишься на Родине. Да, по ту сторону Буга много важного и интересного, но только в Бресте возникает ощущение, что уже дома.

Брест — судьбоносный город, город-рубеж, определяющий зачастую трагический ход истории. Брестская уния, Брестский мир, оборона Брестской крепости. Брест — город-крепость, форпост, но его символическое значение гораздо больше нацио-

нального масштаба, он значим для всей Евразии, и именно здесь чувствуешь, где проходит граница между цивилизациями.

В Севастополе следы советской цивилизации вызывают светлую ностальгию по утраченному раю. Солнце, море, лучезарная архитектура и Большой стиль. 35-я батарея в Севастополе очень сильное место. Своей трагичностью и героизмом, сравнимое с Брестской крепостью. Херсонес Таврический — исток того грандиозного культурного синтеза, сделавшего Русь могущественной глобальной силой, место где соединились Эллада и Скифия, Византия и Русь, дав начало Северной Ромее.

Воспоминаниями счастливого детства сохраняется образ солнечной, обрамленной снежными вершинами Алма-Аты — города, возникшего из приграничной заставы Верный.

Киев, Москва, Петербург, Минск, Новосибирск — в каждом из этих городов находишь что-то свое, близкое. Киев пока оказался ментально отрезанным от общего пространства, но не думаю, что это продлится долго.

У русских городов всегда будет нечто исконно общее — печать древнерусской святости, изображенной в храмах и фресках, индустриальное сердце, заведенное, как точный механизм, советской властью, сталинский ампи́р — как напоминание о последнем во времени грандиозном рывке в пространстве, даже типовые панельные дома хрущевской или брежневской эпохи.

Наши города прекрасны. Можно восхищаться средневековым богатством и узенькими улочками западноевропейских городов, экзотическим колоритом и диковинками городов восточных, но в русских городах есть что-то неповторимое.

Во-первых, это свое, родное. Во-вторых, их история — это наша история, наших предков, родителей. В-третьих, в них пульсирует наша жизнь, это пространство наших дел и свершений, результат которых будет иметь продолжение уже в наших потомках.

Хочется только одного — чтобы, как и раньше, наши города и их жители были связаны тысячами и миллионами нитей: авиалиниями, поездами, автодорогами; людскими судьбами — работой, личными отношениями, семейными узами. Для того чтобы — несмотря ни на что — мы росли, развивались и добивались успеха как единый взаимосвязанный организм.

*Союзный треугольник
Минск—Москва—Санкт-Петербург*

Транспортно-логистическая сфера всегда находилась в тесной связи с геополитическими и оборонными факторами.

В мирное время магистрали, дороги и транспортные узлы служат кровеносными артериями экономики, по которым движутся товары и услуги, создавая точки роста и рабочие места. В периоды блоковой конфронтации пути сообщения — важнейший ресурс, обеспечивающий стратегическое преимущество и поэтому контроль над ними и развитие — первостепенная задача государства с точки зрения безопасности.

Союзное государство Беларуси и России образует важнейший транспортно-логистический кластер в Северо-Западной Евразии, от существования и согласованного развития которого зависит очень многое: и для наших стран, и для Китая, и для Европейского союза.

В связи с обострением противоречий России и Запада, без сомнения, будет меняться и конфигурация транспортного сообщения. Попробуем представить, каким же образом и что можно реализовать как общесоюзный проект?

Прибалтийский очаг напряжённости

С началом украинского кризиса в 2014 году юго-восточная Прибалтика становится одним из эпицентров милитаризации в Европе. Страны Балтии (Литва, Латвия и Эстония) и Польша проводят мобилизационные мероприятия и увеличивают присутствие войск НАТО на своей территории.

В информационном пространстве происходит постоянная демонизация России, якобы имеющей некие агрессивные планы в отношении этих стран, а также осуществляется постоянная информационная и дипломатическая атака на белорусско-российский проект строительства Белорусской атомной станции. Совместные плановые учения Беларуси и России «Запад-2017» были использованы как повод для кампании масштабной дезинформации и нагнетания конфронтационной атмосферы.

Очевидно, что всё это имеет пока относительно безопасный формат и не переходит грань, за которой может уже включиться необратимая логика военной машины. Тем не менее есть ощущение, что происходит медленный дрейф именно в этом направлении.

И в таком случае союз Беларуси и России оказывается на передовой, а потому согласование позиций и общая стратегия будет необходима не только в военном плане.

Беларусь и Прибалтику, особенно Литву, в настоящее время связывают давно сложившиеся транзитные узлы. По разным оценкам, до трети грузопотока порта Клайпеды обеспечивают именно белорусские грузы: нефтепродукты и калийные удобрения.

Объясняется это довольно просто — географической близостью, налаженными связями и доступными тарифами.

И даже несмотря на то, что ОАО «РЖД» недавно заявило о готовности предоставить 50%-ную скидку на перевозку белорусских нефтепродуктов в направлении портов Усть-Луги и Санкт-Петербурга, всё равно прибалтийское направление остаётся для Беларуси приоритетным в силу понятных причин, прежде всего экономических.

Тем не менее политическая повестка в регионе значительно меняется, и она тоже должна учитываться, по крайней мере для прогнозирования ситуации.

Сценарии будущего

Зафиксируем несколько позиций: наличие взаимовыгодных логистических связей Беларуси и Прибалтики, тенденцию роста напряжённости и милитаризации региона, неконструктивное поведение Литвы, возможно, Польши и Латвии в отношении строительства БелАЭС и перспективы экспорта белорусской электроэнергии в страны ЕС после её запуска.

Как при наличии этих вводных может развиваться ситуация? На наш взгляд, возможны три варианта:

1) сохранение статус-кво. Несмотря на публичную риторику, отношения Беларуси и прибалтийских стран в транспортной сфере будут и дальше строиться на прагматической основе, и споры вокруг БелАЭС никак на них не повлияют. Беларусь и

дальше будет наращивать грузопоток через прибалтийские порты, так как это наиболее выгодно. Россия не будет предъявлять в этом случае никаких претензий и требований к Беларуси;

2) деградация отношений. Поскольку регион включился в большую геополитическую игру, постепенно будет возвращаться блоковое мышление и дисциплина, напрямую затрагивая отношения союзников — России и Беларуси. В ответ на блокировку экспорта с БелАЭС, санкционную политику и милитаризацию, Россия и Беларусь будут вынуждены искать совместные ответные меры, в том числе в транспортно-логистической сфере;

3) эскалация. Поводом может стать какой-либо инцидент в регионе или размораживание конфликта на Донбассе. Прибалтика превращается в полноценный военный плацдарм НАТО, начинается новая «холодная война».

Наиболее вероятным кажется второй сценарий. Вряд ли уже удастся сохранить статус-кво, тем более усилиями одной Беларуси, резкое обострение обстановки возможно, но пока маловероятно. А вот медленное сползание к блоковому противостоянию и «сжигание» мостов (экономических и логистических) фактически уже происходит.

В этой перспективе необходимо понимать, что эта тенденция надолго, и что Беларуси не удастся долго лавировать и нивелировать противоречия с западными соседями в силу своего политического и экономического веса. Хотя это, безусловно, необходимо делать, как можно дольше оттягивая момент окончательного определения конфронтационных позиций. И что Беларуси и России необходимо иметь не просто согласованные позиции, но и готовые к реализации проекты и идеи.

Одной из них может стать треугольник развития Минск—Москва—Санкт-Петербург.

Союзный треугольник

Складывающаяся ситуация сама подталкивает к реализации такой идеи.

Во-первых, это очевидная долгосрочная тенденция изоляции Прибалтики в перспективе противостояния.

Руководство Литвы, Латвии и Эстонии, опираясь на поддержку руководства ЕС, настаивают на реализации проекта *Rail*

Baltica — железной дороги с европейской колеёй 1435 мм и протяженностью от Берлина до Таллина.

Судя по всему, при сомнительной экономической целесообразности, основное предназначение дороги — военно-стратегическое, возможность быстрой переброски войск и боевой техники. То есть поддержка этого проекта и его весьма вероятная реализация говорят о характере стратегического планирования в отношении России и Беларуси.

Во-вторых, руководство российских компаний заявило о полном отказе России от транзита нефтепродуктов через порты Прибалтики и переориентации на собственные портовые мощности.

В этой связи логично возникает вопрос к белорусской стороне — если Беларусь получает нефть по союзной, льготной цене, то почему она не использует союзный маршрут для транспортировки нефтепродуктов?

Это уже политический вопрос, требующий общего решения. В данном случае должна действовать и долгосрочная скидка от «РЖД», чтобы белорусам это было выгодно, и высокий уровень обслуживания, учитывающий возросшие форс-мажорные риски.

Но в целом необходимо союзное стратегическое решение. Предусматривающее, что Беларусь и Россия делают ставку на развитие треугольника Минск—Москва—Санкт-Петербург хотя бы в транспортном измерении.

Балтийская Русь — новое месторазвитие русской цивилизации

Обращение России к себе, к решению внутренних вопросов и проблем для её союзников в определённом смысле несёт серьёзные вызовы. Реагируя на них, придётся спокойно и рассудительно ответить себе самим, — в какой степени мы хотим и можем участвовать в возрождении России. Готовы ли вместе с россиянами решать возникающие проблемы, обеспечивать безопасность и превозмочь текущие невзгоды.

У России есть все возможности быть самостоятельным, инновационным и, соответственно, технологическим центром. Этому, несомненно, способствует обладание передовыми технологиями, скажем, в ядерной энергетике, разработках искусственного интеллекта и т.д. Такой статус России даёт реальный шанс её соседям войти в сообщество развитых стран. Иначе ни с какой другой культурой, цивилизацией мы в него не попадём.

Есть очень простая дилемма: если хочешь развиваться, тогда у тебя есть шанс на развитие с Россией; если хочешь пребывать в полукOLONиальном состоянии, тогда тебе в компанию с Грузией, Украиной и Прибалтикой. Потому что уже можно сказать определенно — шансов на развитие у них не остаётся. Они могут существовать в качестве государства, но без развитой инженерной школы, технологической базы и прочее. Это похоже, скорее, на резервацию...

Понятно, что в ближайшее время Россия будет сосредоточена на себе, и это правильно. Она должна явить пример для собственного населения и для окружающих. Поэтому многие ресурсы, которые раньше шли за рубеж, Россия будет использовать внутри, развивать собственную инфраструктуру и регионы. И наверное, вызов для национальных элит, мыслящих патриотически, — это борьба за союз с такой Россией, которая будет развиваться и усиливаться, несмотря ни на что.

Россия вступает в естественный цикл подъёма. И ответственные представители национальных элит на постсоветском пространстве должны понимать — либо ты едешь с ней в одном вагоне, либо ты остаёшься на периферии и пропадаешь, погружаясь в небытие. Поэтому все мы должны быть вместе. Каждый из нас должен использовать свой потенциал для достижения общего и нужного всем нам результата — возрождения России.

Потенциал Беларуси — это почти десять миллионов её граждан. И благодаря, может быть, более организованной системе управления, сохранению лучших советских традиций, мы можем помочь России приобрести, а правильнее — вернуть статус цивилизационного центра. Важно чтобы и в России это осознали те представители гуманитарной интеллигенции, журналисты, которые питают иллюзии, что можно с Западом помирить-

ся. Нет, на самом деле не надо мириться. Может быть «железный» занавес для России сейчас полезнее, чем надежда на то, что с Трампом получится договориться. Не получится, эти надежды совершенно напрасные. Поэтому специально обострять ситуацию не надо, но и изо всех сил пытаться договариваться тоже не стоит.

Белорусская экономика находится в очень тесном симбиозе с российской, а общество и государство стабильны, в том числе благодаря зонтику безопасности, созданному вместе с Россией. Это, кстати, редко кто вспоминает из обывателей и прозападных политиков, хотя именно это делает белорусские города такими уютными и безопасными. Союз с Россией даёт белорусам если не всё, то очень многое, самое главное.

Возможно, для России белорусский фактор не такой значимый, хотя с этим тоже можно поспорить. У России много векторов приложения усилий и пристального интереса: Закавказье, Туркестан, Ближний и Дальний Восток, Арктика. Ресурсов и внимания на всё это требуется очень много. Но так получилось, что на фронтире Евразии и Евroatлантики у России остался только один союзник — Республика Беларусь. Небольшая, но значимая, стратегический «балкон».

Его потеря означает почти полную блокаду западных рубежей России. Здесь же близко маячит и возрождение польского империализма в виде Междуморья. Потому, что если в белорусско-российском союзе что-то нарушится, пойдёт не так, то ни в каком независимом одиночестве белорусы не останутся. Польша будет здесь зримо и незримо, там к этому готовятся.

Пограничье России и Европы превращается в беспокойный фронт, а Беларусь находится в его центре и чудом (на самом деле благодаря сильному государству) удерживает его и удерживается сама от эскалации конфликта.

Но это констатация текущей ситуации, диагноз, а где же искать исцеления? Фронтирность, в том числе Беларуси, заканчивается тогда, когда страна всё же примыкает на условиях союзу к ядру одной из цивилизаций (Запад или Россия), тогда она получает новый импульс к развитию, а «ядра» договариваются между собой о проведении границ и «красных» линий.

В СССР мы были частью ядра и развитого центра, из Москвы мы получили колоссальный импульс поддержки и развития, восстановления после войны. Нахождение в ядре русско-евразийской цивилизации для нас более предпочтительно потому, что изначально мы можем претендовать там на более высокий символический и иной статус, отношение русских к белорусам всегда было более позитивным, чем, например, поляков.

На самом верхнем уровне для России—Евразии и нашего Союза необходим Большой проект, вовлекающий как элиты, так и простых граждан. Геополитическая и геоэкономическая обстановка подсказывает возможные контуры такого проекта. Западные границы (Беларусь, Калининградская область, Санкт-Петербург) превращаются во фронт Евразии и Евроатлантики.

Прогрессирующая милитаризация Польши и Прибалтики говорит о том, что такая ситуация сохранится надолго и будет ухудшаться с перспективой блокады трансъевразийских коммуникаций. Это может ударить не только по России и Беларуси, ЕАЭС, но и по китайскому проекту Пояса и пути. Западный фронт становится точкой пересечения и конфликта интересов глобальных игроков (США, ЕС, РФ, КНР).

Также нужно понимать, что Украина для общего дела русской цивилизации потеряна надолго. Если проводить аналогии с Молдовой и Грузией, то для относительной нормализации её отношений с Россией должно пройти 20–25 лет, притом если не будет эксцессов и эскалации. А Украина гораздо более важная страна, чем Молдова или Грузия, то есть «битва» за неё будет долгой и упорной. И далеко не всё там можно решить только через внешнее влияние, в результате «большой сделки» и т.д. Внутри Украины после катастрофы Евромайдана формируется проблемный, антироссийский консенсус и перспективы нормализации отношений с ней крайне туманны.

Поэтому логично возникает вопрос о переносе одного из ядер русской цивилизации с юга (Донбасс, Новороссия) на север — в треугольник между Беларусью и агломерациями Москвы и Санкт-Петербурга с подключением региона «авианосца» — Калининградской области. Этот северо-западный локус развития должен также стать и противовесом в промышлен-

ном, демографическом и военном смысле евроатлантическим регионам: Прибалтике, Польше, Фенноскандии. То есть не они должны притягивать к себе наши ресурсы, а мы их.

Чтобы выдержать конкуренцию и справиться с давлением соседей необходимо создать связанный — инфраструктурно, логистически, демографически — треугольник Минск—Москва—Санкт-Петербург в качестве параллельного и альтернативного польско-прибалтийскому узлу Евроатлантики. В условиях надолго потерянной Украины и Киева, как русского города и нашего цивилизационного центра, разрушения Донбасса, перед нами стоит задача создания в этом треугольнике нового места развития русской цивилизации.

Мегарегион Балтийская Русь (Санкт-Петербург — Новгород — Псков — Витебск — Полоцк — Минск — Гродно — Калининград), связанный транспортно-логистическим планом, социально-экономическим, территориальным планированием, миграционной и туристической политикой также может быть одной из технократических скреп союза России и Беларуси.

Балтийская Русь — это Северо-Западная Русь, а исторически — Белая Русь, поскольку в письменных источниках она впервые появляется и локализуется где-то рядом с Балтийским морем. Этот регион может стать очень важным оплотом новой русской идентичности, с одной стороны, обращённой к первоистокам — городам изначальной варяжской, северной Руси (Ладога, Новгород, Изборск, Псков, Полоцк, Витебск), а с другой стороны, открытой будущему через медиацию между Европой и Евразией, начинающейся от Китая.

В границах Балтийской Руси и Русской Евразии очень важна роль мегаполисов: Санкт-Петербурга и Минска, в перспективе — Калининграда, как образовательных, научных и гуманитарных центров. Это точки опоры, которые необходимо связать в единую сеть, где будет формироваться на стыке европейского и евразийского новая русская идентичность.

В рамках этой концепции можно найти и место для всё ещё многочисленной русской и русскоязычной диаспоры в прибалтийских странах. По мере их экономического и демографического угасания всё более будет востребована посредническая

роль, снижающая градус конфронтационности внутри этих обществ и вовне — по отношению к России и Беларуси. Рано или поздно эти страны будут естественным образом тяготеть к появившемуся центру развития — Балтийской Руси.

По сути, это и есть регионально локализованный Большой проект со множеством подпроектов в самых разных сферах — от инженерии и безопасности до гуманитарной науки и образования. Отдельные элементы, которые можно интегрировать в такой проект, уже существуют или успешно реализуются (БелАЭС, индустриальный парк «Великий Камень», порт в Усть-Луге, высокоскоростное движение между Петербургом и Москвой).

До запуска этих «несущих конструкций» и драйверов развитие политической архитектуры было бы преждевременным, вызывающим подозрения элит и непонимание обычных граждан. По мере его реализации органично возникнет вопрос не только о взаимном признании прав граждан, но, возможно, о политических правах и институтах — союзном гражданстве, союзных политических партиях и союзном парламенте. В сфере безопасности — появление элементов союзной армии, например создание общих военных баз или воинских частей, подчинённых союзному командованию.

Треугольник Минск—Москва—Санкт-Петербург необходимо сделать образцом инфраструктурной, экономической, социальной, военной интеграции в Евразии, имеющим естественный потенциал интеграции политической. Запуск Большого проекта делает более предсказуемой политическую и экономическую траекторию внутри наших государств, когда власти, независимо от персоналий, будут заниматься его реализацией, приобретая союзную логику и мышление.

Миссия Беларуси для Большой России

Последние несколько лет на фоне значительных изменений во внешней и внутренней политике России одновременно происходит изменение «функционала» и восприятия ее ближайшей союзницы — Республики Беларусь.

Действительно, с момента создания Союзного государства России и Беларуси прошло достаточно времени, которое позволяет оценить с каких стартовых позиций и даже надежд начинались тесные союзнические отношения, что мы имеем сейчас и что было бы желательно в будущем.

На этих моментах хотелось бы заострить свое внимание.

«Принуждение» к интеграции

Если вспоминать контекст и атмосферу, сопутствовавшие началу союза Беларуси и России, то нередко приходилось слышать мнение о том, что Беларусь в то время провела своеобразную операцию по «принуждению» России к интеграции.

Известно, что начало политического восхождения Бориса Николаевича Ельцина проходило под лозунгом «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить».

Это коснулось и внешней, и внутренней политики, а многие проблемы, с которыми России пришлось столкнуться за последние 25 лет, в том числе в Чечне, Дагестане, сейчас на Украине, как представляется, были связаны именно с этими установками московских и региональных элит.

Вместе с этим российская правящая элита середины 1990-х — начала 2000-х лелеяла и искренне верила в реальную возможность интеграции России в глобальный Запад на выгодных для себя условиях: с принятием западных экономических моделей и правил игры, но с сохранением державного статуса и геополитического влияния.

Образ «либеральной империи» Чубайса и реальная политика России в то время определялись именно этими ориентирами.

И в этой обстановке Лукашенко и его единомышленники в Москве выдвигают идею союза «красной», сохраняющей уважительное отношение к советскому наследию, Беларуси и «белой» новой России, твердо вставшей на путь либерально-капиталистических преобразований.

Смелый шаг, который нашел понимание и поддержку в расшатывающейся России.

Для Беларуси это был единственный шанс выжить как государству, обеспечить свою безопасность и сохранить крупную промышленность, составляющую ядро экономики.

Для России и лично для Бориса Николаевича это была возможность выступить уже не в роли разрушителя державности, но собирателя земель и народов.

У каждого были свои дополнительные мотивы, и теперь уже понятно, что «народный трибун» Лукашенко, несмотря на готовность и горячую поддержку большинства россиян, не смог бы возглавить возникшее наднациональное образование, стать «императором».

Для тогдашних российских элит это было бы смерти подобно, России уже нужен был другой путь преемственности и передачи власти.

Тем не менее именно Беларусь выступила первым инициатором реинтеграции постсоветского пространства, задала вектор движения в этом направлении.

Ориентация на Россию тогда, да и сейчас — это определенный вызов, проблемная позиция в том идеологическом и геополитическом контексте, который сложился в Восточной Европе. Вызов, но и возможность с нашей стороны оставаться весьма влиятельным игроком в регионе.

Однако это утверждение требует понимания того, что мы сейчас имеем внутри и вовне нашего союза.

Сложившийся контекст отношений

Для Беларуси ее социально-экономическая модель, обеспеченная достаточной степенью суверенитета, — это реальная ценность, значение которой понимается и принимается подавляющим большинством граждан.

Национальная государственность воспринимается как достойное вознаграждение белорусам за участие и победу вместе с другими народами Советского Союза в Великой Отечественной войне. Поэтому «культ Победы» — один из основополагающих элементов идеологии современной Беларуси.

С этим же связана и социально-ориентированная экономическая модель, исключая возникновение олигархата как класса, и не без оснований считающаяся более справедливой, чем российская.

Условно говоря, в предложении войти «шестью губерниями» в состав России белорусы в большинстве своем не видят

ничего привлекательного, хотя видят это в тесном экономическом и военно-политическом союзе.

Но и Россия не стоит на месте, последние 5–7 лет прошли под знаком поворота к суверенной политике и отказа от западных иллюзий. По существу, Россия находится в самом начале фазы нового подъема и это позволяет в том числе более четко определить циклы развития российско-белорусских отношений.

В момент ослабления России, господства в ней антисоветизма, западнической и либеральной идеологии Беларусь выступала неосоветской цитаделью, фокусирующей внимание и симпатии «красного» пояса России и патриотов-державников, являясь живым укором для правящей в Москве элиты.

Если вспомнить «Основание» Азимова, то Республику Беларусь можно было представить как технократическое «Основание» Большой России, осколок СССР, выживший и развивающийся на периферии бывшего имперского пространства.

Психоисторическое «Основание» не имеет четкой географической локализации, оно представлено отдельными личностями и группами в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Минске, Киеве, Риге и в других городах, работавших с идеями и смыслами для преодоления очередной российской смуты и фазы упадка.

Война в Осетии, демонстрации на Болотной, кризис на Украине стали поворотными пунктами, определяющими возвращение влияния этих людей на курс страны и решения, принимаемые в Кремле.

И тут возникает коллизия с первым «Основанием» — если Большая Россия вновь собирается, то в чем смысл его существования?

Смысл, безусловно, есть. Это возможность согласованной работы на международной арене в противофазе — как разные субъекты, но с едиными целями.

Россия выстраивает конструктивные отношения с Западом, Беларусь с Западом конфликтует, Россия находится в состоянии конфронтации с Украиной, Беларусь дипломатическими методами вовлекает Украину в процесс мирного урегулирования.

Россия для Прибалтики, Польши и Украины — «жесткая сила», Беларусь — «мягкая». В Беларуси отрабатываются, предлагаются технологии управления, которые по прошествии времени используются и применяются в России с поправкой на большее разнообразие и масштаб. Централизация вертикали власти, государственное регулирование экономики, нормализация оппозиции, сохранение технологической самодостаточности, реиндустриализация, развитие собственного сельского хозяйства, «реабилитация» советского периода истории и т.д. В своё время даже белорусские паспорта в Абхазии и Приднестровье начали раздавать чуть ли не раньше российских.

Очертания новой миссии

Украинский кризис и начавшаяся конфронтация с Западом изменили многое. Эти изменения обязательно коснутся и белорусско-российских отношений.

Геополитическое значение Беларуси, как устойчивого государства обеспечивающего стабильность и безопасность на западном фронте и не позволяющего сомкнуться в Балто-Черноморском Междуморье антироссийскому альянсу, уже очевидно.

По мере запуска больших проектов, таких как Белорусская АЭС, китайско-белорусский индустриальный парк, создание на территории Беларуси крупного логистического хаба Нового шелкового пути, будет возрастать и ее экономическое значение.

В перспективе 5–10 лет Беларусь, особенно на фоне Украины и Прибалтики, имеет все шансы превратиться в индустриальный центр региона, более того, выдвинуться на лидерские позиции.

Эту перспективу однозначно необходимо учесть в рамках стратегического планирования российской политики. Возможности российского влияния в регионе на сегодня весьма ограничены, учитывая напряженные отношения со странами Балтии, Польшей и Украиной, у Беларуси же сохраняются возможности реализации иных моделей отношений с ними.

Они заключаются в том, что Беларусь, не отказываясь от союза с Россией и участия в ЕАЭС, может активно участвовать

в проектах региональной интеграции, охватывающих приграничные регионы, например через организацию малого приграничного движения, инфраструктурные, логистические и энергетические проекты.

Именно через такие проекты возможно снижение напряженности на границе ЕС и ЕАЭС.

Интерес России в том, что это не только первые практические шаги по созданию общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, но и в использовании влияния Беларуси для развития своего анклава — Калининградской области. Широкий транспортный коридор из Калининграда в Минск — это одна из приоритетных задач в рамках общей региональной политики.

В условиях санкций и технологического эмбарго России выгодно иметь в лице Беларуси своеобразный «оффшор» для технологий из ЕС.

При надлежащей дипломатической и внешнеэкономической активности со стороны России и Беларуси на белорусскую территорию можно привлечь часть европейского (прежде всего немецкого и французского) бизнеса.

На украинском направлении Беларусь будет оказывать возрастающее экономическое, возможно, политическое и иное влияние на Волынь и Полесье. Это необходимо использовать для сохранения и поддержания хотя бы минимально возможного в этих условиях уровня жизни и лоялизации местного населения.

С Украиной связана и еще одна общая задача. Поддержание демографической безопасности в смежных регионах России и Беларуси: Витебской, Смоленской и Псковской областях, где наблюдается пусть и меньшая, в сравнении с Прибалтикой, но все же заметная депопуляция.

Россия и Беларусь могли бы разработать совместную программу расселения и адаптации беженцев и переселенцев с Украины именно в эти, «ядровые» для белорусского и русского этносов территории.

В связи с выпадением Украины и Киева из зоны непосредственного геополитического влияния России в целом следовало бы подумать об усилении европейского территориального «ядра» России.

Тут параллельно с наращиванием численности населения необходим и общий план развития треугольника Минск—Москва—Санкт-Петербург, предусматривающий модернизацию транспортной коммуникации, создание внутри него новых предприятий и производств.

Создаваемая вокруг трех городов, трех столиц сверхагломерация должна стать новым территориальным, демографическим, экономическим центром геополитического образования вокруг России, по крайней мере на восточноевропейском направлении.

Беларусь в подобной конфигурации выглядит наиболее подготовленным и управляемым звеном. Но для неизбежного рывка необходима не просто прекрасно отработанная белорусским руководством тактика «партизанского» выживания, но совместная стратегия развития.

Стратегия, предусматривающая значительную степень автономии и самостоятельности Беларуси в решении общих задач, конструирование со стороны России будущего всего региона, полноценное включение в этот процесс Беларуси и ее потенциала.

То есть первое основание остается, но оно становится одной из баз для организации и упорядочивания внутреннего пространства и влияния вовне в рамках поставленных задач и разделяемой ответственности.

Именно в этом, как нам представляется, следует видеть не только возможности сохранения наиболее успешного на сегодня постсоветского интеграционного объединения — союза России и Беларуси, но и его развития, преобразования в новых политических, геополитических и экономических формах, более адекватных вызовам времени и судьбы.

Санкции и противофаза

В своё время автор этих строк использовал метафору «противофазы» для описания тактически разных, но стратегически общих внешнеполитических траекторий России и Беларуси на западном направлении. Смысл метафоры сводился к тому, что

разыгрывая на международной арене разные роли, наши страны могли бы добиваться общих целей.

Как оказалось, эта метафора вполне подходит и для описания того, как действует Запад в отношении нашего союза, правда, с совсем иными целями. И вот на них, этих целях, хотелось бы остановиться подробнее.

«Признание» одним, санкции другим

Украинский кризис существенным образом поменял публичную риторику западных ораторов в отношении России и Беларуси.

Если до него позитивными или нейтральными характеристиками наделялась Россия, ведущая постоянный включённый диалог с Западом и его структурами, а Беларусь выступала в роли «плохого парня», влиять на которого можно и нужно через Россию, то сейчас это отношение перевернулось.

Беларусь — «миротворческая площадка и донор безопасности», большинство санкций снято, выборы де факто признаются, а восприятие России приобретает всё более угрожающие, почти инфернальные очертания.

Официальный Минск, по большому счёту, ничего принципиально не поменял в своей внутривосточной позиции, что было основным мотивом давления и требований со стороны Запада. Так в чём же причина такой удивительной инверсии?

Причина, конечно же, кроется в другом. Запад на фоне украинского конфликта и вовлечения маленькой Беларуси в большую дипломатическую игру вокруг него пытается воспользоваться новыми возможностями и использовать новые подходы.

Эти новые возможности и подходы существенно отличаются от предыдущей политики. Если раньше на Беларусь оказывалось прямое политическое и экономическое давление, в том числе с помощью различных санкций, то сейчас кнут поменялся на пряник. Беларусь пытаются очаровать перспективами сотрудничества и будущими инвестициями в обмен на нейтралитет и дистанцирование от России.

Западные и прозападные политики, дипломаты и эксперты наперебой стараются убедить белорусское руководство, что

именно они больше всего заинтересованы в укреплении суверенитета и независимости Республики Беларусь. Россия же изображается не как основной стратегический партнёр и союзник, а как коварный агрессор, только и мечтающий об аншлюсе молодого Белорусского государства.

Снятие санкций и налаживание диалога с ЕС и США, конечно же, стоит оценивать позитивно и отнести к числу успехов белорусской дипломатии, но при этом ситуацию всё же необходимо рассматривать в более широком контексте.

Давление на Россию усиливается, и каждый новый этап санкционного противостояния всё более убеждает, что санкции если не навсегда, то надолго. Наличие санкций и их отсутствие становится, таким образом, чем-то большим, нежели инструментом давления только на одну страну. Их надо рассматривать через призму союзной логики.

Психическая атака

Санкции в нашем случае призваны иметь психологическое воздействие. Российской элите они должны показать реальность быстрого «отлучения» от благ и возможностей западной цивилизации, белорусской элите их отсутствие — что вовсе не обязательно разделять судьбу «оступившейся» элиты российской, что у Беларуси может и должна быть своя отдельная история отношений с Западом.

Безусловно, может и должна, но обеспечивать её надо не за счёт отношений с Россией.

А вот это уже не так и просто. Яркие примеры — строительство БелАЭС и учения «Запад-2017». Складывается ощущение, что пропагандистская машина и политики соседних с Беларусью стран ЕС и НАТО выбрали эти явления целью своей ожесточённой критики исключительно из-за участия в них вместе с Беларусью России. И если бы её там не было, то и критика мгновенно исчезла.

Последний пакет санкций, принятый руководством США, позволяет трактовать их расширительно и предполагать, что они могут вновь затронуть только что от них освободившуюся Беларусь.

То есть гипотетически под удар могут быть поставлены многие совместные энергетические, промышленные проекты Беларуси и России. Новый санкционный пакет был принят словно бы для того чтобы показать европейским компаниям-партнёрам России и её союзникам, что сотрудничество с ней опасно и нежелательно.

Естественно, никто не хочет возвращения санкций после того, как их убрали. В Беларуси тоже. Но не окажется ли так, что отмена санкций была нужна именно для того чтобы посадить страну «на крючок»? Не получилось прямо давить — надо очаровывать, привлекать, вовлекать, заманивать...

Конечно, белорусское руководство далеко не наивно и внимательно изучило опыт соседей, в том числе Украины, чтобы легко подпасть под это очарование и соблазн. Но на изменение тактики в отношении себя тоже надо отвечать соответствующе. И тоже изучать опыт. Например, Ирана, находившего под санкциями более 35 лет.

Когда Беларусь была под санкциями — это в определенном смысле имело положительный эффект, поскольку действовало мобилизирующим образом на белорусское общество и чиновников. А вот их снятие может иметь самоуспокаивающие, деморализующие последствия. Всё-таки основные факторы их отмены связаны с обострившейся геополитической ситуацией и стремлением Запада разыграть новую карту в отношении Беларуси и России с целью подрыва их союза и стратегического единства.

В Иране общество и государственную систему от подрывного воздействия, социальных и политических последствий введения западных санкций или их отмены «удерживает» наличие специального органа — Корпуса стражей исламской революции.

Беларусь не Иран, и «сторожить» здесь надо не исламскую революцию, а белорусскую социально-политическую модель, основанную на ценностях всенародных референдумов 1995 и 1996 годов, воплощенных в фигуре и политэкономической программе президента Лукашенко.

В условиях филигранной, но опасной игры на западном направлении такой «страхующий» орган с определенными поли-

тическими и идеологическими полномочиями, подчиняющийся лично главе государства, кажется всё же необходимым для поддержания устойчивости и преемственности белорусской государственной модели.

Экономический суверенитет

Даже если целесообразность в таком органе не будет очевидной, очевидным будет другое — необходимость союзного суверенного мышления в экономике.

Любые санкции утратят свой психологический эффект, если ответом на них будет укрепление кооперационных связей и общая программа импортозамещения в рамках союза России и Беларуси, несмотря на возможный санкционный шантаж.

Вряд ли Запад может и реально хочет переориентировать большую часть белорусской высокотехнологичной промышленности на себя, а также поделиться с белорусами передовыми технологиями, что в принципе, не значит, будто этого не может быть. Но Россию для Беларуси не сможет заменить никто.

Это фундаментальный факт, из которого логически проистекает то направление, в котором необходимо мыслить сообща — обретение подлинного экономического суверенитета, то есть такого состояния экономики двух стран, когда никакие санкции со стороны кого бы то ни было, не могли оказать негативного влияния на их развитие. Это не значит, что надо закрыться от всего мира, отказаться от внешней торговли и т.д. — вовсе нет, но в сфере финансов и ключевых промышленных технологий Россия и Беларусь должны стремиться к как можно большей суверенности.

Сегодня санкции отменили для Беларуси, ввели для России... Завтра всё может случиться наоборот. Так вот, союз России и Беларуси как раз и нужен для того чтобы это не оказывало на нас никакого существенного влияния, а только усиливало. Это, в свою очередь, уменьшит и число сторонников санкционной политики, поскольку её эффект будет сведен к минимуму.

Ну а если уж нас и пытаются вырвать из союза, то «противофазу» можно использовать в своих интересах — тот, кто (пока) не под санкциями, привлекает по возможности на свою терри-

торию технологии, которыми воспользуется и тот, кто (ещё) под санкциями. Да, это командная игра. Но сейчас поодиночке не выжить, тем более не стать лидером.

Будет ли «железный занавес» 2.0?

Судя по активности американцев в Восточной Европе (Польша, Прибалтика, Румыния) и Западной Евразии (Беларусь, Украина, Молдова) ими на сегодняшний день отрабатывается цель, которую в своё время озвучил Джорж Фридман: *«навредить, но не убить»*.

Регион не относится к числу приоритетных в стратегии США, но всё равно для них важен, поскольку здесь имеется несколько ключевых союзников, та же Польша, готовая платить за американское оружие и военное присутствие. Поэтому внимание всё равно будет. Но их действия на Украине, попытка столкнуть лбами Россию и Беларусь, амбивалентное поведение в Молдове говорят о том, что они не играют в полную силу.

Задача стоит другая — ослаблять, вытягивать ресурсы из России, лоялизировать её, чтобы не отпустить слишком далеко и не допустить её дальнейшего усиления. Россию необходимо держать на коротком поводке через создание проблем на её границах и вовлечение в ограничивающие договорённости.

Чем на это отвечает Россия? К сожалению, реакция очень часто реактивная, а не проактивная. Даже в союзной Беларуси вместо взаимовыгодного перезапуска союзного проекта мы видим весьма противоречивые действия: от попыток непонятного экономического и информационного давления до игнорирования усиливающегося польского фактора, который несёт потенциальные угрозы не только Беларуси, но и России.

На этом фоне наивно звучат идеи о создании со стороны России «железного занавеса 2.0». Почему? По сути это означает коренную перестройку всей внешней и внутренней политики, в том числе экономической. Пока складывается впечатление, что российские элиты к этому не готовы, да и не особо хотят.

Чтобы ментально и политэкономически отстраиваться от Запада, России необходима революция в сознании — избавление от подспудного желания что-то ему доказать в ожидании приглашения в «клуб белых господ». Приглашения не будет никогда, Запад обманывал и будет обманывать Россию, вывезенные из России деньги изымут, обученную на Западе элиту обратят против Родины.

Импортозамещение должно произойти в головах российской элиты, ожидаемый рывок России может произойти только с опорой на широкие массы населения, которые будут долговременно поддерживать внутреннюю и внешнюю политику, экономические преобразования от государства более социального и справедливого в распределении доходов.

Такая Россия будет гораздо более привлекательна и для соседей, а многие противоречия, в том числе с Беларусью, исчезнут естественным образом.

Союзная семья как спасение от одиночества

Многоопытный кремлёвский стратег Владислав Сурков написал программную статью «Одиночество полукровки» о новой предстоящей эпохе цивилизационного одиночества России, наступившей после рубежного 2014 года. Статья примечательна в нескольких смыслах.

Во-первых, это своеобразный показатель умонастроений значительной части российской элиты. Идея равноправного, равноценного союза с Западом, на создание которого Сурков ещё возлагал надежды в 2006 году, очевидно, потерпела крах. На повестке дня стоит новое самоопределение России.

Во-вторых, обрисовывая контуры этого нового самоопределения, Владислав Юрьевич, по сути, пересказывает основные элементы идеологии классического евразийства. Именно классического — от Савицкого и Трубецкого, а не дугинские экзальтации. Россия — это не Запад и не Восток, не Европа и не Азия. Россия — это Евразия, синтез двух, а может, и больше тезисов.

В-третьих, статья о России и её долгом историческом пути, но есть ощущение, что во многом она о самом авторе. Что не-

удивительно, поскольку именно в России, с её многонародностью, перекрестием кровей и традициями мерцающего самопознания очень часто судьба отдельного человека, особенно наделённого властью, отражает судьбу целой страны.

И вот из этого всего после шока 2014-го следует, что Россия осталась в одиночестве и пребывать ей в нём очень долго.

Можно назвать это манифестом изоляционизма либо реализма, но речь о том, что Россия осталась один на один с давлением Запада и в одиночку противостоит ему в новой холодной войне. Санкции навсегда. Внешние союзники как бы и есть, но настоящие — «только армия и флот». И это тоже весьма заметное умонастроение российской элиты.

Умонастроение в текущих обстоятельствах понятное, но как к нему отнестись тем, кто числится во внешних союзниках России? Например, Беларуси, Казахстану? Признать, смириться с тем, что они союзники формальные, необязательные, а может, и вовсе не союзники, как пытаются нас убедить кликуши из некоторых российских СМИ?

Вопросы это не риторические, поскольку имеют прямое отношение к актуальным процессам, происходящим между нашими странами. Например, попытки выдавливания белорусской «молочки» с российского рынка часто оправдываются стремлением к обеспечению Россией продовольственной безопасности. Стремление совершенно справедливое. Но почему Россия и Беларусь не могут решить этот вопрос сообща, исходя из союзной логики?

А что такое союз и союзники для России сегодня? Нужны ли они вообще? Или Россия и дальше будет уходить в себя и огораживаться?

Если самоопределяться так, как это делает Сурков, ссылаясь на интеллектуальное наследие евразийцев, то ответ может быть только положительным — нужны и важны. Союз, семья союзных народов и стран — это спасение от одиночества.

Другое дело, что навыки и технологии союзостроения во многом утрачены. Большевики это умели делать и пересобрали большую страну. Сейчас всем без исключения союзам вокруг России не хватает динамики, достижений и мечты. Тех самых «звёзд». Вот этим и стоило бы заняться. Не плодить очередной

сонм бюрократических структур, а вкладываться в образование молодёжи и «генераторы мечты», которую подхватят и воплотят инженеры человеческих душ и физической материи.

Это и повод задуматься тем, кто хотел бы быть союзником России. Они есть, особенно много их в тех странах, кто таким союзником является хотя бы по формальным признакам. Россия в принципе самодостаточна и в латаргическом сне изоляции и отрешённости ввиду наличия колоссальных ресурсов может пребывать долго. А вот почти все её союзники, от России отколовшись, лишатся реального суверенитета.

За союз с Россией, за право быть её союзником надо бороться хотя бы потому, что только она может обеспечить суверенитет и развитие, как бы ни соблазняли альтернативой иные центры силы. Поэкспериментировать можно, но 2014 год всё предельно ясно показал.

Настало время определяться, Россия неизбежно будет это делать, и статья Суркова об этом. Точно так же надо определяться и тем, кто хотел бы быть и оставаться её союзником.

Большая мечта для России. Белорусский взгляд

Русскому человеку нужна большая цель, запредельная мечта, выдающееся свершение. И в XX веке Большая Россия в ипостаси СССР всё это реализовала. Октябрьская революция и создание первого в мире государства рабочих и крестьян доказало, что мечта о справедливости и освобождение колоссальной энергии масс угнетенных людей по всему миру — это возможно. Победа советского народа над абсолютным злом нацизма — это спасение человечества от рабства и мракобесия. Прорыв в космос — ориентир на то, куда ему надо дальше двигаться.

Но все это было. Та большая страна ушла, оставив после себя осколки разбитых судеб и надежд. Начавшийся XXI век проявился как эпоха прагматики и реализма. Россия вот-вот стала оправляться от шока недавнего крушения и начинает возвращать потерянный авторитет и влияние.

Какой должна быть новая миссия, большая цель и идея для России? А может, и не надо никакой вовсе? Достаточно просто

показать свою силу, одернув недругов, и сосредоточиться на себе, ведь внутренних проблем предостаточно.

Надо восстанавливать промышленность и технологический суверенитет, надо осваивать Сибирь и Дальний Восток, надо трансформировать модернизацию армии в восстановление геополитического влияния по периметру границ, надо стремиться разговаривать на равных с ЕС, США и Китаем.

Все это очевидно и бесспорно. У России все же не так много ресурсов, чтобы сейчас взвалить на себя новый сверхпроект. Но задуматься о нем придется. Любая большая страна или цивилизация проходит в своем развитии три фазы: выживание, утверждение и превосходение.

Сегодня речь идет о выживании, и даже утверждение-победа среди конкурирующих мировых субъектов — пока далекая перспектива.

Новое превосходение должно придти после новой победы. Победы над внешней неблагоприятной средой и внутренним регрессом. Если этого не будет, тогда о своей самости придется забыть и полностью принять правила игры и целеполагание от тех, у кого будет воля и решимость к этому.

Каким можно представить новое превосходение? Посмотрим на устремления наших партнеров-конкурентов. Американо-канадский предприниматель Илон Маск, как настоящий Атлант из книг Айн Рэнд, стремится доказать всему миру, что усилиями частной компании возможен переход на транспорт с электродвигателями, что эра углеводородов закончена. Что можно удешевить и сделать более доступными полеты в космос, используя многоразовые ракетносители. У него не все получается, но важен сам вектор движения. Таких, как Маск, будет все больше.

Что может ответить Россия? У нее есть несколько ключевых технологий, которые потенциально могут изменить мир.

Например, ядерные реакторы на быстрых нейтронах. Если представить последовательное развитие этой технологии, то у нас будет безотходное производство дешевой энергии. Тот, кто владеет энергией, владеет и судьбами мира. Может быть, как раз в этом и сбудется мечта Николы Теслы о передаче энергии по воздуху, почти как Wi-Fi? Или эта технология сделает воз-

можно использование ядерных реакторов для дальнейшего движения в космос?

Пока это фантастика, но логика в этом есть — Россия могла бы вновь стать благодетельницей человечества, предоставляя бесплатную или очень дешевую энергию.

Диковинная мысль, не так ли? Она противоречит логике капитализма и всему современному мироустройству. Так, а не в этом ли и есть вечное стремление русского духа: не все измеряется деньгами, сила в правде, справедливости и только русские способны на всемирную отзывчивость.

А что белорусы? Нужна ли им такая мечта? Очень нужна. Белорусы всегда были и будут частью большого целого, добросовестно выполняющими свою задачу.

Конечно, если она поставлена. После краха Советского Союза в Беларуси была построена модель более справедливого государства, чем в России. Беларусь, обретя неожиданно свалившуюся независимость, стала геополитической республикой-партизанкой, отказываясь признавать справедливым однополярный мир и ожидая исцеления России. Тогда Москва казалась захваченной врагом. Да и сегодня у не очень доверчивых белорусов с врожденным партизанским мышлением остаются сомнения — надолго ли теперешний подъем, а может, вновь будут договариваться с могущественными партнерами?

Эти сомнения полностью уйдут, когда Россия, кроме утверждения на внешнеполитической арене, сможет предложить миру если не новый образ будущего, то хотя бы соработничество в собственном масштабном обновлении. Каким оно может быть: новая индустриализация, участие в технологическом прорыве или в освоении пространств — все возможно.

Белорусам нужны труд и созидание, нужно большое дело. Белорусам нужна энергия — идет возведение АЭС, белорусы стремятся в космос — начали делать спутники, белорусам нужны далекие путешествия и большие пространства — стали осваивать Антарктиду. Белорусы показывают пример осиротевшим украинцам, потерявшимся среди ложных целей и убийственных иллюзий.

В нынешнее непростое время, когда в Украине чахнет любая позитивная мечта, деградирует промышленность, а Россия во-

влечена в изнуряющие конфликты, Беларусь сохраняет способность стремиться к большему и самостоятельно действовать.

Очень важно, чтобы Россия продолжала помогать в этом, внутренне преобразуясь, ведь никто, кроме нее, реально не сможет предложить белорусам развитие и большую цель.

Нужен ли России свой глобальный проект?

Отказ от миссии

Общим трендом этих дискуссий, ключевых программных текстов, бросающимся в глаза стороннему наблюдателю, является обоснование отказа России от какой-либо глобальной миссии или роли. Конечно, речь идет об идеях и текстах молодого поколения российских аналитиков и экспертов.

Заинтересованный читатель, желающий опровергнуть наш тезис, наверняка может дать ссылки на работы Александра Проханова, Александра Дугина или Сергея Кургиняна, пропитанные «мессианским» пафосом. Но в данном случае это ничего не доказывает, поскольку, как нам представляется, все эти авторы уже из другой эпохи, а их более молодые коллеги в самом ближайшем будущем будут наращивать свое влияние на формирующие политику круги, предлагая вместо поэзии и метафизики картину мира, основанную на реализме и прагматизме, что делает именно их теории и модели гораздо более приемлемыми для практиков во власти.

В записке влиятельного международного дискуссионного клуба «Валдай» Николай Силаев и Андрей Суценцов, на наш взгляд, совершенно точно диагностируют самопозиционирование современной России на международной арене:

«Если Советский Союз был континентальной империей, осмыслившей себя в перспективе глобальной исторической миссии, то современная Россия — это почти гомогенное по составу населения государство, управляемое прагматичным на грани цинизма политическим классом, лишенное идейных грез, которое не собирается звать мир к светлому будущему, но и свое в этом мире намерено взять. Парадоксальным образом это государство, во многих отношениях более слабое, чем Совет-

ский Союз (меньше территория, население, армия, доля в мировом ВВП), сумело обрести и удерживает роль одного из мировых лидеров, успешно оспоровившего гегемонию Запада во многих чувствительных для него областях. [...] Возможно, именно отсутствие определенного идеологического выбора, состоявшийся отказ от мессианства и позволяют России поддерживать ее высокий геополитический статус, затрачивая на это меньше ресурсов, чем это делал Советский Союз».

Авторы видят некую причинно-следственную связь между отказом от глобальной миссии России, особенно в его последней — советской версии, и «высоким геополитическим статусом», который якобы позволил «перенести фронт противостояния с Западом дальше от своих границ».

Михаил Ремизов еще более четко артикулирует скептическое умонастроение в отношении глобального русского проекта:

«Россия не раз ставила свои интересы на службу той или иной глобальной миссии. [...] Можно сказать, что лучшие свои годы — после победы соответственно в Первой и Второй Отечественных войнах, на пике военного и политического влияния — страна посвятила себя «человечеству» (т.е. реализации определенной концепции глобального сообщества). Такое никогда больше не должно повториться».

Для Ремизова наиболее предпочтительным примером внешнеполитического поведения является Турция, отказавшаяся от неподъемного «имперского бремени» в пользу строительства национального государства. По его мнению, лишь укрепившись в качестве такового, в том числе собирая из обломков поверженной империи этническое ядро, у России есть шанс на восстановление былого влияния.

Андрей Цыганков также критически рассматривает советский опыт и глобальную перспективу:

«Используя уже введенные в общенациональный дискурс идеи “государства-цивилизации” и консервативной державы, нужно создать такой образ страны, который вберет в себя лучшие компоненты российских ценностей без излишнего их противопоставления Западу. Кстати, за исключением советского периода Россия никогда не формулировала свои ценности как антизападные. [...] После консолидации своей цивили-

зационной субъектности Россия сможет вернуться к активной роли в международных делах. Возвращения к принципам (нео)советского или державного глобализма не будет...».

Сергей Караганов, используя в качестве метафор, описывающих внешнеполитическую позицию России, города, связанные с победами и поражениями русского оружия, формулирует желаемую модель отношений России и других мировых игроков:

«Похоже, что проигранные Аустерлиц, (дважды) Смоленск, с огромным трудом выигранные Бородино, Сталинград и Курск позади. Если так, то лучше не идти на Париж, как в 1814-м, или на Берлин, как в 1945-м. А прямо в Вену 1815 года, заканчивая миром и новым консервативным, но устремленным в будущее “концертом наций”, строя структуру управления для нового мира».

«Вена 1815 года» в качестве желаемой цели означает в данном случае, видимо, включение России на равных условиях прежде всего с коллективным Западом, в систему договоров и обязательств, а также участие в решении судьбы некоторых государств и территорий.

Резюмируя все эти мысли, можно выделить в них ряд общих черт, в той или иной степени разделяемых почти всеми упомянутыми авторами:

- 1) глобальной миссии, проекта у России нет и его не должно быть;
- 2) советский опыт глобального проектирования оценивается негативно;
- 3) Россия должна цивилизационно или национально «сосредоточиться» и на этой основе искать возможности раздела сфер влияния или даже «большой сделки» с ведущими мировыми игроками (Запад, Китай).

Такой подход определяется как «консервативный» (Сергей Караганов) или «цивилизационный» (Борис Межуев) «реализм». При этом можно отметить, что в своем генезисе он восходит к концепции Вадима Цымбурского «Остров Россия», предлагающую геополитическую модель «ухода в себя»: с отказом от глобальных, имперских амбиций, сосредоточением в «ядре», возможностью сделки с Западом относительно лимитрофов.

Глобальные альтернативы

Если у России отсутствует собственный глобальный проект, а это сегодня выглядит действительно так, стоит обратить внимание на то, какие глобальные альтернативы существуют.

Их немного — фактически нет. И самой первой следует назвать коллективный Запад, возглавивший процесс глобализации, подчинивший его своим интересам и доведший до необратимого состояния.

Политолог Святослав Каспэ дает, на наш взгляд, реалистичную характеристику планетарной роли западного проекта:

«Империя Запада достигла качественно завершенной (и количественно нарастающей) универсальности, пронизав своими сетями и охватив инфраструктурой весь обитаемый мир. У нее нет границ — не только интенционально, но и фактически нет альтернативных, то есть сопоставимых по мощи центров силы... В плане имперского строительства глобализация завершена — в том смысле, что не осталось географически зон или социальных процессов, которые в принципе не входили бы в сферу влияния и интересов империи. Все, происходящее сегодня в мире, является внутренним делом глобальной империи Запада...».

Но эта оценка, казавшаяся еще десять лет назад практически неоспоримой, сегодня не выглядит таковой; во всяком случае, появились существенные нюансы. Во-первых, стали заметны признаки «имперского перенапряжения» в ядре западного мира: это и системные проблемы в ЕС, и «Брекзит», и избрание президентом США Дональда Трампа.

Конечно, это далеко не «падение империи», но переконфигурация, перераспределение полномочий, сосредоточение для того чтобы, пережив кризисный этап, перезапустить систему, многократно умножив ее технологическую, экономическую, финансовую и военную мощь. Упадок глобальной империи Запада, возникновение многополярного мира, в силу понятных причин, — ожидаемые многими, особенно в России, но все же потенциальные события, которые не следует воспринимать как свершившийся факт.

Тем не менее еще одна глобальная альтернатива возникает. Это Китай и его инициатива «Один пояс — один путь». Основные ее принципы и цели были озвучены председателем КНР Си Цзиньпином на международном экономическом форуме в Пекине.

Китай предлагает масштабный проект соразвития — в экономике, промышленности, образовании, логистической инфраструктуре, гуманитарной сфере.

Его преимущество в том, что для многих участников он привлекателен отсутствием, по крайней мере на данном этапе, идеологических претензий и ценностных притязаний. Да, он китаецентричен, но в нем пока не видно раздражающего западного высокомерия и слишком уж очевидного лицемерия. Китай вежлив, осторожен, не подвержен спешке и эмоциям, но настойчив, что вкупе с колоссальными финансовыми и инвестиционными возможностями делает его глобальную инициативу весьма реалистичной, особенно для малых и средних стран.

Что остается России в условиях отсутствия собственного глобального предложения? Либо присоединиться к одному из уже существующих, либо лавировать между ними. Иллюзии о равноправном включении России в коллективный Запад, кажется, должны были исчезнуть после событий в Грузии в 2008-м и в Украине в 2014-м.

Китайский же проект для России тоже не может быть панацеей в силу серьезной разницы в экономическом и демографическом потенциале. Это значит, что Россия будет вынуждена лавировать, по возможности не вовлекаясь критически ни в один из предлагаемых проектов.

Видимо, осознание этого и стоит за образом «Острова России» и концепцией «цивилизационного реализма». Россия слишком слаба, чтобы позволить себе быть полностью включенной в орбиту других глобальных проектов, но слишком сильна, чтобы пассивно наблюдать, как они разворачиваются на глазах, нередко неся прямую угрозу национальным интересам.

Белорусский сюжет

Российско-белорусский интеграционный проект можно назвать своеобразной лакмусовой бумагой, диагностирующей

внешнеполитическую позицию России и настроения ее элит в отношении самого чувствительного для нее пространства — постсоветского «ближнего зарубежья».

Как бы ни воспринималась Беларусь российскими теоретиками и практиками от геополитики — в качестве ключевого союзника в Восточной Европе, типичного «лимитрофа» или даже «нахлебника», — все это отражение внутрироссийского самощущения. Или это понимание того, что Россия — страна, у которой кроме армии и флота действительно могут быть союзники, или это циничная *real politic*, или это собственные комплексы и неудачи, транслируемые на других.

Мнение авторов Валдайской записки тоже можно рассматривать в том ключе. Там присутствует надежда на то, что России все-таки удастся договориться с Западом, а Беларусь и отношения с ней ставятся в зависимость от условий этой договоренности. По сути, могут быть разменной монетой:

«Трудность для российско-белорусского союза сейчас заключается в том, что расширение НАТО остановлено, а регион, включающий в себя Калининградскую область, Белоруссию, страны Прибалтики и Польшу, российское руководство не рассматривает как наиболее угрожаемый, что хорошо видно из военного строительства последних лет. При сравнительном снижении ценности союза его привычные механизмы начинают давать сбой. Гипотетическая договоренность России, США и ключевых стран ЕС о новой системе европейской безопасности может стать для политической модели Белоруссии еще более серьезным вызовом, чем текущие экономические трудности».

В более откровенной форме эту позицию в свое время озвучил упомянутый выше Святослав Каспэ:

«Мы не менее Запад, чем Америка... Решением может быть только сильное действие, против которого никто на Западе не то, что не сможет возражать, но которое Запад будет вынужден бурно приветствовать и за которое ему придется благодарить... Демонтировать режим Лукашенко и добиться демократизации Белоруссии — и ведь таким образом осуществленная ее демократизация гарантированно не окажется националистически-антироссийской».

Также и упомянутый Сергей Караганов полагал, что *«нет никакой военной пользы и от Белоруссии... Территориально НАТО России не угрожает. Даже если бы и угрожало, то с военной точки зрения это абсолютно недееспособный союз».*

Понятно, что это далеко не весь спектр мнений о Беларуси и союзе с ней в России, но завышенные ожидания от некоей возможной «сделки» с Трампом, победы Марин Ле Пен и т.д. в российском медийном пространстве и экспертном сообществе со стороны были очень заметны. А это говорит о том, что для России все же очень важно это внешнее признание со стороны Запада.

В Беларуси это, конечно, не остается без внимания. Хотя бы потому, что западное внешнее признание и гипотетическая «сделка» могут быть чреватými для страны и ее руководства.

Если у России нет своей глобальной миссии, осознания ценности и исключительной важности интеграции прежде всего с ближайшими соседями, то эти соседи предпочитают напрямую выстраивать отношения с глобальными центрами силы.

И мы видим это на примере Беларуси. Здесь прекрасно понимают, что особой перспективы для страны на Западе нет, «оттепель» последнего времени носит временный характер и в основном ограничивается дипломатической риторикой.

Стратегические ставки белорусское руководство уже делает на Китай. Как минимум, можно вспомнить два проекта: китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень» и создание с помощью китайских технологий РЗСО «Полонез».

Это не значит, что Беларусь сознательно «уходит», «разворачивается» от России. Просто страна с ее экспортно-ориентированной экономикой, промышленным и человеческим потенциалом необходимо должна быть частью чего-то большего.

Ранее таким большим во всех смыслах был Советский Союз — это и огромный рынок сбыта, и колоссальное социальное пространство для роста, и фабрика смыслов, позволявших белорусам ощущать себя не маленькой восточноевропейской нацией, а частью большого глобального проекта.

Сегодня, когда такого проекта у России нет, динамика развития ЕАЭС недостаточна и ограничена только экономикой,

Беларусь будет вынуждена вовлекаться в тот проект, который хоть в какой-то мере отвечает социокультурным кодам, заложенным еще в советское время.

Цивилизационный «реализм» или «дезертирство»?

Какое основание имеет «консервативный» или «цивилизационный» реализм? Это представление о том, что сегодня у России есть «высокий геополитический статус» и этот статус обеспечивает право на признание цивилизационного суверенитета.

Действительно, успехи России в модернизации вооруженных сил и эффективное использование их в украинском и сирийском кризисах очевидно. Но означает ли это долговременный стратегический успех? События в Сирии еще очень далеки от своей развязки и там надо быть крайне осторожными, чтобы избежать афганского сценария. Грузино-осетинский конфликт 2008 г. и продолжающийся украинский кризис вряд ли можно однозначно записать в актив России хотя бы потому, что это эти проблемы создаются именно у границ России, вытягивая из нее ресурсы. Фронт противостояния все еще здесь, а не, скажем, у границ США, например в Мексике или как когда-то — на Кубе.

Для того чтобы говорить всерьез о «Вене 1815 года», совершенно недостаточно одного «Бородино», она может быть только после «Парижа 1814-го», так же как и «новая Ялта» возможна только после «Берлина 45-го».

Западные партнеры как раз и являются настоящими реалистами, уважающими только силу и волю к победе, а это значит, что приглашение заключить «сделку» поступит только тогда, когда Россия от обороны перейдет к наступлению. Пока же Россия пусть и успешно, но все-таки защищается.

Достаточно ли этого? Если мы ведем речь о социальных организациях (социорах) уровня цивилизаций, претендуя на формирование собственной, то без необходимой шкалы целеполагания цивилизационное развитие обречено зайти в тупик.

Первая цель социора — самосохранение и защита, с чем, повторим, Россия успешно справляется. Достигнув этой цели, можно переходить ко второй — сосредоточению, подготовке

перехода на новый уровень. Затем следует третья — цивилизационный прорыв, имеющий глобальное влияние.

Сосредоточение, выравнивание баланса между внешней и внутренней политикой, между политикой и экономикой, гармонизация интеграционных проектов — необходимая, естественная стадия развития. Но длительное консервирование статус-кво периода сосредоточения чревато «цивилизационной недостаточностью», а уклонение от осмысления себя в качестве глобального субъекта может оказаться не геополитическим «реализмом», а «дезертирством».

В этом случае России действительно грозит судьба повторения исторического пути Турции, который, на наш взгляд, все же не является достойным образцом для подражания.

Во-первых, взяв курс на построение гомогенного национального государства, Турция не избежала кровавых эксцессов, таких как геноцид армян. Проблемы с курдами существуют до сих пор.

Во-вторых, отказ от «бремени империи» привел современную Турцию к статусу всего лишь одной из региональных держав Ближнего Востока, ведущей жесткую конкурентную борьбу с Израилем, Ираном и Саудовской Аравией. Вряд ли исключительное положение России в Евразии можно и нужно разменять на такую же модель, а она логически следует из установки на построение национального государства европейского типа и отказ от глобального мировидения.

Совершенно непродуктивным видится негативное отношение к советскому опыту глобального проектирования.

Советский проект, нравится это кому-то или нет, был вершиной геополитического могущества исторической России, и отношение к нему необходимо избавлять от травматического шока, вызванного его распадом, который (распад), кстати сказать, произошел не от чрезмерного перенапряжения сил для поддержания участия в глобальной игре, а от внутренней установки части элит, прежде всего российских, «дезертировать» от участия в Союзе и стать частью западного проекта.

Сегодня мы наблюдаем крах этой иллюзии, на ее руинах оформляется цивилизационный реализм, но для завершения целеполагания необходимо нечто большее.

На наш взгляд, именно об этом в правильном ключе говорит директор Центра политической конъюнктуры Алексей Чеснаков:

«Правительство и независимые эксперты должны в первую очередь ставить масштабные цели. И даже просто научиться мечтать. Мы же помним, как создавалась великая страна, чей опыт внедрения пятилетних планов переняла и переосмыслила Япония. Мы все помним Уэллса, который описывал знаменитого «кремлевского мечтателя». У того мечтателя была стратегия. С высокими целями. Подкрепленная амбициями, уверенностью в своей правоте, умением претворять планы в жизнь. Такая, какой стратегия и должна быть. Тем более что мечтать есть о чем. Одни только огромные неосвоенные пространства Арктики и Сибири дают почву для размышлений».

Если Россия начинает «мечтать», то такие «мечты» заразительны для окружающих народов и стран в гораздо большей степени, — об этом говорит весь предшествующий исторический опыт, — чем просто «реализм», отличие которого от англосаксонского или китайского гегемонизма не так очевидно.

Сверхновая Россия

Успешная цивилизация всегда сочетает «реализм» и «мечты», локальный уровень и глобальный горизонт. Сегодня у России, достаточно окрепшей для того чтобы теоретически и, самое главное, практически ставить вопрос о собственной цивилизационной идентичности, ее защите и развитии, возникает необходимость выработки адекватного самопознания и происходящего из него целеполагания.

Федор Лукьянов описывает эту необходимость «по ту сторону» империи и государства-нации:

«Возрождается спрос на идеологическую ясность, но все больше заметен и интерес к цивилизационному подходу, который либеральная догма отвергала по причине «реакционности». Для России это крайне существенные изменения, потому что попытка вписать ее после краха Советского Союза в стандартную дихотомию «империя — нация-государство» не удалась. Имперский век завершился, а национальным государ-

ством Россия, развивавшаяся столетиями как общность наднациональная, стать без тотального слома не может. Поэтому дискуссия в категории цивилизаций куда более соответствует особенностям России и ее взаимоотношений с соседями и на западе, и на востоке. Становление цивилизационной идентичности — и есть осознание себя, которое необходимо России в ближайшее время».

Это осознание неизбежно приведет нас к истокам России как цивилизации. К тому, что составляет ее сущность. И тут можно позволить себе немного метафизики, поскольку внутри ядра любой устойчивой цивилизации всегда находятся некие высшие смыслы и сверхцели. Лучше всего, на наш взгляд, об этой сущности сказал исследователь феномена русской святости Владимир Топоров:

«Сакральность (или даже гиперсакральность) древнерусской традиции проявляется прежде всего в том, что: 1) все должно быть в принципе сакрализовано, вырвано из-под власти злого начала и — примириться с меньшим нельзя — возвращено к исходному состоянию целостности, нетронутости, чистоты; 2) существует единая и универсальная цель («сверхцель»), самое заветное желание и самая сокровенная мечта-надежда — святое царство (святость, святая жизнь) на земле и для человека; 3) сильно и актуально упование на то, что это святое состояние может быть предельно приближено в пространстве и времени к здесь и сейчас».

Каким бы излишне «мечтательным» не казался такой подход к определению цивилизационной сущности России, но именно эти элементы мы можем наблюдать во всех проектах, выведших ее на вершину развития: Святая Русь, Москва — Третий Рим и Советский Союз.

Нетрудно заметить, что во всех из них присутствовала некая универсальная, «глобальная» амбиция, пестуемая в неблагоприятные периоды истории в глубинах культуры, но выходящая на политическую арену при первой же возможности.

И в этом, на наш взгляд, кроется ключ к пониманию того, как возможно помыслить Сверхновую Россию, конкретные контуры которой можно и нужно обсуждать уже сейчас.

Контуры идеологии будущего

Русский ответ на идеологические вызовы XXI века может быть только комплексным. Идеологические пазлы будущего уже складываются из обломков идеологий прошлого. Идеологиям всегда нужен материалистический базис: технологии, энергия или капитал. Сейчас мы подходим к тому моменту истории, когда развитие технологий может серьёзно изменить не только идеологический ландшафт, но и само человечество.

Технологические вызовы

После 1945 года совместно победившие нацизм идеологии коммунизма и либерализма на длительное время сделали невозможным политическую легитимность расистского, националистического элитаризма. Открытое исповедание расового, национального, религиозного превосходства отдельными личностями, движениями, партиями или государствами фактически было объявлено вне закона. Так было до того времени, пока существовал динамический баланс сил между капиталистической и социалистической системой. Крах последней не привёл к более гармоничному миропорядку, наоборот, масштабировал на всю планету новую идеологическую химеру — мусульманский фундаментализм.

Исламский экстремизм открыл двери для возвращения и распространения от Магриба до Афганистана самой дикой архаики: рабства, геноцида, массового террора. Но это только одна из личин современного инферно. Технологические открытия в самом сердце цивилизованного мира могут опрокинуть основания его самого.

Генная инженерия. Она открывает возможности «редактирования» человека. То есть потенциально может привести к возникновению колоссального, генетически обусловленного неравенства, когда, например, богатые люди получают возможность «улучшать» себя и своё потомство. И они будут физически и интеллектуально значительно превосходить всех остальных, у кого такой возможности не будет. Это очевидный путь к

созданию новых каст и даже рас «избранных» в противоположность «обычным».

Внедрение роботов и искусственного интеллекта в сферу производства будет неизбежно высвобождать большие массы тружеников, лишая их при этом работы и средств к существованию. Чем они будут заняты и не пополнят ли ряды фрустрированных радикалов, готовых на всё? Какая-то часть определённо пополнит, и их будет становиться всё больше.

В мире будущего рисков возникновения различных структур: сект, движений, корпораций и государств, использующих новые технологии или борьбу с ними в качестве средства достижения власти и господства, будет становиться всё больше.

А это значит, будет расти запрос и на иные идеи. На то, что сдерживает мракобесие и архаику, наполняет гуманистическим содержанием (т.е. не только с целями наживы и господства) любые технологии и научные открытия.

Цивилизация или класс?

В социальных науках возникли и развились два основных подхода, претендующих на универсальное объяснение общественной эволюции: классовый и цивилизационный.

Классовый говорит о том, что движущая сила истории — классовый интерес и классовые противоречия, именно они создают социальное напряжение, которое выливается в борьбу идеологий и политэкономических моделей. Идеология при этом подходе — концентрированное выражение определённого классового интереса. Либерализм — буржуазии и владельцев капитала, которые стремятся освободиться от чрезмерного контроля со стороны государства и церкви. Социализм — рабочих и пролетариев, требующих освобождения от власти буржуазии и капитала. Национализм — части буржуазии и интеллигенции, которая стремится отгородиться от глобального капитализма и получить власть в рамках конкретного национального государства.

Цивилизационный подход основан на анализе того, как живут, развиваются и умирают различные локальные цивилизации, в чём они похожи и отличны друг от друга. В рамках этого подхода каждая цивилизация порождает собственное мирови-

дение, отражающее идеологию, либо трансформирует в соответствии со своими специфическими особенностями религиозные учения: протестантизм у англосаксов, православие у русских, суннитский ислам у арабов, конфуцианство у китайцев.

Мир-системный анализ предлагает третий подход. Согласно Иммануилу Валлерстайну, в XVI веке в Западной Европе возникает капиталистическая мир-система, охватывающая к XIX веку всю планету. В центре мир-системы находятся технологически развитые страны Запада, Япония и периферия — страны Азии, Африки, Латинской Америки с низкой концентрацией капитала, слабым государством, преобладанием сельского хозяйства и традиционного уклада. Полупериферия (Россия, Китай, Индия, Бразилия, Турция) занимает промежуточное положение.

Господствующая идеология капиталистической мир-системы — либерализм, основанный на классовом неравенстве, неравномерном распределении капитала, которое становится причиной национального и расового неравенства. И всё это будет усугубляться, приводя к системному кризису. К 2025–2050 годам кризисные явления (войны, социальные и экономические потрясения) наберут максимальную амплитуду, в результате чего должна появиться некая новая система.

Цивилизационный подход, также как и формационный и мир-системный анализ не стоит превращать в догму. В каждом из них можно найти рациональное зерно, подходящее для описания реальности. «Опознать» цивилизацию можно на пересечении разных факторов: политэкономических, религиозных, культурных. Границы цивилизаций всегда будут подвижны, они будут скорее не чётко проведёнными линиями, а переходными, пограничными зонами-фронтами.

Русский ответ

Куда бы ни относить Россию и её союзников — к отдельной русско-евразийской цивилизации или к полупериферии капиталистической мир-системы, вызовы, стоящие перед нами, очевидны и очень серьёзны.

С одной стороны, это уже упомянутая архаизация на основе радикальных идеологий. Россия одной из первых столкну-

лась с исламским терроризмом и практически все последние 25 лет ведёт с ним постоянную борьбу как внутри страны, так и на дальних подступах (Средняя Азия, Ближний Восток).

Радикальный архаизм проник в сердцевину русской цивилизации — на Украину, где сформировался, окреп и получил боевой опыт в форме неонацизма. «Азовское» движение и складывающийся вокруг него «чёрный интернационал» — это русский аналог ИГИЛ, имеющий потенциал распространения не только на Украине, но и в России и Беларуси, Восточной и Западной Европе.

С другой стороны, технологическое отставание от Запада и Китая может стать фатальным и привести к потере субъектности и суверенитета. Поэтому русский ответ на эти вызовы может быть только комплексным.

Необходимо обладание теми технологиями, которые могут быть использованы конкурентами против нас в военном смысле или для экономического уничтожения. Как это было с открытием энергии атома. Эту технологию первыми начали осваивать немцы и американцы, которые видели в ней прежде всего военное значение. Американцы первыми использовали ядерное оружие, а русские, тоже получив его, впервые использовали ядерную энергию в мирных целях, запустив АЭС. В этом смысле миссия России — обеспечивать не только собственное выживание, но и направлять развитие технологий на благо всего человечества.

Для этого России и её союзникам, исходя из исторического опыта, скорее всего, придётся концентрировать ресурсы и капитал в руках государства, обеспечивая при этом более-менее равномерное распределение благ и доходов среди населения, ограничивать права собственности и потребление элит. Иначе не избежать растущего социального напряжения и революционных ситуаций.

Архаизирующим идеологиям религиозного фундаментализма и националистического радикализма необходимо отвечать культивированием светского рационального сознания и интернационализма.

При этом именно русская культура и язык должны быть его носителями, демонстрировать «открытый код» русской ци-

визации в отношениях с тюркским миром и миром ислама. Это необходимо для «втягивания» их в свою орбиту и для наращивания собственного демографического потенциала путём их включения и интеграции.

Путь к миру будущего будет очень сложным и долгим. Лидером движения здесь будет тот, кто овладеет новыми технологиями и обкатает их: сверхбыстрая связь и интернет, необходимые для передачи, хранения больших массивов данных и дистанционного управления сложными процессами, всеохватывающие системы распознавания личности, системы социального рейтинга.

Как видим, это всё то, что уже стремится у себя разрабатывать Китай, у него единственного есть и хотя бы некое, пусть ещё аморфное предложение человечеству в виде Сообщества единой судьбы, и он один пока справляется с возникшими напастями без крайностей изоляционизма. Более того, заметно, что китайцы стремятся удержаться от впадения в архаику, в отличие от Северной Евразии, где эти тенденции проявляются и в западной, и в восточной её части.

Для новой эпохи человечества вместо изоляционизма, религиозного и националистического обскурантизма и консерватизма понадобятся совершенно иные идеи. Скорее всего, новый извод социализма, со своей спецификой, конечно. И вот тот, кто сегодня у себя эти идеи пестует, как может развивает и даже просто сохраняет, — он закладывает свою частичку в фундамент будущего.

У русской, в широком смысле, культуры есть большой потенциал и предрасположенность к этому, но сейчас всё это задушено противоположным идейным полюсом. На мой взгляд, перспективная русская идея должна включать в себя три обязательные составляющие:

а) евразийство — творческий союз народов, интернациональное начало и совместное освоение своей естественной географической ойкумены.

Генеалогия евразийства включает в себя все три начала: (северо-западное) европейское, византийское и ордынское, их исторический и традиционный синтез сформировал Евразию. Евразийство это не только традиционное, консервативное начало,

но и прогрессивное. Это хорошая платформа для поиска новых форм конструктивных межнациональных отношений в сложное время разобщения, национализма и эгоизма.

Те или иные формы евразийской интеграции должны не просто сохранять нас и что-то консервировать, но и двигать вперёд, прежде всего — в экономике, технологиях. Только так и вместе мы можем быть конкурентоспособны в современном мире, сохранить своё наследие и идентичность. Для того чтобы сохраниться, мы должны радикально измениться.

Евразийство — способ такого сохранения–изменения. То есть каждый из сторонников евразийской интеграции в дополнение к уже имеющемуся багажу традиций, навыков, знаний, должен получить от единомышленников, союзников и даже оппонентов нечто новое, позволяющее ему преобразиться, но остаться самим собой;

б) социализм — справедливое, равномерное распределение благ и ресурсов между всеми слоями общества, минимизация разрыва в доходах, государственная собственность на землю и недра: «земля — она святая, лес — божья роща».

Создатель русского социализма Владимир Ленин — величайший русский политик, политический мыслитель и практик. Он победил в своей сложной стране и распространил идею стремления к справедливости из неё на полмира. Государство, им созданное, освободило от социального и национального гнёта миллионы людей, а пример этого государства заставил его противников меняться в лучшую сторону.

Первая попытка прорыва к новой цивилизации завершилась неудачей, в том числе из-за предательства и малодушия выродившихся коммунистов. Первый самый мощный импульс, взлёт и яркое свечение Красной Звезды были во многом обеспечены удивительными визионерскими способностями именно этого человека.

Вспомним, как он принимал решения, казавшиеся невероятными даже самым ближайшим его соратникам, а потом они оказывались единственно верными, исходя из долгосрочной перспективы (разрыв с меньшевиками, осуждение империалистической войны, апрельские тезисы, Революция, Брестский мир, НЭП, создание СССР на основе национальных республик).

Сегодня Ленину во многом искусственно противопоставляют Сталина, выказывая последнему больше уважения, исходя из теперешней политической конъюнктуры. Сталин был очень сильным организатором, но вот ленинского визионерства ему не хватало, а это помогло бы избежать многих ошибок, в частности, чрезмерных репрессий, которые впоследствии подкосили у правящего слоя и населения веру в идеалы.

Не разделяя отношения коммунизма, особенно раннего, к религии, важно понять, что одержимая борьба с ней — это слишком расточительная трата социальной энергии. А такие моменты, как Великая Отечественная война, когда советская власть пусть и вынужденно, но признаёт, что и православная церковь может сыграть свою позитивную роль в борьбе с вселенским злом, расставляют всё на свои места.

Русские социалисты сделали первый шаг, совершили первую попытку, не лишённую многих ошибок и неудач, которые нужно учитывать и исправлять, но они указали путь, которым человечество всё равно неизбежно пойдёт;

в) космизм — высшее предназначение нашей культуры состоит в том, чтобы объединить человечество и возглавить его для продолжения остановленного движения в космос и осуществления мечты её лучших представителей.

Русский космизм — очень самобытное явление, аналоги которого отсутствуют в других культурах, хотя понятно, что реальное технологическое воплощение он нашёл на основе европейской научной рациональности. Но в самом космизме есть нечто цивилизационно-особое. Какова его генеалогия? Скорее всего, сложная — что-то эллинско-византийское, что-то автхтонное, и поэтому космизм стал глубоко русским явлением.

Кстати сказать, идейную сцепку евразийства и космизма обозначил ещё Пётр Савицкий в письме Льву Гумилеву после запуска первого космического аппарата на солнечную орбиту в 1959 году:

«И кому перенять это великое наследие кочевников — как не нам, русским, — с тем чтобы кочевать уже не только по степям, но и по вселенной.

Пишу это Вам в день Второй нашей космической ракеты. Не нужно хвастать заранее: есть успехи, бывают неудачи. Но

движение началось. Превышение второй космической скорости есть факт всемирно-исторического значения.

Русская эпоха всемирной истории на пороге. Мы должны быть её достойны».

В радикально меняющемся, нестабильном мире будущего будет также очень большой запрос на безопасность и стабильность, на то, чтобы в водовороте исторических событий кто-то сохранял за собой *удерживающую* роль или, говоря религиозной терминологией, был Катехоном.

У России есть уникальный исторический опыт такой миссии. Россия усмирила и перемолола воинственных степных кочевников, останавливала религиозную экспансию католицизма и ислама, нашествия Наполеона и Гитлера, совершила прорыв в Космос. Сегодня она активно участвует в формировании многополярного мира. И в этом смысле ей не уклониться от реализации в своей внутренней и внешней политике *справедливо*-го миропорядка.

Космос. Русская сверхцель

Новое прочтение идей русских космистов может быть основано на триаде: искусственный интеллект — искусственное сознание — универсальный семантический код конкретной культуры или всего человечества.

Рассуждая о будущем, всегда очень сложно найти грань между реализмом и фантастикой. И если первоначально некоторые идеи кажутся совершенно несбыточными, это не значит, что они не возникнут снова в новой интерпретации при новых технологических возможностях. Именно это может произойти в ближайшем будущем с наиболее «фантастичными» идеями русских космистов.

Воскрешение и «лучистое» человечество

К числу таких идей стоило бы отнести мысли Николая Фёдорова о всеобщем воскрешении и бессмертии. Для Фёдорова победа над смертью и распространение жизни во Вселенной — то «общее дело», ради которого он призывал человечество объ-

единиться. Его ученик Константин Циолковский в качестве высшей точки эволюции Вселенной видел преобразование материи, в том числе человечества, в «лучистую» форму, бессмертную во времени и бесконечную в пространстве.

Эти идеи — «предельные» сверхцели, на достижение которых, по мнению мыслителей, могут уйти миллиарды лет развития и эволюции, тем не менее они должны быть поставлены во главу процесса освоения космоса, поскольку именно они открывают перед человечеством совершенно иную перспективу, показывают, пусть и в несколько метафизической манере, ориентиры движения.

Но при всей метафизичности ключевых идей русских космистов они становились импульсом к реальному развитию технологий, применяемых для прорыва в космическое пространство. Во всяком случае, с идеями и опытами родоначальника советского ракетостроения Циолковского дело обстоит именно так. Перспективы технологических открытий XXI века позволяют оценить их идеи в совершенно ином качестве. Каком же?

Искусственный интеллект и сознание

Прежде всего — в контексте развития искусственного интеллекта. Макс Тегмарк, физик и сооснователь Института будущего человечества, утверждает, что следующий этап нашей эволюции — это человечество 3.0, не имеющее биологических ограничений.

Искусственный интеллект, на пороге создания которого мы находимся, станет толчком к переходу в это новое состояние. Учёный полагает, что законы физики никак не препятствуют созданию искусственного разума, превосходящего человеческий.

Если это действительно так, то человечество на самом деле в будущем может не зависеть от своей биологической и соматической природы. А это значит, что для нового человечества открываются безграничные возможности распространения в космосе и самовоспроизводства. Кстати, технологии для этого уже существуют: клонирование и 3D-принтинг.

По сути, уже сейчас нет проблемы искусственно воспроизвести биологического человека, проблема заключается в том, чтобы воспроизвести его сознание, чтобы оно могло, в случае

необходимости, существовать автономно от его биологической оболочки.

Искусственный интеллект открывает эту перспективу. Если становится возможным создание искусственного индивидуального разума и сознания, тогда следующий шаг — искусственный коллективный разум, воспроизведение сознания народов, культур и цивилизаций, всего человечества как целого.

Скорее всего, это будет происходить на основе кодированной лингвосемантической информации, поскольку именно в языковых формулах выражаются основные культурные коды и смыслы.

Таким образом, новое прочтение идей русских космистов может быть основано на триаде: искусственный интеллект — искусственное сознание — универсальный семантический код конкретной культуры или всего человечества.

Военные смыслы

Как это часто бывает, самые фантастические идеи становятся реальностью, когда приобретают оборонное значение. Так было с ракетостроением и открытием энергии атома, сочетание которых в военных целях оказало огромное влияние на развитие всего человечества.

С новыми технологиями будет то же самое, возможно, даже в превосходящей степени. Именно поэтому Владимир Путин заявил:

«Искусственный интеллект — это будущее не только России, это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы», «тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира».

Очевидно, президент России обладает информацией о последних разработках в этой сфере и понимает, что они означают для страны и человечества. Впрочем, понимает не только он, но и американцы, европейцы, китайцы — те, у кого есть шанс преуспеть в этом.

Овладение искусственным интеллектом можно сравнить с созданием ядерного оружия. Страны, лишённые доступа к этой свертехнологии, будут вынуждены следовать за теми, кто этим доступом обладает. Искусственный интеллект, очевидно, будет

использован и в военных целях, хотя сейчас пока невозможно предсказать, как именно.

У России может появиться своё видение использования этих технологий, точно так же, как оно появилось в запуске первого спутника и первой атомной станции. Военные технологии могут быть применены для достижения военного равновесия, то есть гарантии ненападения и в мирных целях.

Соединение искусственного интеллекта и космоса можно использовать для того же — гарантированного выживания русской цивилизации и всего человечества при возможной ядерной войне или иной планетарной катастрофе.

Искусственный интеллект и сознание на основе русского семантического кода на Земле и вне её — это то, что может сделать русскую культуру, сознание её создателей и носителей, в том числе конкретных представителей политической элиты, в прямом смысле «бессмертными», то есть независимыми от своей биологической природы, риска уничтожения в войне и т.д.

Образ атомной подводной лодки

Эта идея может звучать очень странно, пока искусственный интеллект и его возможности в освоении космического пространства едва ли можно помыслить в полной мере. Но вновь приведём аналогию из военной сферы.

Ядерный паритет долгое время держался на том, что противники в холодной войне понимали, что они могут обеспечить друг другу взаимное гарантированное уничтожение. Для того чтобы уменьшить риски и последствия от ядерного удара противника, разведка стремилась узнать расположение пусковых шахт, разработать и установить средства слежения за пуском и движением межконтинентальных баллистических ракет и т.д.

Но, например, появление подводных лодок с крылатыми ядерными ракетами сводило эти усилия к нулю и меняло стратегический баланс сил. Крылатые ракеты, запущенные с подводных лодок, не могут регистрироваться системой раннего предупреждения о ракетном нападении. Атомные подводные лодки с ядерными крылатыми ракетами способны нанести внезапно координированный удар по стратегическим объектам до 2500 км вглубь территории противника. Этот удар может быть

замечен только после того, как ядерные боезаряды достигнут своих целей.

Тот же самый принцип — возможность неизбежного возмездия с автономного и практически неуязвимого объекта — можно применить к новым вызовам и угрозам. Только это реально останавливало потенциального противника и принуждало его к мирному сосуществованию и сотрудничеству.

И искусственный интеллект, и космическое пространство, весьма вероятно, в будущем будут использоваться в военных целях, а потому русской цивилизации необходимы любые гарантии выживания и самосохранения, пусть пока они и кажутся фантастическими, как когда-то идеи Циолковского и Фёдорова.

А для человечества это важно потому, что русские всегда делились с другими своими достижениями и не использовали их только ради наживы или господства.

II. СКИФИЯ — СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ

Русский мир и Евразийский союз. Почему между ними нет противоречий

Словообразы «Русский мир» и «Евразийский союз» всё чаще используются в публицистике и научных работах. Иногда они сочетаются, часто противопоставляются, а ещё чаще при их употреблении ускользает прозрачный смысл, что затемняет существенные вещи, необходимые для понимания. Причём, понимание не только в российской медиасфере, где они бесконечно воспроизводятся, но и в странах-союзниках и соседях, имеющих непосредственное отношение к этим понятиям.

Формула Русского мира

Принадлежность Беларуси к Русскому миру, например, до недавнего времени декларировалась в качестве одного из оснований белорусской национальной и государственной идентичности, об этом прямо говорил Александр Лукашенко: *«Русская цивилизация, русский мир дали человечеству не только величайшие культурные достижения, но и особые духовные ценности. Именно эти ценности положены нами в основу нашей государственности и того, что принято называть белорусской моделью развития».*

Однако белорусское понимание «русского мира» имеет свою специфику, речь идёт о том, что три восточнославянских народа имеют единый корень, но каждый из них в настоящее время имеет собственную государственность, оформившуюся как закономерный результат исторического развития, по мнению Лукашенко: *«Три наших народа объединены общей исторической памятью, общими великими победами, общей православной духовной традицией. Нашей колыбелью была Киевская*

Русь — могучее и гордое европейское государство со столицей на Днепре. ...из общей духовной православной колыбели, из Святой Руси выросли три братских самобытных народа. Каждый из которых сегодня строит свое государство, создает свою государственность».

Для того чтобы идея Русского (Восточнославянского) мира не превратилась в ничего не несущий в себе идеологический штамп или пропагандистское пугало, как в случае с Украиной, необходимо выделить чёткие критерии, признаки, при наличии которых можно говорить об общей принадлежности к нему.

Во-первых, отсчёт истории государственности, идущий от древнерусских княжеств — Русской земли. И Киевская Русь, и Полоцкое княжество, и Великое княжество Литовское, и Московское государство связаны генезисом с той, изначальной Русью.

Во-вторых, принадлежность большинства населения к восточному обряду христианства, исповедание православия, «русской веры».

В-третьих, опыт подданства Российской империи и совместного строительства СССР, как наиболее успешных и могущественных воплощений русских геополитических проектов.

В-четвёртых, пространство преимущественного распространения русского языка и близкородственных украинского и белорусского языков.

В-пятых, принадлежность к общинам по всему миру, так или иначе соотносящимися с перечисленными выше критериями.

Всё это весьма общие критерии, они могут быть дополнены частными, сочетание которых позволяет описать разнообразие форм русскости, но при этом не утратить понимания общности.

Разнообразие форм — важная черта для адекватного понимания жизнеспособного проекта Русского мира в будущем. Успешная формула Русского мира не может существовать без учёта разнообразия собственных этнокультурных, языковых, национальных и политических форм. Было бы уместно сравнить Русский мир и Немецкий, Арабский или Тюркский миры. Немецкий мир — это не только Германия и её государственная традиция. Это также и Австрия, Швейцария, Лихтенштейн и Люксембург, но при этом германосфера — культурная, эконо-

мическая реальность, фактически являющаяся ядром Европейского союза.

Арабский и Тюркский миры — это совокупность различных народов и государств, которые, кстати, не всегда были дружны между собой. Эти примеры напоминают нам о том, что Русский мир — типологически схожее явление.

Сопряжение Русского мира и Евразийского союза

Россия—Евразия — это особая цивилизация, которую нельзя отождествлять с (западно)европейской. Евразийство в качестве определения этой цивилизации и как оригинальная продуктивная философская и геополитическая доктрина — это специфический продукт русского мышления, сравнимый с идеями испанских и португальских мыслителей об общем иберийском культурном пространстве Испании и Португалии со странами Латинской Америки или с «англосаксонским миром», разбросанным на пяти континентах.

Евразийский союз, возникший в результате развития евразийских идей, в идеале должен стать геополитическим и геоэкономическим проектом, продолжающим дело Русского мира по освоению и связыванию Евразии, активного созидательного взаимодействия с Тюркским, Финно-угорским, Иранским и иными мирами. Русский мир не может ограничиться только территорией этнического славянского большинства, хотя эта территория была и будет демографическим и политическим ядром Северной Евразии.

Тюркский и другие «миры», имеющие притяжение к Русскому именно через союз с последним, могут не только укрепить свои позиции в глобальной конкуренции, обеспечить обороноспособность и суверенное развитие, но и продолжать обогащать собственную идентичность элементами русской культуры, как культуры светской и гуманистической.

Украинский вызов

События на Украине действительно ставят вопрос о будущем Русского мира как некоего общего для трёх восточнославянских народов концепта, и о будущем Евразийского союза, как притягательного экономического и геополитического проекта.

Кровопрлитная гражданская война создаёт тот эмоциональный фон, который, казалось бы, делает невозможной оценку не с позиций воюющих сторон, а с позиций более отстранённых, с учётом стратегической перспективы.

Если мы представляем Русский мир и Евразийский союз как реальности будущего, превосходящие тот драматический разлом, который происходит в Украине, то следует указать на опасности, угрожающие их существованию.

На Украине этим стал взрывной коктейль коррумпированной олигархической системы власти и радикального национализма. Безответственные политики и нувориши сделали ставку на призрачную перспективу евроинтеграции, совершенно не учитывая раскол общества по этому поводу и интересы России — крупнейшего военного, экономического и политического игрока в регионе. Националистическое безумие не позволило подтвердить за русским языком статус регионального и дать гарантии культурной автономии населению Восточной Украины.

Русский мир — это разнообразие этнокультурных, языковых, национальных и политических форм. Он не сводим только к ностальгии по Российской империи, СССР или мечтам о присоединении всех русскоязычных территорий к Российской Федерации. Украина станет серьёзным испытанием для него при любом развитии событий.

В случае затяжной войны и продолжения противостояния на Донбассе, Украина превратится в крайне враждебное России государство, одной из миссий которого будет провозглашение собственного геополитического проекта — антироссийской Киевской Руси или Балто-Черноморского союза.

В случае, если народные республики Донбасса выстоят, возникнет вопрос о том, что будет с их населением: станет ли оно просто русским, без следа украинскости, возникнет ли там новоросская нация или центр нового украинского проекта, альтернативного западенскому, ориентированного на Россию? Вступит ли она в Евразийский союз или окажется в составе России?

Возникают и новые задачи для Беларуси — страны, которая может сыграть свою важную роль в новой конфигурации Русского мира. Сохраняя доверие как России, так и Украины, разработать «дорожную карту» для нормализации отношений, исполь-

зую собственную «мягкую силу» снижать уровень взаимной враждебности, не позволять замкнуться Балто-Черноморской оси, помочь Донбассу в построении там справедливой социально-политической и экономической модели. В целом взять на себя ответственность за безопасность и развитие на западных рубежах Евразийского союза и западном пограничье Русского мира.

Императивы выживания

Сейчас идея Русского мира переживает непростое время. Вынужденная включенность России в украинский кризис нередко провоцирует некоторых политиков на неосторожные заявления и действия, шовинистические амбиции, пренебрежение социальными проблемами. Всё это надолго может перечеркнуть отношение к Русскому миру как принятой всеми общности.

От этого же, как примера умения управляться со сложными системами и разнообразием, зависит и судьба рождающегося Евразийского союза.

Поэтому императивами выживания и дальнейшего роста видятся следующие:

— ориентация на создание общего военно-политического блока, обладающего высокой степенью экономической самодостаточности, новая реиндустриализация;

— курс на построение справедливой социально-политической модели, минимизация влияния на политику и экономику кланово-олигархических структур;

— превентивная и санационная политика в отношении националистических проявлений, великорусского, украинского, белорусского, казахского и других национализмов, исключение из публичной сферы воззрений, отрицающих существование украинской и белорусской наций, языков и т.д.;

— скорейшее прекращение войны на Украине, развёртывание там миротворческой и гуманитарной миссии, выработка плана адекватной работы с украинской и новороссийской идентичностью;

— сбалансированная демографическая и миграционная политика как план наращивания и укрепления этнокультурного ядра Русского мира и организации его созидательной работы на Кавказе и в Средней Азии.

От выполнения этих задач зависит наше общее будущее. В переломное время не может быть отстаивания только своих интересов или взглядов на историю, но должно появиться чувство общей ответственности за судьбу того, что мы называем Русским миром и создающимся Евразийским союзом.

Евразийский союз и национальная государственность

Создание Евразийского союза, подразумевающего прежде всего тесную экономическую интеграцию, так или иначе, ставит вопрос и о более тесной политической интеграции стран, образующих его ядро, и формирования единого геополитического блока. Очевидно, что речь не может идти о восстановлении Российской империи или создании СССР 2.0, что представляется скорее анахронической ностальгией в изменившихся реалиях. Тем не менее проблема сопряжения национальной государственности и Евразийского союза является актуальной и пока ещё мало осмысленной.

Союзное государство как лаборатория интеграции

Вопрос «Является ли современная Российская Федерация национальным государством или чем-то иным?» пока остаётся открытым. Тем не менее Союзное государство России и Беларуси — это первый опыт интеграции на постсоветском пространстве, где Республика Беларусь уже как суверенное национальное государство делает сознательный выбор в пользу экономического, политического и военного союза с Россией.

Не все заявленные цели Союзного государства были достигнуты, особенно в экономической сфере, например создание единой валюты и единого эмиссионного центра, полная унификация гражданского и налогового законодательства. С другой стороны, граждане России и Беларуси имеют равные социальные права, между странами отсутствует пограничный и таможенный контроль, существует реальный военный союз.

Тесная связь белорусской и российской экономик выгодна не только Беларуси (в силу доступа на обширный российский рынок и к дешёвым энергоресурсам), но и России, где белорус-

ская крупная промышленность связана с (по разным оценкам) 3 млн рабочих мест. С геополитической точки зрения Беларусь не даёт сомкнуться так называемой Балто-Черноморской оси государств, занимающих не очень дружественную позицию в отношении России, что приобретает особое значение в связи с событиями на Украине и возросших шансах на втягивание этой страны или её частей в западный блок.

Союзное государство можно рассматривать как своеобразную лабораторию интеграции, показывающей те сферы межгосударственных отношений, где кооперация и объединение может идти наиболее быстро и эффективно, а где имеются существенные расхождения, вызванные разным пониманием национальных интересов. Для Беларуси разница с Россией выражена прежде всего в социально-экономической модели государства, когда национальное целеполагание определяется не столько интересами крупного бизнеса или сырьевых монополий, сколько сохранением реального сектора экономики, обеспечения занятости населения и более равномерное распределение доходов.

Практически все торговые и хозяйственные споры Беларуси и России, значение которых всё же стоит переоценивать для динамики отношений двух стран, были вызваны именно этим, а также разным пониманием инвестиционной стратегии и политики приватизации.

История Союзного государства показывает:

- противоречия неизбежны, но не фатальны;
- инструменты согласования национальных интересов могут успешно применяться;
- наиболее эффективной оказывается не унификационная, а симбиотическая модель отношений.

В идеологическом и символическом смысле это означает, что в рамках Евразийского союза представления о вхождении какого-либо национального государства «шестью областями» в состав другого являются контрпродуктивными. Скорее, каждое национальное государство, имеющее намерение участвовать в создании Евразийского союза, должно найти своё место в общей спецификации и выработать свою оптимальную модель отношений друг с другом. Для Беларуси, как в наибольшей

степени связанной с Россией в этнокультурном и институциональном плане, вполне естественной будет выработка модели в чём-то похожей на отношения Великобритании и США или Австрии и Германии: общее геополитическое, культурное, языковое пространство, тесная экономическая интеграция, солидарная международная позиция, но при сохранении национального суверенитета.

Внутренняя иерархия

Существует опасение, что ведущая роль России в Евразийском союзе в умах значительной части политической элиты (как российской, так и белорусской) предстаёт только в привычных категориях усиления централизации и непосредственного контроля со стороны Москвы. Причём для первой — как однозначно положительный тренд, а для других скорее как тренд тревожный. Понятно, что здесь сказывается долгая историческая траектория, пройденная российским государством, но насколько адекватно возрождение отработавших своё форм в современном мире?

Современный мир — постимперский и постнациональный. Это значит, что время классических империй ушло, а национальные государства уже не в состоянии решать многие возникающие перед ними проблемы. Возникают импероподобные образования, которым национальные государства делегируют значительную часть суверенитета. Пример такого образования — Европейский союз, созданный ключевыми государствами Западной Европы (Германией, Францией, Италией, Нидерландами и др.), не отменяющий, но превосходящий национальное государство как форму.

Евразийский союз с высокой степенью вероятности также пойдёт этим путём — от экономического союза к политическому, постепенно преодолевая возникающие разногласия и противоречия. Европейский опыт тут может быть весьма ценным и полезным как с положительной точки зрения (создание механизмов наднационального управления и согласования, разработка рамочных программ общего развития, возрождение союзных корпораций), так и отрицательной (чрезмерный рост бюрократии и её оторванность от большинства населения, пре-

небрежение вопросами национальной идентичности, игнорирование разрыва между ядром союза и периферией).

Для успешного функционирования Евразийский союз должен использовать принцип субсидиарности, согласно которому задачи решаются на максимально низком, локальном или удалённом от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно. То есть в современном мире нет смысла создавать одно централизованное государство, важно создать эффективную систему управления разнообразием: политико-правовым, национальным, экономическим, когда совместно могут существовать и решать общие задачи огромная федерация (Россия), унитарные национальные государства (Беларусь, Казахстан, Армения) и «вольные территории» (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия или гипотетическая Новороссия).

Европейскую интеграцию «продвигают» различные объединения и структуры (собственно ЕС, Европейская экономическая зона, Шенгенская зона, Совет Европы, Северный совет, Восточное партнёрство и т.д.), поэтому и в процессе евразийской интеграции основным лейтмотивом должна быть не унификация, а необходимость внутренней иерархии и существования разных форм для управления разнообразием (Союзное государство, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ).

Региональные зоны ответственности и развития

Чрезмерная централизация и унификация всегда будет вызывать сопротивление национальных элит и создавать ненужное напряжение в межгосударственных отношениях. В Европейском союзе это сопротивление стремятся преодолеть посредством регионализации, как средством ослабления национальных элит. В ЕС, в силу определённого исторического опыта, это возможно и оправдано. В Евразийском союзе это неприменимо, поскольку подобная регионализация приведёт, скорее всего, к ослаблению самого института государства и станет серьёзной причиной вызовов безопасности, особенно на Кавказе и в Средней Азии. Отсюда следует необходимость иного подхода к пониманию места и роли национальных государств в Евразийском союзе.

Национальные государства в Евразийском союзе могли бы играть самостоятельную роль, не претендуя на соперничест-

во с возникающими наднациональными органами и структурами, направив значительную часть своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности вовне, формируя вокруг своих границ, то есть на внешней периферии Евразийского союза «пояса добрососедства» или «зоны ответственности и развития». Для Беларуси таким «поясом добрососедства» была бы Юго-Восточная Прибалтика, Восточная Польша и север Украины. Именно с этими регионами Беларусь уже успешно наладила и наращивает торгово-экономическое сотрудничество, ежегодно обеспечивая, например, до трети бюджета Литвы за счёт транзита белорусских грузов и туристического потока. В перспективе — увеличение Беларуси, как участницей Евразийского союза, транзита через порты Литвы и Латвии.

«Зона ответственности и развития» Казахстана как наиболее успешного государства Средней Азии — соседние страны, в частности Киргизия, Узбекистан. Общий акцент — обеспечение безопасности, межрелигиозного и межнационального согласия, а также экономическое сотрудничество и развитие (особенно в случае Киргизии). Армения — христианская страна, занимающая стратегическое положение в Закавказье, уравнивает и сдерживает в этом регионе влияние крупных игроков исламского мира.

Таким образом, согласовывая с Россией векторы своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, национальные государства могут определить своё положение и спецификацию в общей структуре Евразийского союза.

Евразийский «орден меченосцев»

Конструирование устойчивой архитектуры Евразийского союза — сложная социоинженерная задача, принципиально нерешаемая имеющимся в наличии «национальным» или «староимперским» инструментарием. Евразийский союз требует формулирования ясных целей и новых смыслов, учитывающих достижения и провалы предшествующих наднациональных союзов, позитивный и негативный опыт 25-летнего постсоветского государственного и национального становления, планетарный контекст в целом. Безусловно, эти цели и смыслы должны ро-

ждаться и воплощаться в динамической среде нового субъекта, являющегося драйвером интеграции.

Каким образом можно представить этот субъект? Можно вспомнить ленинский образ «партии нового типа» или сталинский «орден меченосцев», но речь идёт, конечно же, не о политической партии или интернационале чиновников. Это сверхмобильное сетевое сообщество действующих политиков, дипломатов, предпринимателей, общественных активистов, экспертов, интеллектуалов, творцов смыслов и образов. Являясь носителями своих национальных культур эти люди должны обладать превосходящим национальный горизонт мировоззрением и быть вовлечёнными хотя бы в общих чертах в общую проблематику, представляя интересы Евразийского союза и способы их достижения в Европе, на Кавказе и в Центральной Азии.

Лучшее средство формирования такого субъекта — общая деятельность:

- евразийские транснациональные корпорации, нацеленные на реиндустриализацию и разработку новых технологий;
- совместная созидательная работа общественных организаций от каждого государства — от участия в знаковых стройках до восстановления памятников исторического наследия;
- общее медиапространство, представленное экспертами и аналитиками стран-основателей ЕАЭС и т.д.

И конечно, общая мечта. Мечта о том, что основываясь на своих корнях, мы должны стремиться в небо. Вместе расти, побеждать и преодолевать себя.

Что мешает элитам стран Евразийского союза объединиться?

Евразийский экономический союз существует уже пять лет, но ещё рано делать далеко идущие выводы о его успешности и эффективности. Сейчас самое важное, что процесс реинтеграции постсоветского пространства продвигается вперед.

Естественно, как и всякий сложный процесс, он вызывает тенденции сопротивления как извне, так и изнутри.

Евразийская интеграция — это не только попытка, объединив усилия, создать и использовать преимущества в рамках конкуренции с другими интеграционными объединениями. Это также и вызов для сознания обществ и элит, образовавшихся после распада СССР.

От дезинтеграции — к реинтеграции

В начале 1990-х гг. бывшие союзные республики — кто-то осознанно, кто-то вынужденно — избрали путь национально-государственного строительства. Национальные элиты, за редким исключением, с энтузиазмом восприняли возможность самостоятельно управлять без оглядки на Москву. Да и в самой Москве, казалось, с облегчением восприняли факт избавления от «балласта» в виде закавказских и среднеазиатских республик.

Исключениями стали лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев, предложивший создать новую форму союзного объединения — Евразийский союз, и лидер Беларуси — Александр Лукашенко, выдвинувший проект Союзного государства России и Беларуси.

Проект Союзного государства практически сразу был подхвачен очнувшейся от парада суверенитетов московской элитой. Проекту Евразийского союза было суждено пребывать в ожидании 20 лет, прежде чем он начал претворяться в жизнь.

Очевидно, что интеграционные идеи, выдвинутые в центр из бывших национальных окраин, наконец, были поняты и восстребованы, даже несмотря на значительную временную паузу.

Россия в лице своего руководства увидела в них инструмент глобальной политической игры и отстаивания своих национальных интересов. В то же время изменения происходили в Казахстане, и в Беларуси, где ностальгия по общему советскому государству уступила место прагматичному подходу и осознанию собственных национальных интересов, не всегда полностью совпадающих с позицией Москвы.

«Нестыковки» национальных интересов

Особенно ярко это проявилось за последние несколько лет во внешней политике. Минск и Астана выстраивают отношения с внешним миром, исходя из собственных приоритетов и сооб-

ражений целесообразности. Это естественно, так же действует и Россия.

Но наступают моменты, когда подобная взаимная автономия может быть причиной угроз общей интеграционной конструкции. Последние события в Нагорном Карабахе показали, что ни Казахстан, ни Беларусь, ни даже Россия не может полностью принять армянскую точку зрения, хотя Армения — наш союзник по ЕАЭС и ОДКБ.

Армян можно понять. Для них Арцах — это символ экзистенциальной борьбы за существование своего народа. Но здесь именно национальный, даже националистический мотив важнее всего. Важнее геополитики и региональной архитектуры безопасности.

Если Россия целиком стала бы на армянскую позицию и содействовала бы наступлению и полному разгрому азербайджанской армии, то мы неизбежно получили бы повод для Турции начать боевые действия.

А это означало бы взрыв всего Закавказья с перспективой разрушительной войны для самой Армении. То есть Россия, в том числе и через поставки оружия как Армении, так и Азербайджану, поддерживает баланс сил и не даёт региону скатиться к большой войне.

Казахстану, претендующему на влиятельное место в тюркском мире, также нецелесообразно портить отношения с Турцией и Азербайджаном, как и Беларуси, для которой выбор между армянами и азербайджанцами, по словам министра иностранных дел Владимира Макея, равносителен выбору между братьями.

Армяне не всегда готовы это понять, отсюда происходят эти досадные дипломатические и информационные «стрелы», выпущенные в белорусскую и даже российскую сторону в период последнего обострения ситуации в Карабахе.

Евразийская картина мира

Мотивы всех сторон понятны, непонятно пока другое. Каким образом из пазла различных, иногда противоречивых национальных интересов должна возникнуть наднациональная, евразийская картина мира?

Может возникнуть и другой вопрос: а нужна ли она вообще? Коль уж мы ведем речь об успешном (а именно таким он и должен быть) евразийском интеграционном проекте, то да — нужна обязательно, хотя бы для того чтобы была общая рамка и некие критерии согласования и реализации национальных интересов.

Что может быть положено в основание евразийской картины мира, учитывающей, но превосходящей мышление сугубо национальными категориями?

Прежде всего новое сознание национальных элит, в основе которого должно быть понимание того, что кроме собственной, вверенной своим народом в управление территории, существует ещё и общее, большое пространство, судьба которого зависит и неразрывно связана с судьбой каждой страны, его формирующей.

Национальный горизонт — это все же тактика, горизонт евразийский — стратегия. Даже для России, элиты которой часто автоматически отождествляют свои идеи и интересы с таковыми у своих союзников или просто их у союзников не замечают.

По сути, России тоже надо переходить на наднациональный уровень мышления и планирования, хотя ей это сделать было бы проще всего в силу наличия такой традиции.

Предложения реформ

Практически это означало бы, что наиболее важные экономические, внешне- и военно-политические шаги России необходимо согласовывать с союзниками, особенно если вероятные последствия этих шагов их напрямую касаются, как в случае с европейскими санкциями.

В рамках евразийской интеграции, наряду с основным регулятором экономического объединения, Евразийской экономической комиссией, необходимо создание и чего-то вроде Евразийского сената — консультативного, совещательного органа по вопросам внешней и оборонной политики.

Россия и её руководство, очевидно, могут действовать решительно и без особых мнений союзников, и мы могли в этом убедиться за последние два года, но всегда ли это то, что лучше всего для Евразии?

Например, политика России по поддержке и «собираению» земель по кусочку в отрыве от национальных метрополий (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Крым, Донбасс), возможно, тактически выигрышна, но стратегически обернулась потерей на долгие годы решающего влияния в Молдове, Грузии, Украине. Получив малое, утрачивается великое. Наверняка общие усилия и предложения России, Беларуси и Казахстана, если бы таковые были востребованы, могли бы иметь иные варианты развития событий.

Национальный интерес и устремления элит государств-союзников России можно воспринимать исключительно в прагматической логике поиска выгоды и улучшения благосостояния своего общества. Но и эта перспектива закрывает стратегический горизонт.

Экономические и военно-политические проблемы и вызовы, перед которыми мы все стоим, национальные государства в одиночку решить уже не в состоянии, а это значит, что либо должны совершенствоваться существующие интеграционные инструменты, либо создаваться новые.

Например, назрела реформа ОДКБ, которая сейчас более похожа на координирующий орган части силовых ведомств, чем на полноценную военно-политическую организацию.

Что еще может формировать новое сознание национальных элит, сознание уже наднациональное? Общие проекты развития. Индустриальные, энергетические, транспортно-логистические, гуманитарные.

Роль России в этом — ключевая.

Да, исключительно национальные интересы России — развиваться прежде всего внутренне, подтягивать глубинку, осваивать Сибирь и Арктику, наращивать ВПК. Но вовлечение во всестороннее сораствление союзников — это именно стратегический шаг, работающий на взаимное укрепление и сближение.

Есть и еще кое-что важное для сближения сознания национальных элит. Общие ценности.

Евразийская интеграция, евразийская стратегия должны предполагать и наличие евразийских ценностей. Того общего идейного базиса, который выделяет нас среди других, конку-

рентных интеграционных проектов и делает привлекательными для потенциальных союзников. Такой базис нужен и возможен. Но о нем стоит поговорить отдельно.

Союзное целеполагание

За последние три десятилетия мир необратимо изменился, он уже никогда не будет прежним. После краха советской системы уже ничто не могло сдерживать окончательное превращение планеты в единый организм — этот процесс известен нам сегодня как глобализация. Она происходила и происходит по правилам, диктуемым победителями в «холодной войне» и, естественно, выглядит справедливой только с их точки зрения. Именно страны Западного блока извлекли максимальную выгоду от всепланетарной связанности, которую они понимают как огромный рынок и площадку для продвижения своих товаров, идей и ценностей.

Постсоветское пространство, будучи ядром бывшего Восточного блока, конечно же, в полной мере ощутило последствия геополитического поражения огромной страны. Однако, с другой стороны, именно с этого момента начинается история суверенных государств новой Евразии. Это тот случай, когда каждая потеря чревата приобретением, а приобретение потерей, поскольку суверенитет — это не вечная данность, а то, что всегда требует заботы и стратегического планирования.

Суверенитет — это возможность народа и государства самому определять свою судьбу, направления развития и его цели. Но суверенитет не фетиш, это именно возможность, потенциал, инструмент, который можно использовать во благо или просто законсервировать, полагая, что мир не будет меняться и всё останется так, как есть сейчас. Уже очевидно, что суверенитета одной отдельно взятой и малой или средней по размеру страны недостаточно для достойного существования и реализации перспектив в будущем.

Государственный суверенитет — это как урожай у рачительного хозяина: для того чтобы процветать долгое время, а не только один год, необходимо просчитать, какую его часть нуж-

но оставить для будущего, как наилучшим образом использовать имеющийся запас и приумножить его. Иллюзия того, что можно не заботиться о долгосрочном планировании и жить на национальном хуторе не замечая и не понимая реалий изменившегося глобального мира чревата в конечном итоге потерей суверенитета или периодом продолжительной нестабильности, примером чему может быть ситуация в братской Украине.

В международных отношениях одним из способов возможного рационального использования суверенитета государства является интеграция — объединение, кооперация с другими суверенными странами. Это необходимо для общей защиты своих политических и экономических интересов и обеспечения безопасности, что требует согласованности и в военно-политической сфере. Естественно, любая интеграция — это осознанная необходимость передачи части суверенных полномочий на новый уровень — туда, где должны приходиться к общему знаменателю интересы всех участников интеграции.

Три новых суверенных государства: Россия, Казахстан и Беларусь стали основателями нового интеграционного образования — Евразийского экономического союза. Как видно из названия, прежде всего это экономическое объединение, призванное обеспечить защиту и развитие экономик наших стран, что особенно актуально в условиях конкуренции с другими крупными союзами.

Украинский кризис стал причиной консолидации западных элит (ЕС и США) в отношении России, отодвинув на очень далёкую перспективу возможность создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока.

Европейский союз переживает не лучшие времена и провозглашенная программа новой индустриализации в рамках «плана Юнкера» выглядит как попытка Старого света не стать периферией по отношению к Новому, обеспечив технологический и инфраструктурный паритет.

Часть европейских элит не склонна к полному разрыву отношений с Россией и полному возвращению «новой холодной войны», поскольку российский фактор может быть использован как дополнительный аргумент в переговорах с США, да и без российских энергетических ресурсов для новой индустриализации не обойтись.

Для ЕАЭС это означает, что «худой» мир с Европой необходимо использовать по максимуму: отстаивать свою долю на энергетическом рынке ЕС и, по возможности, её наращивать, стремиться к трансферу технологий через участие в проектах, усиливающих позицию ЕС по отношению к США. Если это невозможно сделать самой России в силу наложенных санкций и ограничений, то нужно привлекать союзников, например Беларусь, которая может в такой ситуации стать выгодной для всех сторон площадкой взаимодействия.

Страны-союзники должны передавать часть своих суверенных полномочий в экономической сфере наднациональному органу — Евразийской экономической комиссии и другим структурам, которые будут определять правила функционирования общего хозяйственного пространства. Это тот случай, когда суверенитет используется для достижения больших результатов, чем это возможно на национальном уровне. При этом, конечно, никто не отменял заботы о собственных национальных интересах. Интеграция имеет смысл только тогда, когда эти интересы учтены и согласованы с интересами других участников.

Это не простой процесс. Европейский союз создавался почти пять десятилетий и даже сегодня он далёк от совершенства, однако, вряд ли кто-то сегодня будет утверждать, что объединённой Европе есть некая реальная альтернатива. Объединение, интеграция — это и возможности, и риски. Беларусь, например, имеет исторический опыт существования в различных интеграционных объединениях (Великое княжество Литовское, Российская империя, СССР) без растворения в них. В новейшее время мы стали инициатором создания первого постсоветского интеграционного объединения — Союзного государства России и Беларуси, положительные результаты существования которого очевидны для простых граждан наших стран.

Евразийский союз — новый этап интеграции. С ним связываются большие надежды и их осуществление возможно тогда, когда существующие между нами барьеры и ограничения будут сняты. В этом случае будет происходить не только укрепление экономического, а значит, и политического суверенитета каждой страны-участника союза, но и рост общей субъектности. В таком случае интеграция оправдана, необходима и с точки зрения суверенности национального государства.

Сильные, суверенные государства, образующие мощный союз — это залог того, что в глобальном мире мы не потеряем, не станем ведомой периферией, а, наоборот, имеем все шансы быть одним из его самодостаточных полюсов, поддерживающих равновесие и справедливое устройство.

Любой масштабный интеграционный проект, союз не может быть успешным без идеологической, политической и военной составляющей. Это логически вытекает из необходимого целеполагания, которым должен обладать Евразийский союз.

Идеологию лучше всего понимать не через некую обязательную идеологию, доктрину, директиву и т.д., а как ориентиры, цели движения, стратегию развития в будущем. История и прошлое оказывают своё значительное влияние на настоящее, но заикливаться на прошлом и жить одной лишь ностальгией крайне опасно. Можно потерять эти самые ориентиры и пойти за ложными целями.

Цели обязательно должны быть обращены в будущее, они формируют его образ, который также становится элементом стратегии. Человеку важно понимать, какое будущее он созидает, почему это будущее обусловлено его собственными действиями, решениями, открытиями.

Историческая рефлексия несет в себе потенциал размежевания, а образ будущего, напротив, может стать платформой для объединения. Именно через призму будущего мы можем увидеть, к каким результатам может привести та или иная мировоззренческая позиция или выбор пути развития, чтобы избежать ловушек пещерного национализма, конфликтности и т.д.

Почему это важно? Любому государству в момент перехода мира к новой технологической и экономической формации необходимо не просто сохранить существующие позиции и уровень развития, а по возможности совершить рывок, который в будущем позволит занять достойное место или хотя бы не потерять то, что оно имеет сегодня. В связи с этим наши общества необходимо ориентировать на поиск ответов — каким образом этот рывок будет осуществляться, как будет обеспечено это достойное место. И это уже не просто мышление мемами и лозунгами, это мышление реальными целями.

Для продвижения идеи важно определить, к какой цели мы стремимся, каков путь для ее достижения? Ещё один ключевой момент — это технологии. Важно поддерживать в сознании граждан определенный уровень технологичности. Чтобы у них не возникали иллюзии о том, что благосостояние возникает из ниоткуда. Ведь многие люди до сих пор верят в то, что на страну, изменившую геополитическую ориентацию в пользу Запада, сразу снисходит манна небесная и все её проблемы автоматически решаются. Приверженцы «европейского выбора» надеются на то, что Запад охотно поделится с нами своими технологиями, и они попадут в элитный клуб развитых наций.

Важно осознать, что импульс к развитию, проект будущего основывается на собственном внутреннем потенциале и на потенциале реальных геополитических союзников. Для постсоветского пространства при всей необходимости дипломатического водевиля с США и ЕС реальная основа для дальнейшего развития, для технологического рывка связана прежде всего с Евразийским союзом.

Реализм, целеустремлённость и определённая технократичность должны помочь обществу сохранить рациональность мышления, не позволить одурманить его мифами и заблуждениями, и станут тем стержнем, вокруг которых будет выстраиваться всё остальное.

Понятно, что у разных народов и государств не может быть абсолютно одинаковых целей, будет отличаться и понимание путей их достижения даже при наличии таковых. Тем не менее должен быть осознаваемый набор целей, пусть разных, но не противоречивых — без этого любая идея превращается в безжизненную утопию.

Люди должны видеть, к чему направлены их устремления, ради чего они живут и работают. Должны видеть конкретный результат сегодня и перспективу на завтра. Это и есть цели. Они могут и должны быть общими, объединяющими Союз, большинство его населения.

Для Евразийского союза мы можем обозначить несколько самых очевидных целей.

Первая цель — экономическое и политическое выживание наших стран в глобальном мире жёсткой конкуренции и нового блокового противостояния.

Вторая цель — утверждение себя в качестве субъекта глобального управления, а не объекта манипуляции другими силами.

Третья цель — решающая или даже доминирующая роль в определении путей развития человечества и всей планеты на основе собственных разработок, идей, ценностей, открытий, решений — мировоззренческих, технологических, организационных и т.д.

Определённые признаки формирования подобного поля целей и смыслов можно отметить. Уже есть серьёзный задел в плане синхронизации в военно-политической сфере — сотрудничество в рамках ОДКБ, Союзного государства России и Беларуси. События на Украине заставили задуматься о ещё более тесной военной интеграции, развитии общего ВПК, западные санкции подстёгивают развитие собственных высоко интегрированных сегментов экономики и промышленной кооперации.

А вот с мировоззренческой основой пока, к сожалению, слабовато. Есть ли у нас общие ценности, отличны ли они от «западных», если есть, чем они лучше, как мы представляем себе будущее на их основе, можем ли мы транслировать их вовне в качестве более привлекательных — вот эти вопросы нуждаются в очень серьёзной проработке.

В качестве фундаментальной евразийской ценности следует назвать право народов на идентичность и развитие. Это означает, что в отличие от западных ценностей акцент должен делаться не на «правах человека» и связанным с этим распространением либеральной демократии в качестве якобы универсальной идеологии, а на том, что в нашей части света важную роль играют коллективные идентичности: национальные, конфессиональные, корпоративные, семейные и т.д.

Евразийский союз мог бы в ценностном плане основываться на некоем балансе между коллективными и индивидуальными правами и уважением к пониманию этих прав в каждой культуре. Это значит, что мы ставим во главу угла не права всевозможных меньшинств, хотя не отрицаем и поддерживаем их, а, например, социальные права: право на труд, на доступные, если не бесплатные, медицину и образование.

Также очень важно закрепить принцип развития в рамках Евразийского союза. То есть нужна не консервация или колониальная эксплуатация, чем грешит западная модель глобализации, а кооперация, вместо отношений центр–периферия необходимо создавать сети и инфраструктуру, стимулирующие всестороннее развитие регионов: Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Восточной Европы и т.д.

Три главных условия успешности евразийской интеграции: *равноправие, доверие и справедливость*. Эти принципы должны стать основополагающими, в первую очередь — для национальных элит. Если именно на них будут основаны интеграционные процессы, тогда придёт понимание общего дела и общей ответственности, разделяемое и рядовыми гражданами.

Важнейшим условием также является информационное сопровождение интеграции — люди должны понимать зачем, ради чего существует Евразийский союз, какие возможности и выгоды он даёт. Если не будет собственной чёткой информационной линии, этот вакуум очень быстро заполнится содержанием от недоброжелателей и конкурентов.

Отсутствие понимания общих целей, инструментов их выработки и согласования, способов донесения их и разъяснения являются очень серьёзными рисками для Евразийского союза. Успех проекта окажется также под угрозой, если будет иметь место эгоизм элит, с одной стороны препятствующих реальному равноправию в рамках союза, а с другой стороны злоупотребляющих доверием партнёров. К этому списку можно добавить неумение управлять национальным разнообразием, стремление к силовому доминированию вместо создания общих инструментов «мягкой» силы. И конечно же, игра на наших слабостях и противоречиях внешних сил.

Неуспешность или отсутствие должной динамики развития постсоветских проектов интеграции необходимо видеть в плоскости их целей. Не секрет, что СНГ создавался как институт цивилизованного развода бывших республик СССР. Горизонт его целей включал в себя сохранение хоть каких-то связей между новообразованными государствами. Каких-то иных, новых, опережающих целей не было выработано.

Ещё один интеграционный проект — ГУАМ, создавался как попытка объединения ряда стран в обход интересов России. А любое объединение, не учитывающее интересы России в регионе и не предлагающее позитивных вариантов развития отношений с ней, на мой взгляд, все-таки обречено на провал.

Достаточно успешным можно назвать Союзное государство России и Беларуси — в рамках этого проекта был решён ряд важнейших задач: общее оборонное пространство, реальное отсутствие границ, свободное перемещение граждан, взаимное соблюдение социальных прав. На сегодняшний день это самый «продвинутый» интеграционный проект.

Но надо двигаться дальше. Интеграция должна расширяться и углубляться. В ЕАЭС речь идет прежде всего об экономике, об общем экономическом пространстве, но без экономики евразийство тоже невозможно представить, так что это большой шаг в правильном направлении. Большой, но только первый.

Без разработки и реализации в кратчайшие сроки согласованного плана индустриализации, общего для всего ЕАЭС, в технологически и экономически отсталую периферию рискуем превратиться как раз таки мы. И даже единственно возможная ориентация, в случае дальнейшего ухудшения отношений с коллективным Западом, на сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона не решит наших общих задач выживания и развития.

Основная же проблема — отсутствие общего плана, стратегии развития ЕАЭС. Пока каждый участник преследует свои национальные интересы, но без сверхнационального горизонта целей, общего планирования, Евразийский союз не реализует своё предназначение.

Одной экономикой ограничивать интеграцию нельзя, даже если и не ставить целью осуществление в обозримом будущем интеграции политической. Евразийская экономическая комиссия создалась как наднациональный орган управления экономикой, аналогичный орган, пусть и сформированный не государствами, а общественными организациями стран-участниц ЕАЭС должен быть создан и для конструирования идей и новых смыслов.

Зачем они нужны? Без адекватного мировоззренческого и философского инструментария наши общества просто не смогут найти себя в глобально-связанном мире, не смогут сохраниться или погрязнут в изоляционизме и националистическом тумане.

Евразийский союз развёртывается как проект, дающий шанс на восхождение и качественный рост субъектов его формирующих. И этот шанс должен быть всесторонне использован всеми участниками союза.

Технологии евразийской интеграции

Для того чтобы России собрать вокруг себя интеграционную группировку в Евразии с ёмкостью рынка в 250–300 млн человек необходимо обладать современными интеграционными технологиями. В прошлом, во времена СССР, она владела ими в совершенстве, что позволяло быть сверхдержавой и контролировать полмира.

Тогда эти технологии были основаны на привлекательной для многих стран и народов мира социально-экономической модели, предполагающей социалистическое устройство экономики и социальный характер государства, прогрессивную национальную политику, когда поддерживались притязания на развитие собственной идентичности народов бывшей Российской империи в антиколониальном, антишовинистическом ключе. Постепенно, по мере удовлетворения этих притязаний, предполагалось и уже началось формирование наднациональной советской идентичности, в основании которой находились русский язык и культура.

Всё это прекрасно работало. Советский социализм был привлекателен для эксплуатируемых классов в Западной Европе, среди развивающихся стран. Национальная политика большевиков позволила им пересобрать Большую страну на новых основаниях, а например, поддержка белорусского и украинского национального проекта в советской форме позволила нейтрализовать польский империалистический фактор в Восточной Европе. Успешным примером этой политики можно считать и

победу в Великой Отечественной войне, когда народы СССР в основной своей массе поддержали советское руководство, несмотря на попытки нацистов разыграть национальную карту.

В позднем СССР технологии управления национальным разнообразием вследствие утраты целеполагания и курса части элит на конвергенцию с Западом, для чего нужно было сбросить «балласт» из прибалтийских, закавказских и среднеазиатских республик, были в значительной степени утрачены.

Из всего арсенала остались только технологии силового подавления сепаратизма внутри РФ и «якорения», т.е. удержания стран, выбравших евроатлантический геополитический лагерь, через создание и поддержку непризнанных государственных образований.

Основная геополитическая функция Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, ЛДНР «якорить» метрополии, к которым они ещё недавно принадлежали, в них либо резко развился национализм, либо они решили сменить геополитическую ориентацию. Это значит, что ни Грузия, ни Молдова с Украиной не смогут стать членами ЕС и НАТО де-юре из-за нерешенных территориальных споров. Хотя это не мешает им де-факто находиться у них в подчинении.

Непризнанные республики, таким образом, превращаются в «серые зоны», с теневой экономикой, криминальным элементом, нестабильной политической обстановкой и другими сомнительными чертами. Некоторые из них хотели бы изменить свой статус и, например, войти в состав России, как ПМР и ЛДНР, где даже прошли соответствующие референдумы. Но Россия не может их принять, потому как Молдову и Украину уже не будет чем «якорить» в их дрейфе к ЕС и НАТО.

Что делать дальше с этими государственностями, существование которых пока укладывается в продолжение логики распада СССР? Конечно, к каждой из них нужен особый подход, но нужны и общие схемы.

Сколько может продолжаться «якорение», и есть ли от него положительный эффект? Пока что-то близкое на позитив можно наблюдать только в Молдове и то с большой натяжкой и всё ещё не ясно, что будет в итоге.

Если нельзя всех принять в состав Российской Федерации, может, стоит подумать про нечто наподобие Российского Союза — конфедерации России с этими республиками? Для более эффективного управления и контроля над выделяемыми ресурсами. Нужны примеры того, что выбор в пользу России оборачивается не непонятным статусом, а вполне перспективным, достойным будущим, развитием.

Также продолжают применяться технологии предоставления зонтика безопасности, поставок оружия по льготным ценам для тех, кто входит в союзы с Россией. Наибольшее развитие получило использование цен на энергоресурсы в качестве стимула интеграции с Россией, открытие российского рынка. Результат противоречивый, поскольку в условиях капитализма, лоббизма и отсутствия чётких государственных гарантий вокруг этих цен и условий доступа на рынок постоянно возникают конфликты. Единые правила ценообразования, рынок нефти и газа до сих пор не сформированы, хотя именно с подобных технологий, например, начиналось функционирование ЕС.

ЕС в качестве технологий интеграции использует единый рынок, единую валюту, общие технические стандарты, формирование наднациональной бюрократии, идеологию европейских ценностей. КНР в качестве технологий интеграции пытается перенять советскую идею более справедливого глобального мироустройства (Единая судьба человечества), инвестиции в транспортно-логистические хабы, связывающие Евразию, создание точек экономического роста, завязанных на китайский капитал (Пояс и путь).

России и её союзникам нужно развивать собственные технологии интеграции. Имеющихся в наличии явно недостаточно. Во-первых, определиться с правилами экономической и энергетической интеграции. Пока мы видим, что лоббизм топливно-энергетических корпораций скорее тормозит интеграцию, чем развивает её, единый рынок нефти и газа с прозрачными действенными правилами нужно запускать до 2024 года.

Во-вторых, нужно интегрировать имеющийся технологический потенциал, пока это ещё возможно. В-третьих, нужна собственная политика идентичности в гуманитарной сфере. Если этим не заниматься, то национализм везде возьмёт верх (при-

чём это касается всех, России в том числе, идеи про «ирреденту» и особый статус русских — об этом) и про интеграцию можно забыть. Настройка общей идентичности — тонкая работа, но пока системно она не ведётся.

Общая идентичность сама по себе не может стать основой для экономических процессов. Общая идентичность изначально возникает из общего дела, общих интересов и общих ценностей. И как правило, возникает в небольших элитных или контрэлитных группах, а затем распространяется на широкие массы населения посредством СМИ, культуры и пропаганды.

Пример элитной генеалогии общей идентичности — европейская. Она изначально была присуща космополитичной аристократии, которая была тесно породнена между собой и отделяла себя от местных автохтонов-крестьян и мещан. То есть Винзоры, Гогенцоллерны и Габсбурги ощущали себя гораздо более близкими между собой, чем с английскими, немецкими или славянскими простолюдинами. А простолюдины свою идентичность находили в локальных языках и традициях. Эти же аристократы стояли у истоков современного ЕС.

Пример контрэлитной генеалогии общей идентичности — большевики. Что объединяло русских, евреев, грузин, поляков, латышей в качестве революционной группы и первоначального ядра советской идентичности? Свой радикальный проект будущего, переустройства страны и мира, ненависть к классовой и национальной несправедливости, элитам и устройству Российской империи (аристократии).

Для формирования евразийской идентичности также нужно общее дело, общий интерес и общие ценности. Ощущение общности дела прежде всего может возникать в среде евразийской бюрократии и тех, кто реализует наднациональные проекты. Общего интереса, например, в сфере безопасности — у военных и спецслужб, только нужно больше совместных учений и тренировок, в экономике — у предприятий, связанных промышленной кооперацией и у транснационального бизнеса. Общих ценностей — у интеллектуалов и богемы, которые должны их осмысливать, формулировать и транслировать в массы.

У каждой из этих групп должны быть свои механизмы и формы этой идентичности. Она, безусловно, возникает стихий-

но, как результат общей работы, интереса или ценностного совпадения, но самостоятельным фактором интеграция становится только тогда, когда приобретает осмысленный проектный характер.

Если евразийская интеграция как бюрократический процесс буксует, нужно понимать, что бюрократический процесс и сама интеграция, объединение Евразии — это всё же не тождественные понятия. Интеграция «сверху» упирается в противоречие интересов элит. Но интеграция «снизу» ещё даже не началась. Можно сказать, что здесь почти всё — *tabula rasa*, а значит, много пространства и свободы для творчества.

И в этом случае лучше всего применять технологию культурной гегемонии Антонио Грамши. Вести борьбу нужно не за сознание чиновников, а за сознание будущих элит. Евразийский дискурс нужно отвязывать от официоза и делать его модным среди молодёжи, лидеров мнений, культурных и даже контркультурных групп, нужно завоёвывать творцов смыслов и образов, потому что сейчас там господствуют идеи, образы протекционизма, сепаратизма и национализма. Во всех без исключения странах ЕАЭС, это общая болезнь.

Евразийская интеграция должна быть менталитетом эпохи и духом времени, а не сводкой новостей с очередного заседания, где верховные правители не смогли договориться. Наши проблемы во многом проистекают из того, что евразийская интеграция началась без евразийцев, то есть тех, кто имеет в голове чёткие цели, планы и стратегию по её осуществлению. Да, сами названия — Евразийский союз, евразийская интеграция — во многом были навязаны правящим элитам теми самыми культурными и контркультурными группами. Но одного названия мало, нужно ещё поработать с имплементацией содержания.

Здесь, на мой взгляд, далеко не всё безнадежно. Естественным образом и при минимальной поддержке государств постепенно выстраиваются евразийские горизонтальные связи и сети, процесс идёт, пусть и медленно, он органичный и живой. Этот процесс нужно продолжить, переждать обострение смуты и раздробленности, а потом решительно вернуться в удобный момент, уже контролируя значительные сферы культуры и общественного сознания.

Евразийская идентичность не может ограничиваться только вопросами этнической, культурной, исторической или иной гуманитарной идентификации. Базисом евразийской идентичности должна быть своя политэкономическая и правовая теория. Это, кстати, хорошо понимали классики евразийства, правда, они не всегда были последовательны в своих взглядах.

Континентальный характер Северной Евразии, безусловно, оказывал и оказывает фундаментальное влияние на характер организации экономической жизни. Задача состоит в том, чтобы, понимая этот характер, находить адекватные экономические модели, а не просто копировать западный капитализм или пытаться внедрить британское право.

Географический детерминизм с его необходимостью создания сухопутной транспортной инфраструктуры, масштабного планирования коммуникаций, промышленной и ресурсной специализации требует, как минимум, осторожного отношения к применению классических рыночных принципов.

Особой технологией интеграции может быть язык. Основные мировые языки организуют вокруг себя естественные интеграционные пространства. Для понимания потенциала каждого из них любопытно сравнить количество носителей: английский является родным для 335 млн человек, в целом в мире его используют 1,3 млрд человек, китайский — тоже 1,3 млрд, испанский — 437 млн, французский — 274 млн, арабский — 260 млн, португальский — 220–240 млн человек, русский — 260 млн. Сюда бы я ещё добавил три больших языковых мира: тюркский (180 млн), иранский (200 млн) и индоарийский (1 млрд).

Мир русского языка хоть и является достаточно многочисленным, но всё же теряет число носителей вследствие распада Советского Союза, особенно это заметно на примере Прибалтики, Украины, Закавказья и Средней Азии. Что в целом объяснимо, потому что на первый план в качестве средства общения и механизма интеграции и консолидации общества выдвигаются локальные языки, часто они противопоставляются русскому.

Тем не менее всё равно число носителей русского языка остаётся значительным, а сами локальные языки в результате контакта и конвергенции с русским образовали согласно тер-

минологии, предложенной выдающимся лингвистом Олегом Трубочёвым, русский языковой союз, который также можно рассматривать как ядро и часть евразийского языкового союза.

Ничего удивительного в этом нет, поскольку в Западной Европе языки стали тоже понемногу друг с другом сближаться, например, сформировался аналогичный европейский языковой союз или средневропейский языковой стандарт, объединяющий совершенно разные языки, но обладающий специфическими чертами — там появляются общие выражения, предлоги, исчезает что-то характерное для отдельных языков, появляется новое и общее.

Разница между Европой и Евразией, таким образом, существует и на лингвистическом уровне. Классик евразийства, лингвист Николай Трубецкой был одним из первых, кто заметил, что языки в Евразии, относящиеся к разным языковым семьям, например славянские, тюркские, финно-угорские, тем не менее сближаются в фонетическом плане друг с другом, они как бы стремятся друг на друга походить. Трубецкой впервые в науке ввел такое понятие, как языковой союз.

Коллега и единомышленник Трубецкого Роман Якобсон выявил закономерность в том, что языки Евразии имеют некое сближение в своем фонетическом звучании. Этот языковой союз действительно совпадает с границами внутренней Евразии. Китай и Западная Европа туда не входят, но Северная Евразия, то есть Россия и союзные ей страны все туда входят. Языки этой зоны стремятся к более мягким звуковым выражениям.

Таким образом, кроме политической и экономической интеграции есть ещё и языковая, соответственно, язык может быть инструментом интеграции или дезинтеграции. В первом случае, например, это система трансляции культурных продуктов на русском языке, изучение русского языка как иностранного, в целом образование на русском, во втором — вытеснение, маргинализация русского и его носителей административными методами в пользу украинского или прибалтийских языков.

В России существует два организационных инструмента, призванных использовать язык и культуру в качестве технологии интеграции: Россотрудничество и фонд «Русский мир». Стоит отметить их разницу с аналогичными инструментами других цен-

тров больших языковых пространств: института Гёте, института Сервантеса, Французского института, института Конфуция.

В этих организациях упор сделан на продвижение прежде всего своих языков, их изучение, образование для иностранцев. То есть главная и конечная цель — пополнение своего языкового ареала за счёт носителей других языков. В итоге вы не просто должны заинтересоваться, скажем, немецким языком и культурой, но, пройдя соответствующее обучение и отбор, переехать в Германию и работать на эту страну.

Россотрудничество работает и с диаспорой (соотечественники), и с культурой, и с языком. То есть со всем сразу. Не в плане критики, а в плане понимания того, как эта работа эффективно устроена у других. Для русского языкового ареала/союза на первом месте всё же должно стоять увеличение его численности. А это значит, что прежде всего нужна система обучения русскому языку, образовательные программы, направленные на привлечение и «осаживание» иностранцев.

И ещё одна проблема — отношения русского языка и близкородственных восточнославянских: украинского и белорусского, которые очень часто искусственно противопоставляются. Я бы видел их как единый лингвомассив, взаимно обогащающий друг друга. Поэтому украинский и белорусский языки в литературной и диалектной форме объективно существуют, их никто не «придумывал», их важно знать и изучать, они являются живым источником для русского. А русский язык является их развитием, глобальным продолжением, позволяющим сохраниться и конкурировать с другими языковыми мирами.

Евразийские ценности: миф или реальность?

Процессы евразийской интеграции, происходящие сегодня прежде всего в экономической сфере, очевидно, не могут быть ограничены только этим.

Даже если рассматривать экономику в качестве основного драйвера интеграции на данном этапе, политические, идеологические и социогуманитарные аспекты неизбежно потребуют внимания и разработки.

Один из таких вопросов, связанных с общим представлением о целях интеграции в Северной Евразии — это вопрос ценностей.

Существуют ли евразийские ценности, в чем их специфика, зачем нужно их четко формулировать и разделять?

Евразийские vs европейские ценности

Существующий аксиологический контекст в значительной мере европоцентричен, поскольку чаще всего в дискуссиях о ценностях речь идет о том, что в качестве таковых воспринимается в западном, евроатлантическом мире.

Сам набор этих ценностей: права человека, либеральная демократия, рыночная экономика, верховенство права, толерантность, светскость и др. — воспринимается как некий эталон, подкрепляемый совокупным экономическим и геополитическим весом стран Запада.

Существуют иные подходы к определению ценностей, как правило, связанные с традиционными формами локальных цивилизаций: исламской, индийской, китайской, — но их специфика именно в локальности, в отличие от западного мира, претендующего на универсальность и всеохватность.

Что можно сказать о странах Евразийского союза? Являются ли Россия, Беларусь, Армения частью европейской цивилизации, должны ли разделять общие ценности с другими европейцами? Казахстан и Кыргызстан — это уже Восток и европейские ценности там неуместны? Либо же надо вести речь о существовании собственных — евразийских ценностей, которые могут восприниматься как в географически европейских, так и в азиатских обществах?

На наш взгляд, евразийская специфика действительно существует, она исторически и культурно обусловлена. Свой источник она берет из восточноевропейского цивилизационного очага. Его изначальный импульс был получен из Византии, на этой политической, культурной и религиозной основе из различных локальностей был сформирован универсальный тип русской культуры, которая, в свою очередь, при взаимодействии с тюркским миром сформировала то, что мы уже можем назвать евразийской цивилизацией со своими характерными ценностями.

Русская культура по мере продвижения на Восток, в Азию приобретала черты, значительно отличающие её от западноевропейской, становясь, по сути уже евразийской, заключающей в себе механизм адаптации восточнославянского и византийского культурного кода к континентальным пространствам Евразии.

Суть евразийских ценностей

Подходить к определению евразийских ценностей можно по-разному.

Во-первых, выделить их на контрасте с современными европейскими и сделать акцент на консервативном и традиционном аспекте — сохранении коллективных идентичностей: семейных, этнических, религиозных. Действительно, для большинства евразийских обществ традиционная семья или идентичность, тесно связанная с религией (православием или исламом), имеет и сегодня большее значение, чем для обществ западноевропейских.

Во-вторых, можно выделить те сущностные элементы, совокупность которых позволяет объяснить не только историко-культурные особенности развития, но и современную политическую специфику стран Евразийского союза.

Вокруг этих элементов как раз и формируется основной набор ценностей.

1. Безопасность.

По мере территориального расширения России — исторически самого успешного русского государства — вопрос безопасности становится одним из основополагающих. Обеспечение безопасности по внешнему периметру границ, защита от вторжений, внутренняя безопасность многонациональной и разнородной империи, сглаживание конфликтов — все это наложило свой отпечаток как на характер государства, которое неизбежно становилось централизованным и милитаризованным, «тягловым», так и на общественные отношения, где коллективный интерес преобладал над частным.

Сегодня проблема безопасности остается ключевой для выживания и развития стран Евразийского союза. Пример России 1990-х гг. показывает, к чему приводит пренебрежение этой

проблемой, каковы последствия общего ослабления государства и отхода от традиционных для России моделей организации политики и экономики.

Для Беларуси — государства, находящегося на цивилизационном фронтире, — вопрос безопасности напрямую связан с национальным выживанием, сохранением субъектности, точно так же, как и для Армении. Для Казахстана и Кыргызстана, находящихся в одном из самых взрывоопасных регионов мира, комплексное обеспечение безопасности возможно только с опорой на Россию.

Приоритет безопасности и коллективных интересов, стремление к построению сильного централизованного государства — это то, что отличает евразийские общества от западноевропейских, где преобладают тенденции децентрализации и индивидуализации.

2. Справедливость.

Выдаваемый государству исключительный мандат на обеспечение безопасности уравнивается в Северной Евразии общественным запросом на социальную справедливость.

Эти два элемента или ценности взаимосвязаны. Олигархические общества, основанные на несправедливом разделении общественного дохода, присвоении его небольшой группой лиц, наличие значительного разрыва между самыми бедными и богатыми — серьезный фактор нестабильности, подрывающий государство и его безопасность.

В евразийских обществах высокой ценностью обладает именно способность государства справедливо, равномерно распределять доходы, открывая широким массам населения доступ к образованию, услугам здравоохранения, возможностям личного и коллективного роста.

В этом смысле евразийское отношение к государству более патерналистское, а к экономике — менее рыночное и более солидарное.

3. Развитие.

Этот элемент уравнивает «консерватизм» евразийских обществ. Традиционные установки и ценности сами по себе не обеспечивают эволюции и прогресса, поэтому всегда будет существовать необходимость в «прогрессорской», модернизаци-

онной миссии — по характеру, нередко принудительной, которую чаще всего берет на себя государство.

Безопасность и социальная справедливость в итоге необходимы именно для обеспечения развития, осуществления технологических и мировоззренческих прорывов, не всегда приносящих очевидную прибыль.

В этом тоже отличие от Западной Европы и США, где двигателем развития чаще выступает частный интерес и частный капитал, ориентированный прежде всего на прибыль.

Евразийский барометр ценностей

Перечисленный выше ценностный базис, безусловно, надо рассматривать в качестве авторской гипотезы, требующей социологической верификации на всем пространстве ЕАЭС.

Тем не менее некоторыми данными уже можно оперировать. Например, результаты социологического исследования о ценностных и нормативных ассоциациях белорусов в отношении ЕС и ЕАЭС показывают, что Европейский союз белорусы устойчиво ассоциируют с либерально-демократической ценностной моделью, где основными ценностями являются: рыночная экономика, демократия, экономическое благосостояние, права человека, личные свободы.

Собственно Беларусь в ценностном плане ассоциируется с социально-демократическим модусом ценностей: мир/стабильность, безопасность, мультикультурализм, толерантность, культурное наследие. Модель восприятия ЕАЭС определяется как гибридная между европейской и белорусской. Примечательно, что в отношении к ЕАЭС и Беларуси респонденты не рассматривают «демократию» как ценность, а вместо этого приоритетами считаются стабильность, безопасность и культурные традиции.

То есть упомянутые выше в качестве гипотезы элементы евразийских ценностей могут иметь и социологическое подтверждение. Но для более четкого представления об этих ценностях и возможности конструирования на их основе евразийской идентичности необходим отдельный инструментарий — евразийский барометр ценностей, потенциально имеющий большое научное и практическое значение.

Тревожное будущее Евразии

В конце 2014 года после Майдана, Крыма, западных санкций и войны на Донбассе казалось, что мы видим воплощение одного из худших сценариев в нашей части континента. Конец 2015 года в связи с терактами в Европе, наплывом беженцев, ситуацией в Сирии и попытками столкнуть Россию и Турцию приносит понимание того, что есть еще худшие сценарии, чреватые Большой войной, которая может затронуть всех. 2020 год принес пандемию коронавируса и масштабный экономический кризис. Что происходит и к чему надо готовиться?

Расчленение Евразии

Невооруженным глазом заметно, что «дуга нестабильности», протянувшаяся от Магриба до Синцзяна рассекает Старый Свет на две половины, хаотизирует Юг и направляет давление на Север. Кроме того, появляются «метастазы» в виде тлеющего украинского очага и анклавов мусульманских радикалов в Европе. Для контраста — Америка выглядит куда спокойнее и благополучнее даже если вместе рассматривать Северную и Южную ее части.

Причины происходящего невозможно объяснить только конспирологическими методами: обвинить во всем США и коварных англосаксов, противоречия в Евразии возникали самостоятельно и накапливали взрывной потенциал десятилетиями. Безусловно, игра на этих противоречиях для своей выгоды — один из элементов американской геостратегии, впрочем, как и любой другой сверхдержавы в подобной ситуации.

Евразия не только подогревается изнутри, она охватывается экономическими узами с Востока и Запада. США пытались инициировать создание грандиозных торгово-экономических союзов: Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Президент Трамп отказался от этих планов, опасаясь имперского перенапряжения для США, но вместо одного из них продвигается аналогичный проект Индо-Пацифика, направленный на сдерживание Китая.

По сути, речь идет о переформатировании глобальных технологических стандартов, правил торговли, инвестирования, безопасности. Естественно, в итоге выигрывает тот, кто эти правила определяет. Аутсайдерами же будут те, кто оказался за рамками этих союзов.

Исключенными «аутсайдерами» оказываются государства (Россия, Иран, Китай), составляющие так называемый континентальный «хартленд» — сердцевину Евразии, а «избранные» входят в зону «римленда», ее окружающую. Удивительным образом новая экономическая конфигурация мира совпадает со старыми геополитическими схемами.

Сейчас в Евразии происходят одновременно три процесса:

— расширение и распространение влияния «дуги нестабильности»;

— глубокое экономическое и технологическое переформатирование приморской периферии Евразии: стран Тихоокеанского региона и Европейского союза;

— формирование блока достаточно мощных государств, так или иначе противостоящих первой тенденции в силу экономических, геополитических или иных причин.

Кандидат на заклание

Из числа последних наибольшие издержки, связанные с обеспечением безопасности и поддержанием жизнеспособности несет, безусловно, Россия. Очаги нестабильности: Донбасс, Ближний Восток, Центральная Азия находятся в непосредственной близости у её границ и уже существенным образом влияют на внешнюю и внутреннюю политику государства.

Действия России на Донбассе, операция в Сирии означают только одно — военно-политическое руководство страны воспринимает происходящее по периметру своих границ как прямую угрозу национальной безопасности. Такое видение, очевидно, должно основываться на достаточном объеме информации и аналитики о последствиях игнорирования этой угрозы.

Судя по всему, иного варианта реагирования у России уже не осталось, поскольку в противном случае под вопрос будет поставлено существование самого государства как целого. Но в этой реакции присутствуют значительные риски. Эта война

требует значительных ресурсов и времени, она надолго, учитывая это, а также незавершенную ситуацию на востоке Украины и потенциальный фронт в Центральной Азии, возникает вопрос относительно предельной готовности российской элиты и общества вести несколько изнуряющих войн на разных фронтах.

Сомнений в способности русских воевать и побеждать нет, но для этого необходима полная мобилизация и внутреннее преобразование общества, ясное целеполагание, разделяемое элитами, простым народом и союзниками России.

Если всего этого не будет, есть риск повторения событий Первой мировой войны, когда Россию в качестве лакомого кандидата на заклание искусно подвели к принятию на себя непосильной ноши, в том числе в силу внутренних причин и противоречий.

Хочешь мира — готовься к войне

Позиция Беларуси как союзника России предельно рациональна. С одной стороны, существует военно-политический союз с Россией, который никем серьезно не оспаривается, с другой — дипломатические и иные усилия белорусского руководства направлены на максимальное сдерживание напряженности и эскалации конфликтов хотя бы на западном направлении.

Миротворческая миссия — дело не всегда благодарное, поэтому шишки за нее будут сыпаться и со стороны российских ура-патриотов и вызывать вопросы внутри белорусского большинства, настроенного в целом поддерживать любые действия России. Но альтернатива этому — быстрый рост напряженности и гонки вооружений в Восточной Европе, на западных границах Союзного государства. Самой России Беларусь в качестве переговорной площадки и миротворца выгодна, поскольку позволяет сосредоточиться на решении проблем на Юге.

В экономической сфере Беларусь реализует концепцию «интеграции интеграций» на практике: использует возможности, возникшие в рамках ЕАЭС для запуска масштабных проектов с Китаем, выстраивания по возможности прагматичных отношений с соседями по ЕС, прежде всего Прибалтикой и Польшей. То есть конечной целью всего этого должно быть связывание трех евразийских блоков: ЕС, ЕАЭС и КНР хотя бы экономиче-

ски, вместо геополитической конфронтации. В этом заключается смысл «интеграции интеграций» и белорусской внешней политики.

Конечно, возможности небольшой страны, каковой является Беларусь, ограничены, она пользуется только имеющимся полем потенциалов. Дипломатия и экономика также не всегда являются действенными аргументами в мире силовой политики. Поэтому укрепление собственных вооруженных сил, например, посредством создания РЗСО «Полонез» или через необходимое усиление совместной военной группировки Союзного государства — это дополнительный аргумент для миротворческой и стабилизирующей миссии.

Сейчас на десятилетия вперед определяется будущая конфигурация Евразии. Тот, кто проявит больше стратегической мудрости и сдержанности, избегая лишних конфликтов, сохраняя и приобретая друзей и союзников, останется в будущем и сохранит возможности для развития.

Евразийский блок

Постепенно, шаг за шагом в Евразии образуется блок из сильных государств, не желающих мириться с несправедливой гегемонией Евроатлантики. Эти страны — Россия, Китай, Турция, Иран. Россия выступает в роли своеобразного связующего звена между странами, заметно увеличив внимание к отношениям с ними.

На сегодня наиболее успешно обстоят дела, как это ни странно, с Турцией. Почему это должно быть странно? Потому что, наверное, больше всего препятствий в налаживании отношений у России могло быть именно с Турцией.

Во-первых, это внутренние турецкие причины — долгое время Турция играла против российских интересов на Кавказе, в Средней Азии и тюркском мире. Турция стремилась быть примерным учеником евроатлантических структур в ожидании вожделенного членства в ЕС. С соответствующими настроениями в элитах. Но с этими мечтами, видимо, придётся распрощаться навсегда. Заносчивые европейцы отвергли Турцию, её не

примут в ЕС, да и является она евразийской, а не европейской страной.

Во-вторых, внешнее противодействие. Как только наметилось сближение России и Турции в энергетике (Турецкий поток, АЭС Аккую), военно-технической сфере (продажа С-400) и в Сирии этому стремились помешать очень влиятельные силы. Сбитый российский самолёт, убийство посла Карлова, попытка госпереворота и свержения Эрдогана — всё это происходило в том числе с прицелом не допустить формирования устойчивого альянса с Россией.

Но Россия здесь реально добилась успеха, реализуя упомянутые проекты, успешно используя «мягкую силу» и применяя искусную дипломатию. Безусловный успех российских специалистов и экспертов по Турции. России удалось сохранить и развить свою школу турковедов.

С Ираном пока не всё так радужно. Несмотря на фактическое братство по оружию в Сирии, сближению с Ираном мешают очень серьёзные международные факторы: позиция Израиля и США, для которых Иран представляет первостепенную экзистенциальную угрозу, игра Британии и арабских монархий, стремящихся не допустить роста иранского и шиитского влияния на Ближнем Востоке.

Иран в условиях санкций и вызванной ими тяжелой экономической ситуации, а также находясь под постоянной угрозой военной атаки со стороны США и Израиля, заинтересован в максимальном развитии военно-технического и иного сотрудничества с Россией. Однако Россия, например, не продаёт Ирану современные комплексы ПВО С-400, что очевидно связано с позицией США и Израиля.

Кроме военной поддержки Ирана, обязательно понадобится экономическая. Страна очень страдает от блокады и ей нужен стабильный выход на рынки дружественных стран. Здесь может помочь ЕАЭС, который с участием Ирана превратится в реальный мощный союз нефти и газа, получивший возможность диктовать политику ценообразования на энергоресурсы. Но и ёмкость внутреннего иранского рынка тоже может подстегнуть развитие ЕАЭС. Защита Ирана усилит позиции России в отношениях с Китаем, который сильно зависит от поставок

углеводородов, Китай также можно привлечь в качестве ещё одного гаранта безопасности Ирана, сформированного российским военным зонтиком.

Такая всесторонняя помощь потребует и от самого Ирана значительных изменений в политике и экономике. Придётся отказаться от экспорта исламской революции, вообще минимизировать влияние идеологии на внешнюю политику, например отказаться от вражды с Израилем. И Россия здесь тоже может помочь в примирении. Борьба за мир — дело очень непростое, но коль скоро Россия начинает осознавать свою глобальную миссию в этом, быть хранителем мира, то придётся спасти Иран, нести мир на Ближний Восток.

Сближение России и Ирана будет означать для США и для Запада в целом оформление евразийского блока с общими ценностями и взглядами на международную безопасность. Это означает, что у Запада остаётся всё меньше влияния на Россию и её руководство.

Ещё один фактор, который может помешать включению Ирана в новую конфигурацию сил в Евразии, — возможный торг вокруг него и Украины, правдоподобно предлагаемый России израильским и американским истеблишментом. На Украине сейчас у власти тандем Зеленского—Коломойского с серьёзными связями в Израиле, и это может быть использовано в качестве заманчивого предложения России. Отказаться от поддержки Ирана взамен на учёт российских интересов на Украине.

Но вряд ли это равноценный обмен. Сегодня надеяться вернуть Украину в теперешнем состоянии в свою сферу влияния — было бы крайне самонадеянно. Это токсичный актив, с которым будет ещё много проблем. А всерьёз испорченные отношения с Ираном могут перечеркнуть успех и победы в Сирии.

Интересная интрига закручивается в Южной Евразии. У демократической администрации Обамы не получилось запустить Транстихоокеанское партнерство, от такой геоэкономической формулы отказались. Сама идея собирания вокруг США союзников для сдерживания Китая осталась, но уже в форме Индо-Пацифики.

В Индии эту концепцию благосклонно воспринимают из-за опасения растущего влияния Китая. Российская реакция крити-

ческая, вместо неё предлагается концепция Азиатско-Тихоокеанского региона и Большой Евразии. В Индии, судя по всему, её понимания, а потому и отклика пока нет.

Видимо, лучше было бы не противопоставлять их, а в рамках понятной индийцам Индо-Пацифики разбавлять там присутствие англосаксов, например своим участием, участием стран АСЕАН и даже Ирана. У России могла бы быть уникальная роль модератора и балансира в Евразии, при этом очень важно не допустить столкновения Индии и Китая, выгодного США и их союзникам.

После Брекзита в регионе стоит ожидать и активизации британцев. Их стратегическая культура позволяет сочетать очень продуманное планирование с авантюризмом на грани безумия, который кажется странным и непонятным со стороны. Вспомним исторический пример, когда на рубеже XVIII—XIX веков Британией правил эксцентричный король Георг III, имевший серьёзные проблемы с психикой, известный своими оргиями и аморальным поведением, Лондон при нём утопал в пороке. Правил он долго, во время его правления в Америке произошла война за независимость, и будущее Британской империи было поставлено под вопрос.

Тем не менее именно при Георге III в Англии произошла промышленная революция, резкий скачок в технологиях и развитии науки. Что и заложило основу для нового подъёма Британии, укрепления и расширения её империи. То есть скрытая стратегия всё-таки была. Нечто подобное мы будем наблюдать и сейчас. Чудаковатый Борис Джонсон — это некий архетип британского политика для переходного времени. И, полагаю, в основе Брекзита был вполне рациональный расчёт. У него будут издержки, но, видимо, свобода манёвра Британии принесёт больше пользы и выгоды. Для того чтобы сохраниться, вы должны радикально измениться.

Британцы, скорее всего, больше внимания будут уделять не континентальной Европе, а восстановлению и усилению своих позиций в Британском содружестве. Особенно в Индии, которая становится очень важным игроком в Евразии. Также им будет важна новая стратегическая сделка с США Трампа, после этого обновлённый двухъядерный англосаксонский мир при-

мется за Евразию. Нужно будет вновь доказать немцам, русским и китайцам, что именно они являются хозяевами мира.

Чтобы с ними хоть как то побороться, России, безусловно, нужно собирать вокруг себя ядро с ёмкостью рынка в 200–250 млн человек, на котором можно создавать и развивать собственную промышленно-технологическую платформу, добиваться выгодных союзов и блокирования с ЕС и КНР. Если это не получится, придётся примыкать либо к европейской, либо к китайской платформе.

В любом случае сейчас будет происходить много интересных событий вокруг этих стран, определяющих будущее Евразии. Россия стала в последнее время довольно аккуратно продвигать свою новую внешнеполитическую стратегию. Первый её приоритет, безусловно, постсоветское пространство. Активизация переговоров о Союзном государстве с Беларусью, начало дискуссии о вступлении Узбекистана в ЕАЭС, постепенное сосредоточение власти в Молдове у Игоря Додона и его социалистов.

Всё это говорит о том, что союзы вокруг России могут прирастать новыми участниками. Если мы говорим об Узбекистане, то следом встанет вопрос о евразийской интеграции Таджикистана, который окажется зажатым между ЕАЭС и Китаем, и это может негативно отражаться на его экономике. Пример Узбекистана может подтолкнуть руководство Таджикистана примкнуть все же к ЕАЭС для того чтобы уравновесить растущее китайское влияние.

Союзное государство России и Беларуси — для всех других существующих и потенциальных союзников это маркер того, насколько сегодня Россия владеет инструментарием союзостроительства и интеграционными технологиями. Если договорятся самые близкие страны, значит, у всех остальных тоже есть перспектива.

Всё ещё шаткий перевес в Молдове также говорит в пользу России и её союзников — это в любом случае лучше для стабильности страны и всего региона в целом, чем наличие глубокого раскола и политического тупика.

Расширение ЕАЭС и усиление России в Средней Азии неизбежно поставит вопрос о более тесных отношениях с Ираном,

который уже проявляет интерес к евразийской интеграции. Сирия после восстановления также весьма вероятный участник союза. Есть ещё Турция, Азербайджан, Монголия.

В результате можно выйти на создание большого 300-миллионного рынка, сопоставимого по емкости уже с ЕС. Конечно, это не дело ближайшего времени, но вектор интеграции может быть именно таким. В этом гипотетическом образовании Россия окажется уже не единственным доминирующим полюсом и это будет совершенно новой для неё ситуацией, вызовом, который в том числе должен активизировать формирование новой русской идентичности.

Западный фронтир

Регион БУМ (Беларусь, Украина, Молдова) действительно взрывоопасен, здесь рискованно сходятся народы, языки, культуры, религии и цивилизации, здесь постоянно необходимо совершать судьбоносный выбор, и очень часто этот выбор чреват внутренним расколом и гражданским конфликтом, в чём, после распада Советского Союза, мы убедились на примере молдово-приднестровского конфликта и последних событий на Украине.

Беларусь в силу советско-инерционного характера своей политэкономической системы стала исключением из регионального правила, сохранив территориальную целостность и гражданское согласие. Но «зона турбулентности», образовавшаяся после украинского кризиса не может не затрагивать и нас — в связи с географическими, геополитическими, экономическими и иными причинами. Украинская ситуация катализировала поиск ответов на извечные вопросы цивилизационного пограничья — кто мы? С кем мы? Какое наше будущее?

В такой ситуации мы оказываемся не просто пограничем, где соседствуют, взаимодействуют, взаимовлияют разнообразные элементы этнокультурного, языкового и конфессионального ландшафта, но геополитическим *фронтиром*, за который ведётся всё более интенсивное противоборство. Термин фронтир (англ. *frontier* — граница, рубеж, пограничье) получил широкое распространение после известной работы Ф. Дж. Тёрнера

«Фронтир в американской истории», посвящённой процессу освоения Дикого Запада. Евразийские аналогии фронта в Диком поле и практиках российского продвижения в Сибири и Средней Азии.

Белорусский философ Илья Левяш так определял это понятие: *«В отличие от традиционной границы и во многом — в противоположность ей, смыслотермин “фронтир” означает преодоление границы, переходное состояние. В современной трактовке фронтир — это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик в таких формах, как конфликт, симбиоз, предсинтез, синтез (интеграция)».*

Сегодня мы наблюдаем обострение конфликтного состояния фронта, вызванного, в значительной степени тем, что конфликт разгорелся внутри и вокруг очень значимого, крупного субъекта — Украины, положение которой существенно влияет на соседние геополитические субъекты и возрождает давние конфигурации Балто-Черноморской конфликтной системы в терминологии Вадима Цымбурского.

В Молдове наметились признаки относительной политической стабилизации в связи с экспериментом внешних сил — договорённостями между Россией, ЕС и США не поддерживать олигархический режим и не настаивать на окончательном выборе в пользу одного из блоков.

Беларусь оказывается на перекрестии информационных войн, на западном периметре её границ идут активные военные приготовления со стороны стран НАТО, а сама она пытается играть роль многовекторного балансира и отстранённого миротворца, что само по себе указывает на усиление признаков «фронтирности» внутри Белорусского государства и общества.

Фронтир как пограничье подразумевает наличие неких фиксируемых состояний, полюсов, между которыми он существует. В нашем случае это — очевидно, Европа — Евроатлантика и Россия—Евразия. В геополитической проекции Вадима Цымбурского Россия как особая цивилизация окружена Великим Лимитрофом, поясом народов и стран, находящихся между цивилизациями.

Евразийская сердцевина и фронтиры начали формироваться очень давно. Это видно на примере технологий, в частности особенностей металлургического производства. Археологи выделяют в бронзовом веке весьма обширную и достаточно монолитную и территориально протяжённую Евразийскую металлургическую провинцию с центром в степных регионах. Примечательно, что уже тогда на западных её границах можно видеть наслоения с Европейской провинцией, то есть Балто-Черноморье уже в древности становится ареной этих двух влияний.

Развивая и уточняя концепцию Великого Лимитрофа Станислав Хатунцев рассматривает цивилизацию как систему концентрических кругов, состоящую из 1) ядра или платформы; 2) лимба — пояса территорий, находящихся за лимитрофными землями, в отличие от них, лимб имеет лишь некоторые, второстепенные, признаки «контактности», «пограничности»; 3) лимитрофа — территорий, примыкающих к лимесу, их можно назвать межцивилизационными пространствами; 4) лимеса — полосы земель, представляющей собой культурно-географическую границу, отделяющую одну цивилизацию от другой.

Структура российско-евразийской цивилизации, согласно С. Хатунцеву, на западном направлении выглядит следующим образом: к платформе относится большая часть Российской Федерации, лимб — это восточные и центральные области Беларуси и Украины, лимитрофные земли — западные регионы Беларуси и Украины, Крым, Молдова и Прибалтика.

Это достаточно сложная структура, которая не учитывает очевидной специфики и отличия между включаемыми в тот или иной элемент структуры территориями, например совершенно непохожие между собой западную Украину и Беларусь или Крым и Прибалтику. Понятие фронта и разработка его структуры могла бы быть более полезной в теоретическом и практическом плане.

Фронтир Европы и Евразии — имеет подвижную, динамичную природу. Ещё в 1989 году его западные границы с точки зрения евразийского наблюдателя простирались от Бреста до Берлина, включая в свой состав участников Организации Варшавского договора и Югославию. Сегодня фронтир с европейской точки зрения включает уже независимые Беларусь, Украину,

Молдову, а возможно также и европеизированные мегаполисы России: Москву и Санкт-Петербург.

На наш взгляд сегодня западный фронтир Евразии включает Беларусь, Украину, ЛДНР, Приднестровье, Молдову, Крым, Калининградскую область, Польшу, Прибалтику и Румынию. Именно здесь сегодня проявляется основное напряжение между блоками и их конфликтный потенциал.

Структура западного фронта имеет следующую иерархию:

Калининградская область и Крым — регионы-«авианосцы» российско-евразийской платформы, позволяющие контролировать в геополитическом смысле акватории Балтийского и Чёрного морей соответственно;

Республика Беларусь — основной военно-политический союзник России в регионе, образующий белорусский «балкон», не позволяющий замкнуться Балто-Черноморскому Междуморью в непроницаемый антироссийский барьер;

Польша, Прибалтика и Румыния — активные лоббисты и протагонисты евроатлантической экспансии на Восток, внутри этих стран происходит интенсивная милитаризация;

Украина и Молдова — «расколотые» страны, политически нестабильные, находящиеся в состоянии действующего или затухшего гражданского конфликта;

ЛДНР и Приднестровье — непризнанные республики, демонстрирующие, как фронтир может превращаться в реальную линию фронта.

Такова актуальная архитектура западного фронта, но как можно представить желательную динамику его развития? Возможно ли формирование особой «фронтирной» цивилизации, сломившей логику борьбы за неё внешних сил, как это предполагает украинский философ Сергей Дацюк?

Исторические примеры и судьба «фронтирных» образований прошлого с претензией на собственную цивилизационную идентичность в Балто-Черноморской конфликтной системе (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, межвоенная Польша) говорят нам о том, что их существование неизбежно заканчивается гибелью и разделом между более мощными центрами силы. «Фронтирная» цивилизация в форме одного из вариантов Балто-Черноморского Междуморья, отдельного от ро-

мано-германской Европы и российской Евразии нежизнеспособна и не имеет позитивных перспектив будущего.

Это значит, что судьба фронта, скорее всего, будет решаться по-другому. Есть несколько вариантов, например дипломатический и военный. Первый был реализован во время разделов Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией, второй — после победы в 1945 году и установлением Ялтинской системы. В обоих случаях имели место долгосрочные договорённости о границах, их чёткое разделение и взаимное признание.

Реализация этих вариантов сегодня представляется проблематичной — военный чреват началом Большой войны, в чём, хочется надеяться, не заинтересован никто, а дипломатический упирается в неразрешённый украинский кризис и неопределённость будущего этой страны — для реальной договорённости между блоками она должна, как это видится сегодня, стать нейтральной и не примыкать ни к одному из блоков, сохранив связь как с Европой, так и с Россией.

Балансирование и ситуационный нейтралитет Минска при всей понятной и аргументированной логике этой позиции вряд ли будет по достоинству оценён, а благородный призыв к миру не услышан. Скорее всего, это станет ещё одним фактором в усиливающемся противоборстве — соблазн оторвать Беларусь или её части от цивилизационной платформы или вызвать резкую реакцию Москвы на эту позицию Минска ради ещё большего давления и изоляции России для США, Британии, Польши и Литвы будет очень большим.

Также стоит напомнить, что стабильное и благополучное существование Беларуси последние 25 лет было обусловлено чёткой геэкономической и военно-политической ориентацией республики, точно также как Польша получила все возможные бонусы от евроатлантического выбора.

Многовекторность, видимо, будет усиливать фронтирность. Каждый из векторов, то есть полюсов, усиливает притяжение к себе. В идеале они должны уравнивать друг друга, но равновесие возможно скорее в эпоху стабильности, а не конкурентности полюсов, поэтому усиление притяжения будет вызывать ещё больше взаимного отталкивания.

Попытка создать собственный полюс на фронтире требует очень больших затрат и времени, перекодирования всей культуры. Как правило, собственного потенциала для этого не хватает, да и культура очень консервативна по своей природе.

Поэтому чаще всего выбирают путь эклектики — попытки склеить в нечто одно элементы разных культур и цивилизаций. Для того чтобы все это проходило успешно, также нужна относительно спокойная ситуация взаимодействия, а не конфронтации. Нужна и единая, признанная внутри и извне методология склейки, которая становится невозможной, когда полюса конфронтируют.

Поэтому процесс поляризации и взаимного отчуждения, скорее всего, не остановить. Точнее, его можно остановить вполне определенным примыканием к полюсу, привычному для большинства населения. В данном случае именно опора на народ гарантирует поддержку такого решения и подавления несогласных в случае сопротивления радикального меньшинства.

Тесное примыкание к полюсу, конечно, должно происходить на заранее понятных и приемлемых условиях, поэтому сам полюс также должен определяться, готов ли он предоставить и выполнить эти условия.

Очевидно, мы ещё не достигли той точки конфликта, после прохождения которой, возможно говорить о симбиозе или синтезе (интеграции интеграций?). Вероятно, движение в эту сторону всё же потребует более чёткого самоопределения и самоограничения всех субъектов, вовлечённых в рискованную игру на западном фронтире.

Северная Евразия

Континент Евразия делится поровну примерно на две равные части: северную и южную. Граница между обусловлена природно-климатическими, хозяйственными и культурными факторами. В географическом смысле она начинается со Средиземного и Чёрного морей, проходит по горам Кавказа, южному Каспию, старым имперским и советским рубежам в Средней

Азии, горам Памира и Тянь-Шаня, границам России и Монголии с Китаем.

В культурно-цивилизационном плане общность Северной Евразии и её отличие от Южной определяется апофатически: это не китайская и не индийская цивилизация, не Иран и не арабский мир. Видимо, пока и не Западная Европа, тесно связанная евроатлантическими узами.

Северная Евразия всегда опознавалась как нечто от них отдельное, холодно-обширное, расположенное на Севере. Для древних греков это пространство от Карпат до Тихого океана было Скифией, для римлян Сарматией, для персов граничащая с ними часть — Тураном, для нас оно стало Русью и исторической Россией. Русский фактор до сих пор спаивает воедино этот особый мир, как когда-то скифо-сарматы, гунны и тюрко-монголы.

Для этого мира действительно характерна северность — довольно суровые климатические условия и экстремальная континентальность: Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Армения, Таджикистан не имеют выхода ни к каким морям. Береговая линия России в основном расположена на севере, в Арктике и в северной части Тихого океана, выход к тёплым морям значительно ограничен.

Также ему характерна этнокультурная евразийскость — сочетание европейского и азиатского, западных и восточных религий, пёстрый этнический сплав славянских, тюркских, монгольских, финно-угорских, иранских, кавказских, палеосибирских народов на общем древнем скифском субстрате с русским суперстратом.

Северная Евразия отделена от Европы и Южной Евразии поясом переходных зон-фронтиров: западный фронт — это Балто-Черноморское Междуморье, южный фронт — это Закавказье и пограничье Средней Азии с Афганистаном, дальневосточный фронт — это Монголия, российское Забайкалье, Приамурье и Приморье. Северный фронт — это Арктика, пространство, где Россия напрямую соприкасается с основным геополитическим конкурентом — США.

Фронтиры — подвижные пограничные зоны между крупными цивилизационными массивами, чаще всего конфликтные, но

нередко умиротворённые или пребывающие в «спящем» режиме до того момента, когда перестанут действовать договорённости, определяющие их судьбу.

Субститут Северной Евразии — русско-евразийская цивилизация, лидером в формировании которой оказалась Москва, отстоявшая свою идентичность и организовавшая успешную экспансию в северо-восточном и восточном направлении, что и стало основой её устойчивости.

Именно на севере и северо-востоке с их ресурсами и территориями находятся основы геополитического могущества России и ключи к будущему лидерству в Евразии. Во-первых, это энергетические и водные ресурсы Сибири. Происходящее изменение климата делает их ещё более ценными и востребованными, а их предоставление соседям будет значимым фактором влияния и взаимозависимости, необходимым для выстраивания мирных отношений.

Во-вторых, это Арктика, значение которой для развития России и Евразии будет только возрастать. Глобальное потепление позволяет развивать там судоходство и начинать добычу новых ресурсов. Арктический вектор стимулирует развитие собственных гражданских и военных технологий. Подряд на добычу ресурсов, развитие инфраструктуры и обеспечение экологической безопасности может быть тем магнитом, необходимым для привлечения и «привязывания» как ближайших союзников, так и далёких партнёров.

В-третьих, это Дальний Восток и выход в Азиатско-Тихоокеанский регион, куда с Запада всё более очевидно смещается центр глобального развития.

В географическом смысле глобальный Север — это северная часть евразийского и американского континентов, а с геополитической точки зрения Север — это прежде всего Северная Евразия, континентальное пространство от Дублина до Владивостока, в настоящее время разделённое между двумя крупными политическими образованиями: Европейским Союзом и Российской Федерацией, имеющее пространственную непрерывность, структурную и технологическую совместимость, необходимую для возможного создания автаркической экономики. Рассматривая соотношение Севера и Евразии, следует раз-

личать географический, геополитический контекст и контекст идеологический.

Евразийство как направление мысли основывается на предположении о том, что Россия представляет собой особую — евразийскую цивилизацию, отличную как от Европы, так и от Азии, и что определяющую роль в формировании этой цивилизации имело тюркско-монгольское влияние.

Идея геополитического единства Севера (Россия, Европа, США) была некоторое время популярна, особенно в первые годы после развала Советского Союза, когда были живы иллюзии о том, что Россию примут в «клуб господ». Не приняли. Сегодня эта идея в основном циркулирует в правых кругах, поскольку подспудно она подразумевает солидарность «белых» народов, стран «европейской цивилизации» перед лицом угрозы с Юга.

Между тем один из наиболее известных американских правых интеллектуалов Фрэнсис Паркер Йоки отмечал, что *«благодаря своему географическому положению на границе с Западом, Россия и должна, и будет всегда оставаться его врагом, до тех пор, пока её население организовано как политическая единица»*.

Россию могут принять в содружество «белых людей», в НАТО и ЕС только после расчленения или установления компрадорского режима, то есть её фактического уничтожения. Поэтому никакого равноправного единства Севера не будет, тем более, когда сегодня обостряются претензии на передел сфер влияния в Арктике.

«Шутка» Трампа о покупке Гренландии — это чёткий сигнал о том, где будет развёртываться геополитическая конкуренция будущего.

Глобального Севера не получилось, у России естественным образом стала проявляться евразийская ориентация — союзы, пусть пока и не всегда устойчивые с Китаем, Ираном, Турцией. Но при этом, безусловно, Россия была и остаётся северной страной, поэтому в последнее время Россию и её союзников стали определять как Северную Евразию. Даже энтузиаст евроатлантической ориентации России Дмитрий Тренин сегодня вынужден признать: *«Геополитический “адрес” России — “Северная Евразия”»*.

Этнолог Андрей Головнёв отмечает, что *«Северная Евразия в системе социальных и культурных связей создана подвижными магистральными культурами, причем Европу в основном ваяли кочевники морей, а Азию — кочевники степей. В судьбе Руси-России пути тех и других пересеклись и переплелись... двоякая магистральность русской культуры, вобравшей в себя традиции нордизма и ордизма, а также славянскую локальную адаптивность, стала двигателем эпохальной экспансии, приведшей к образованию России и до сих пор сохраняющей её на просторах Северной Евразии».*

Французский мыслитель Ален де Бенуа, выступающий за геополитическое блокирование Европы и России тем не менее определяет Россию как евразийскую страну: *«Русская идентичность является наложением киевской культуры, появившейся в результате контакта варягов со степными народами и пропитанной византийским христианством, и культуры московской, в значительной мере (особенно в сфере политической культуры) унаследованной от татаро-монголов... Россия является не европейской, а евразийской державой».*

К Северной Евразии можно было бы отнести и ЕС, но у европейцев есть собственные мессианские претензии и идентичность, пока не приспособленные на переформатирование в евразийские, всё ещё сильна и евроатлантическая составляющая. Но некоторые основания для оптимизма есть — привязывание немцев посредством Северных потоков, приход к власти в некоторых странах европейского ядра политиков новой формации, например Маттео Сальвини.

Наибольшее сопротивление будет оказывать евробюрократия, особенно германского происхождения с проамериканской позицией. У России как Северной Евразии сегодня хорошая траектория и геостратегическая позиция, важно с неё не свернуть и последовательно доводить всё начатое до конца.

Евразийство — это не догматическая идеология, не политическое движение или партия, в которую обязательно нужно вступить.

Евразийство — это умонастроение и наднациональная идентичность. Настроенность ума на всестороннее осмысление, понимание и связывание, интеграцию пространства в Евразии, пре-

жде всего Северной, но не только. Методы для этого могут быть разные, из разных идеологий и экономических школ. И наднациональная идентичность — продолжение «дружбы народов» и «взаимного братания», которое было характерно для этого пространства при самых успешных формах его организации.

Именно поэтому я не рассматриваю евразийство в качестве национализма, именно поэтому и марксистская критика бьёт мимо цели, потому как социализм, коммунизм не является ему альтернативой, точно также как не являются альтернативой европеизму, это явления разного порядка. Европейец может быть социалистом, коммунистом или консерватором, точно также и евразиец.

Евразийство не нужно превращать в обязательную идеологию или партийный флаг, кстати, все попытки этого были провальными. Оно должно существовать как метаметодология, школа мысли, ориентир для самоопределения, т.е. в достаточно свободной от догматики форме. Только в этом случае оно будет жить и развиваться. Да, и горизонт развития им не исчерпывается, у нас же есть Единая судьба человечества и задачу освоения Космоса для него тоже никто не отменял.

Следующий вопрос, возникающий в связи с евразийством: а зачем? Зачем вообще нужна связанность и интеграция в Евразии, особенно, Северной? Дело в том, что в мире совсем немного платформ развития — технологически, экономически и политически суверенных субъектов. Сегодня их, пожалуй, всего два с половиной — это коллективный Запад, Китай и Россия с союзниками.

Так вот чтобы из половины субъекта России и её союзникам стать полноценным, нам необходима интеграция — объединение компетенций, научного и военного потенциала, технологий, рынков и демографической массы. Только в этом случае у нас есть шанс на самостоятельность, у каждого по отдельности, даже у России — нет, если не интегрируемся в достаточной степени, придётся поодиночке примыкать к одному из оставшихся полюсов на заведомо худших условиях.

Евразийство должно всесторонне объяснять и находить возможности, необходимость и способы объединения таких разных стран как Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргыз-

стан, в будущем — Узбекистан, Молдова, Азербайджан, Монголия, Иран, Сирия, Турция, Украина и других.

Скорее всего, XXI век будет азиатским, а именно китайским, и нам в любом случае придётся разворачиваться в этом направлении, Запад очевидно теряет свою гегемонию, хотя ещё долгое время будет оставаться довольно могущественным. Чтобы не потерять себя в грядущем мире, нам нужна собственная позиция — Запад нас не принял и не примет, Китай тоже никогда не станет полностью своим, так вот собственная метапозиция по отношению к ним — это позиция евразийская.

В мире усилившегося Китая, для хороших с ним отношений, от привычного евроцентризма нужно будет переходить к его глубокому пониманию, восприятию, «пропустить через себя». Это потребует серьёзной перестройки культуры и самосознания, открытия и усиления собственной восточной и северной составляющей. Евразийство — ключ к этому и возможная методология.

Евразийство нового века

В наступившем и следующем году мы будем отмечать столетие евразийства. Точкой отсчёта его истории можно считать публикацию в 1920 году в Софии политического эссе Николая Трубецкого «Европа и человечество», последовавшую реакцию на него в статье Петра Савицкого «Европа и Евразия» и публикацию сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», объединившего этих двух авторов, а также Петра Сувчинского и Георгия Флоровского в 1921 году.

Столетие идеи — хороший повод, чтобы подвести некоторые итоги, порефлексировать о её успешности, если таковую можно диагностировать, а также поразмышлять о перспективах. Об успешности евразийства можно судить в сравнении с панъевропейской идеей, с которой у него наблюдается удивительный синхронизм. Действительно, появление программных документов евразийства и европеизма было почти одновременным. Основание Панъевропейского союза и издание манифеста

Рихарда Куденхове-Калерги «Пан-Европа» относится к 1922–1923 годам.

Примечательно, что европейскую идею формулирует аристократ смешанного австрийско-японского, т.е. «евразийского» происхождения, а первые евразийцы происходили из русско-литовских и польских дворянских родов. Жизненные пути панъевропейцев и евразийцев были резко контрастными. Запреты и преследования нацистами для первых не стали фатальными, в отличие от Николая Трубецкого. Панъевропейцы спокойно пережили войну, приобрели влиятельных сторонников в лице Габсбургов, стали членами Европарламента, а многие евразийцы попали в Советском Союзе в заключение и не пережили его. Хотя Петра Савицкого это не сломало, он не озлобился, ни в чём не обвинял советскую власть и передал эстафету евразийской идеи также сидевшему Гумилёву.

Создание реальной Пан-Европы — Европейского союза начинается только после краха Третьего рейха. Именно в 1945 году Александром Кожевным (Кожевниковым) был написан визионерский трактат «Латинская империя. набросок французской внешней политики», в котором продолжают и конкретизируются панъевропейские идеи с поправкой на новую послевоенную реальность. Кожев — это фигура, по-своему объединяющая евразийство и европеизм. В 1929 году он напечатал небольшую заметку в парижской газете «Евразия» с названием «Философия и В.К.П.», где, по сути, приходит к выводу о диалектическом тождестве русского коммунизма и евразийства, возникших на руинах старого мира и отживших форм культуры. Кожев был не только проницательным аналитиком, но в 1940–1960-е гг. ещё и влиятельным «серым кардиналом» в министерстве внешнеэкономических отношений Франции, определяя политику этой страны при создании общеевропейского рынка и торговой-экономической архитектуры будущего Европейского союза.

ЕС начинался в 1951 году с создания странами западноевропейского ядра Европейского объединения угля и стали, к которому в 1957 году добавляется Европейское экономическое сообщество. В 1967 году из них, а также Европейского сообщества по атомной энергии образуется Европейское сообщество, которое после распада СССР в 1992 году преобразуется из сугубо

экономического уже и в политическое объединение — Европейский Союз.

Евразийство вышло на перспективу практического воплощения только после распада Советского Союза, отношения с которым у большинства евразийцев (Петра Савицкого, Льва Карсавина, Льва Гумилёва), несмотря на признание СССР современной им формой «евразийской» государственности были сложными и противоречивыми, а сами идеи в условиях господства догматического марксизма не могли иметь никакого официального признания.

Ключевую роль в популяризации идей евразийства в пере- и постперестроечное время сыграли публицистические работы Льва Гумилёва и Александра Дугина, подготовившие почву для восприятия и трансляции этих идей интеллектуальными и политическими элитами в послесоветскую эпоху. В 1994 году президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым на самом высоком политическом уровне была впервые озвучена идея создания Евразийского союза, реализация которой растянулась почти на 20 лет, пройдя через фазы Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза, Единого экономического пространства и завершившись созданием в 2014 году Евразийского экономического союза.

Таким образом, евразийство, на наш взгляд, стало в рамках русской и других близких культур мощной интеллектуальной традицией, преемственной школой мысли, безусловно, не единственной, но весьма заметной и влиятельной. Оно не стало идеей-правительницей идеократического государства, как об этом мечтали его отцы-основатели, но и не оказалось совершенно бесплодным или abortивным, как многие другие идеологические проекты. В современной России евразийство является если не мейнстримом, то популярным, признанным, разнообразным умонастроением и мировосприятием, созвучным поиску и определению новой Россией своей особой судьбы и места в глобальном мире. В наше время, видимо, только так, а не в качестве единственного обязательного для всех учения, и возможно представить существование и развитие настоящей живой идеи.

Евразийство — неотъемлемый элемент современной русской идентичности и геополитической практики. И в этом —

главный итог первого евразийского столетия. За это время евразийцы проанализировали и обосновали с точки зрения географии, геополитики, экономики, политэкономии, правоведения, истории, культурологии, этнологии, лингвистики существование аутентичной цивилизационной платформы России—Евразии, выявили её границы как Евразии в узком смысле и существенные отличия от Европы. Евразийство долгое время находилось в интеллектуальном резерве и стало связующим звеном между советской и постсоветской эпохой, позволяющим если не избежать глубоких исторических и геоэкономических разрывов, то хотя бы смягчить их последствия и переосмыслить общность нашего большого пространства в новых формах.

В сравнении с панъевропейской идеей, евразийству было сложнее и легче одновременно: сложнее, потому что свободно распространяться оно могло только с конца 1980-х, легче, потому что ему не понадобилось собирать разрозненные национальные государства в новую общность с нуля, до сих пор остаётся значительный советский фундамент, и опять сложнее, потому что новообразованные государства ещё не перегорели приматом национального суверенитета перед общим интересом. В любом случае, евразийская программа-минимум выполнена — ЕАЭС образован, и при всех известных проблемах и недостатках, довольно успешно функционирует.

Какими же должны быть цели и задачи евразийства для своего второго века? Евразийство, безусловно, будет иметь прикладное значение для решения важных внутренних задач. В России — для интеграции разнородных этнокультурных и религиозных элементов в единую нацию, натурализации трудовых и иных мигрантов, происходящих преимущественно из Центральной Азии и Закавказья, т.е. в конечном итоге для стабилизации демографической ситуации, потому как без привлечения этого ресурса, сохранение демографического потенциала страны будет проблематичным. Евразийство — естественная концептуальная структура, в рамках которой можно избежать крайностей этнического национализма и провального мультикультурализма, создающего гетто и замкнутые диаспоры.

В Казахстане евразийство — единственная реальная альтернатива националистическому пантюркизму, исламскому фунда-

ментализму и иллюзорному западничеству, позволяющая сохранять межнациональное согласие и собственную идентичность.

В Беларуси адаптированное и приближённое к местным условиям евразийство — необходимый противовес конкурирующему европеизму, имеющему тенденцию к усилению, особенно среди молодёжи, чреватому сменой геополитической ориентации, потерей основных рынков и слому государства.

В Армении и Кыргызстане участие в евразийской интеграции — практически единственная возможность экономического роста, преодоления узконационального горизонта и изоляции, не оставляющая шанса на развитие.

Далее следует институциональное развитие в рамках существующих структур ЕАЭС, Евразийской экономической комиссии, ОДКБ. Это технократическая задача: углубление экономической интеграции, промышленной кооперации, внедрение единых подходов, технических и социальных стандартов. Принятие новых участников: Узбекистана, Таджикистана, Молдовы, Азербайджана, Монголии, создание зон свободной торговли с третьими странами. Выход на валютный союз и коллективную евразийскую валюту.

Формирование наднациональной евразийской бюрократии, из чего следует уже гуманитарная задача — возвращение и культивирование общей евразийской идентичности, дополняющей и расширяющей национальную. Эта задача достижима только средствами «мягкой силы», общественной дипломатии и культурной политики при поддержке проевразийских элит и наднациональной бюрократии. Сейчас она не осознаётся в должной степени как актуальная, но по мере смены поколений в каждой из стран ЕАЭС она будет всё более очевидной. Необходимо нечто связующее между странами и народами помимо экономики.

Будущий Евразийский союз должен приобретать черты политического и военного объединения, а национальным элитам необходимо вырасти до понимания делегирования и объединения суверенитета. Иначе они не сохранят свою власть и государственность, не обеспечат безопасность собственную и граждан своих стран.

В качестве общей теоретической и практической задачи — преодоление тех границ и рамок, которые были заданы в перво-

начальном евразийстве, то есть переход от объединения Евразии *in sensu stricto*, России—Евразии, ограниченной пространством бывшего СССР и Российской империи к Евразии *in sensu lato*, Большой Евразии, объединяющей не только Северную Евразию, но и сопрягающей разные евразийские миры: восточнославянский, тюркский, иранский, арабский, китайский, индийский, европейский и другие.

Должен быть сформулирован комплементарный ответ на китайский проект «Пояса и пути», европейскую интеграцию, региональные притязания Турции, Ирана. Месторазвитие должно расширяться и объять весь евразийский континент. Не всё получится сразу, нужно видеть далёкую цель и двигаться к ней постепенно. В конце концов, «наш великий и суровый отец Чингисхан» и его соратники имели замысел, не ограниченный только внутренней Евразией, он включал всю евразийскую ойкумену: Русь, Китай, Персию, Турцию, Западную Европу.

Российско-китайское стратегическое сотрудничество, спасение Сирии, сближение с Турцией, необходимость деэскалации ситуации вокруг Ирана задают контуры новой евразийской задачи. Россия—Евразия уже не может быть автаркичной мир-экономикой по типу СССР, но может быть ключевым элементом, сердцевинной «интеграции интеграций» в Большой Евразии, которую ещё нужно представить в теории и на практике.

В качестве примера можно упомянуть дальнейшую судьбу Сирии. Для России она стала не только местом успешного использования новой армии и подходов к ведению войны, но и уникальной точкой входа в самый сложный регион Ближнего Востока. И этот вход по мере стабилизации Сирии и усиления влияния России в регионе будет расширяться, что потребует уже идеологического, культурного осмысления, как в своё время это было с «греческим» проектом Екатерины II или послевоенным панславизмом Сталина. В идеале ЕАЭС нужно расширять, включая Сирию.

Союз с Европой желанен, но вряд ли возможен скоро. Европейский союз должен пройти свои этапы глубокого реформирования и преобразования, которые совместимы с тем, что происходит в Евразии. Пока Европа к этому не готова и идейно немощна для поворота на Восток. Но по мере ослабления евро-

атлантической связи, развития России и Китая она будет притягиваться в эту сторону, хотя и будет пытаться притянуть к себе на прежних условиях. Этого допускать нельзя. Время исключительного доминирования Запада и Европы прошло, мир будет объединяться по другим принципам.

Евразийство как концепция, объяснившая союз леса и степи, симбиоз восточных славян и тюрко-монгольских народов, должно сделать шаг вперёд и найти общую платформу если не для союза, то для сближения с Турцией, Ираном, Китаем, Индией, в перспективе — с обновленным ЕС. Проще всего это делать через общие экономические, технологические, логистические проекты, систему безопасности и стандартов. Но за этим неизбежно последует сближение людей, идей и культур. Евразийство должно стать методологией и метаязыком в этом процессе.

Тот, кто первым создаст работающий «интеграл» для него, сможет обеспечить себе и своей культуре место в будущем. Это как римляне передавали своё право и идею империи германцам и кельтам, прорастали в сознании и душах, культурах и государствах, также делали персы и китайцы, сохраняя себя и перемазывая чужеземцев.

Для русской культуры и идентичности это безусловный вызов, обусловленный опасением быть лишёнными доминирующего положения или даже подавленными иными культурами с более древней традицией и многочисленными носителями. В России и у её евразийских союзников сейчас преобладает консервативное мировосприятие, стремление самосохраниться в текущем состоянии, сосредоточиться и не расплыться. Очевидно, таков дух времени. Но для того чтобы сохраниться, нужно радикально измениться, тем более что это неизбежно. Неизбежный вызов нужно принять, осознать, превратить в возможность и не упустить её.

Сейчас время собирать камни, но придёт время и разбрасывать. У России, русской культуры и идентичности есть потенциал роста и после консервативной паузы, которая не может длиться долго, должна наступить фаза рывка, прорыва, имеющего технологическое, экономическое, геополитическое и культурное измерение. Пространственное направление этого рывка, скорее всего, будет связано с Евразией, её Севером, Востоком и Югом. Для этого и понадобится евразийство нового века.

Север — это не только географическое понятие, это семантический комплекс, включающий в себя различные лингвистические и мифологические смыслы, особую метафизику, имеющий геополитическое и политическое измерение. Север — важное поле смыслов для русской культуры и цивилизации.

Балтославянские названия севера происходят от и.-е. **(s)k eh₁w(e)r-*, обозначающего резкий, холодный ветер и место, откуда этот ветер происходит. В мифологии и сакральной географии Север имеет амбивалентный характер. С одной стороны, это место, отождествляемое со священным центром мира, верхом: индийская гора Меру, иранская Хара Березайти, благословенная, счастливая страна Гиперборея у греков, в индийской традиции Север также соотносится с наивысшим жреческим сословием.

Север на санскрите — *uttara* «самая возвышенная область», а *uttarayana* «движение к северу» — это восходящий путь Солнца к северу небесной сферы, начинающийся в точке зимнего солнцестояния и завершающийся летним солнцестоянием. Для скифской модели мира реконструируется следующий ряд соответствий: *верх — гора — северные области — страна блаженных*.

С другой стороны, семантика индоевропейских названий Севера часто связана с низом (англ. *north*, нем. *Nord* < и.-е. **ner-* «низ»), подземным миром, ночью (бел. *поўнач*, польск. *rólnoc*), чем-то потусторонним, демоническим и неблагоприятным. Этимологически эти названия имеют общее происхождение с обозначениями левой стороны (ср. умбр. *nertru* «левый»), которая, в свою очередь, также имеет амбивалентный характер и связывается не только с опасными, неблагоприятными явлениями, но, как у римских авгугов, и с добрыми предзнаменованиями, называемыми «левыми» (лат. *sinister, laevus*), ср. прусские верования о том, что весенняя гроза с севера является знаком хорошего урожая.

Ещё более интересно соответствие *северного, левого и криво-го*. Праслав. **krivъ* «непростой, левый», сербохорв. *кривъ, крива*,

krívo «левый», латышск. *krèiss* «левый», лит. *kairýs* «левая рука» происходят из и.-е. *(s)ker- «гнуть, кривить». Словами, образованными от этого же корня на Балканах обозначают *siver* — холодный северный и северо-восточный ветер: рум. *crívăţ (críveţe)*, болг., словенск, хорв. *krivec*, серб. *krivac*; ст.-рум. *criveţean* «северный».

В индоевропейских языках также широко известен семантический переход «кривой» > «сакральный, ритуализированный», ср. ст.-прус. *kriwe*, лит. *krivis*, лат. арх. *krivs* «языческий жрец», *krivúlē* «кривуля, магический жезл, кривой посох деревенского старосты», бел. *крывая* «волшебная», *крывыя вечары* «чародейные вечера», что подтверждает почти универсальный характер сакральной или магической роли нестандартного члена противопоставления: *кривого, левого*, что связано с системой оппозиций древней модели мира.

Таким образом, можно говорить о существовании следующего семантического ряда: *северный — левый — кривой — священный*. При чём каждый из элементов этого ряда амбивалентен, имеет как позитивную, так и негативную сторону, а их положительный потенциал проявляется, как правило, в нестандартных, нетривиальных ситуациях, например по мнению Владимира Топорова: «Идея кривизны (кстати, вовсе не всегда отрицательной, но нередко мистической и сакральной, предполагающей нахождение искомого выхода из трудного положения, спасения там и тогда, где и когда прямые пути уже исчерпаны и требуется некое “сверхрешение”». В связи с этим, кстати, В. Топоров полагал, что «кривичи могут пониматься как своего рода левиты, племя жрецов, священнослужителей». Любопытно, что название балтославянского племени кривичей и их страны в латышском языке: *krievi, Krievija* стало синонимичным для обозначения *русских и Руси*. Не с этим ли связано и появление образов *Святой Руси, Белой Руси* как глубоко укоренённых в мифологических представлениях?

Сакральные образы Севера и «северной прародины» представлены в мифологии многих индоевропейских народов: святая гора Меру и белый континент Швета-двипа индийцев, Хара Березайти и континент Хваниратха, на котором размещалась священная прародина иранцев Арьянам Ваэджа («арийский

простор»), Рифейские горы и Гиперборея древних греков, остров Туле римлян, «острова на Севера мира» — место происхождения Племян богини Дану и друидической традиции кельтов.

Только название «зимы» оказывается общим для праиндоевропейцев в их сезонно-климатической лексике, где названия прочих времен года либо отсутствуют, либо заметно расходятся, что, скорее всего, свидетельствует о северной локализации территории их последнего совместного проживания. «Северное» направление поиска индоевропейской прародины, если понимать под «Севером» территорию евразийских степей между Каспийским и Чёрным морями является одним из самых обоснованных и перспективных с научной точки зрения.

Север в силу природных причин — это и есть то место, где для выживания и роста почти всегда необходимо преодолеть трудности и препятствия, совершать сверхусилия и искать сверхрешения. Холод, снег, лёд стимулируют человека добывать и оберегать огонь как внешний, так и внутренний, согревая им свой Космос и саму жизнь. Мотив сочетания огня и льда (воды), в результате которого рождается великан-первопредок или прародитель Космоса, известен в скандинавских и белорусских космогонических преданиях.

Север — пограничье человеческого и сверхчеловеческого, «этого» и «иного» мира не может восприниматься только как географическое местоположение. Николай Терехихин специально подчеркивает, что Север «никогда не являлся чисто географической категорией, ориентирующей человека в физическом пространстве Земли. Север — это метафизическое явление, существующее в “ином” плане бытия, в ином измерении, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхождения через себя, достигаемом в мистическом озарении. [...] Стихия Севера открывается человеку лишь в состоянии особого синергийного настроения его души, в экстатическом устремлении, в мифопоэтическом творчестве. Поэтому не случайно, что Север — это край Поэтов и Шаманов, творцов и хранителей его заповедей, сокровенной тайны».

Север — это пространство вокруг Полюса, а сам Полюс в традиционном символизме воплощает Центр мира. В этой свя-

зи нельзя согласиться с трактовками Севера как противоположности Центру (Вадим Штепа), поскольку Север — «земля под Полярной звездой» — непосредственным образом к нему причастен. Север концентрирует и структурирует в себе и вокруг себя трансцендентные измерения, человеческие ресурсы и устремления.

Северный этос формировался в том физическом и метафизическом пространстве, которое требовало не просто качеств, способствующих выживанию, но и качеств необходимых для преобразования реальности, стремления к космическому равновесию и сверхцелям. Павел Флоренский очень точно отмечает связь между этими условиями существования и мироощущением: *«Мерзлотная бодрость даёт силу справиться с разрушающими силами хаоса. Мерзлота — это эллинство... Это — древне-эллинское понимание жизни, трагический оптимизм. Жизнь вовсе не сплошной праздник и развлечение, в жизни много уродливого, злого, печального и грязного. Но, зная всё это, надо иметь пред внутренним взором гармонию и стараться осуществить её».*

Северный этос органически связан с борьбой и преодолением, а следовательно тождественен добродетелям мужества, стойкости и дисциплины. Как отмечал Гельвеций *«северные племена, бывают... гораздо более мужественными и способными к войне, чем народы, выросшие в роскоши, в изнеженности и подчиненные самодержавной власти».* Гельвеций обращает внимание на контраст между европейскими северянами-германцами, сохранившими эти добродетели и римлянами, утратившими их вместе со своим владычеством.

Как отмечает Пётр Вандыч, *«в Европе долгое время не существовало разделения на Запад и Восток. В древности доминировал один контраст: между цивилизацией средиземноморского Юга и варварским Севером. В средневековье, несмотря на то что существовали две римских империи, восточная и западная, современники не рассуждали в категориях Востока и Запада».*

Дихотомия Север—Юг в Европе оставалась актуальной с эпохи Античности, во времена Средневековья, Ренессанса вплоть до XVIII в., когда, западноевропейские деятели Просве-

щения «изобрели» Восточную Европу, транслируя на неё реинтерпретированный образ варварства и отсталости, как противоположности западноевропейской цивилизованности и просвещённости.

Для древних греков Север был связан с понятием Скифии, которая делилась на ближайшую к ним Европейскую Скифию и далёкую — Азиатскую, затем римляне стали называть обширные северо-восточные пространства Сарматией. Именно с этого времени, видимо, появляется образ *Евразии*, соединяющей в себе черты Севера и Востока.

Начиная с эпохи Средневековья устанавливается определенный культурный стереотип восприятия Европейской Сарматии и расположенных там Литвы (западной части Великого княжества Литовского) и Белой Руси (восточной части ВКЛ, Новгородской земли и Московского княжества) как северного края, страны под Северной (Полярной) звездой. Этот стереотип имел источник в произведениях античных авторов, для которых Север был там, где находятся Рифейские горы, с которых берут начала крупнейшие восточноевропейские реки — Западная Двина, Днепр, Волга, Дон. Стереотип восприятия Скифии и Сарматии как северной и одновременно евразийской страны позднее был перенесен на историческую Россию.

Если представить сегодня Север как геополитическое единство, то это прежде всего Северная Евразия, Россия и её союзники. По мнению Егора Холмогорова, *«именно русская цивилизация продвинулась как нельзя дальше в деле освоения Севера для постоянной городской жизни, для размещения крупных поселений в условиях, которые представителям других цивилизаций кажутся нечеловеческими».*

Представляя Север в современных или будущих геополитических категориях, неизбежно встанет вопрос о конкретных политических формах его воплощения. Очевидно, что эти формы должны превосходить все существовавшие ранее и существующие теперь. Например, национальные государства. Уже сейчас очевидно, что они оказываются бессильными перед лицом современных вызовов, поскольку они слишком велики для преодоления повседневных трудностей, решения локальных про-

блем и в то же время слишком малы, чтобы в одиночку управлять процессами глобального масштаба.

Какими могут быть формы наднациональной, континентальной организации? Вадим Штепа убеждён, что «Север — это принципиально постимперская цивилизация». Это мнение представляется не слишком обоснованным. Ален де Бенуа предлагает более взвешенное отношение к имперской традиции: «Единство Империи не механическое, но сложносоставное, органическое, охватывающее совокупность государств. В самом способе воплощения своего принципа Империя достигает единства именно на такой основе. Если нация порождает или ставит себе задачу сформировать собственную культуру, то Империя охватывает разные культуры. Если нация ищет путь сближения между народом и государством, то Империя объединяет различные народы. Её закон — автономия и уважение к различиям. На высшем уровне Империя видит себя объединяющей — но без подавления — всё разнообразие культур, этносов и народов. Она созидает целое так, что оно оказывается крепче, чем автономные части». Даже Европейский союз небезосновательно определяют как современную форму империи.

Впрочем, проблема не в том, как будет называться возможный проект геополитического объединения Северной Евразии: империя, федерация, союз, содружество или как-то ещё, а в том, на каких принципах он будет основываться. И эти принципы в обновлённых формах можно из политической традиции: органическая, прямая демократия вечевго типа, территориальная автономия и децентрализация при одновременной интеграции социальных элит. С одной стороны, демократия соучастия, максимально распространяемая в коммунальном и региональном масштабе, принцип субсидиарности, предусматривающий решение задач на самом низком, малом или удалённом от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно, с другой — принцип сетевой организации элитарных структур неорденского типа, воплощающих центр, не обязательно связанный с какой-то определенной территорией, и осуществляющих управление макропроцессами (мировоззрение, военная сфера и безопасность, макроэкономика, научно-техническое развитие и т.д.).

Подобное политическое устройство, по мнению Гийома Фая, представляет собой возможную реализацию имперского принципа в будущем: «Империя — это децентрализованная Федерация с сильной центральной властью, но вмешательство которой ограничено главными областями согласно принципу разделения полномочий: это внешняя политика, защита границ, основные экономические и экологические правила и т.д. Имперский принцип — это не унификация: составные части Империи автономны и могут организовываться разными способами и вести собственную внутреннюю политику (правосудие, учреждения, налоговая автономия, образование, язык, культура и т.д.). Империя сохраняет общее единство и общий цивилизационный проект». Отталкиваясь от этого понимания, тут можно увидеть и возможность для преодоления противоречий между регионализмом, национализмом и имперским проектом в рамках концепции «трёхэтажной родины»: 1) региональная малая родина; 2) гражданство исторической страны; 3) общее гражданство, охватывающее близкие в историческом, культурном и этническом плане народы на всём континентальном пространстве Северной Евразии

Север — это пространство будущего, которое, как отмечает Юрий Крупнов, призвано организовывать цивилизационное строительство, а не просто расширять существующие связи и отношения, не просто «удлинять» Запад и Восток в их сегодняшней реальности, Север — это проект создания принципиально нового социоантропологического и этнокультурного мирового порядка, интеграции разорванных сегодня «старых цивилизаций», а не воспроизводство существующего формата монополярного мира.

Север, Северная Евразия — это общее пространство, где должны быть найдены выходы из теперешнего экономического, политического, идеологического, религиозного тупика и системного цивилизационного кризиса, охватившего человечество. Север — это осознанное движение к сверхцели и принятие ответственности за собственную судьбу и за весь мир, с этой судьбой связанный. Восхождение Севера означает очищение от отживших форм, преодоление инерции уходящей эпохи, исчезновение старых границ и проведение новых.

Скифия — Русь — Евразия

Страны и народы со сложным этнокультурным генезисом и длительной историей нередко имеют двух- и более «слоистую» идентичность и альтернативную номинацию. Например, Франция и Галлия, Британия и Англия, Германия и Пруссия, Иран и Персия, Турция и Османская Порта. Русь, Россия тоже относится к их числу. Как правило, альтернативная номинация связана с сошедшими с исторической арены этносами, растворившимися в рамках этногенеза большого народа или нации.

Александр Мыльников отмечает, что *«этноты, прекратившие самостоятельное бытие, полностью по большей части не исчезают, но входят в состав сменивших и поглотивших их новых этнических общностей — например, кельты в Великобритании и Франции, славяне в Северной Германии, аланы на Кавказе... Рудименты культурной традиции или по крайней мере исторические воспоминания о ней при возникновении благоприятных для этого обстоятельств способны оживать (либо оживляться)»*.

В восточнославянской, русской истории таких этносов было множество: анты, кривичи, радимичи, северяне, вятичи, чудь, меря, мурома, голядь и другие. Но не каждый из них оставил свой след в виде некой длящейся культурной традиции, с которой связывается «душа» народа, второе имя или отличительные черты национального характера.

С поэтической подачи Александра Блока для Руси, России таким народом, а точнее этническим сообществом, большим союзом племён, можно считать скифов. Географическая протяжённость скифо-сибирского мира от Карпатских гор до плато Ордос, недалеко от Тихого океана, совпадающая со степной и лесостепной зоной Северной Евразии, имеющая хронологические рамки между VIII–II вв. до н.э., является своеобразной скрепляющей «осью», вокруг которой в пределах исторической России в дальнейшем складывалась история восточнославянских, тюркских, финно-угорских, кавказских и других народов.

Политическое, языковое, культурное и религиозное влияние ираноязычных скифов, сарматов, алан на праславян было

особенно плодотворным. Наиболее убедительными гипотезами о происхождении славянских языков представляются те, которые признают решающее иранское влияние на выделение праславянских диалектов из балтославянской языковой общности (ср. мнение В. Пизани: *«славянский — это иранизированный балтийский»*). Василий Абаев связывал возникновение фонемы *h/y* (фрикативный *g*) в славянских языках со скифским влиянием в бассейнах «скифских» рек: Днепра, Дона, Днестра, имеющих названия иранского происхождения.

Этнические контакты скифов с балтославянами или праславянами были тесными, длительными и хорошо фиксируются археологически. Милоградская и юхновская культуры железного века лесной зоны Среднего и Верхнего Поднепровья имеют скифоидный облик, их создатели воспринимались Геродотом как скифы-земледельцы и они, вероятно, принадлежали к суперэтносу, складывающемуся вокруг Большой Скифии. Позднее носители этих культур, чересполосно проживавшие со скифами, станут субстратом, на котором в Полесье формировались достоверно славянские памятники. Интересна в этом смысле легенда о происхождении деревни Холмеч в Речицком районе Гомельской области, которая входит в ареал этих культур. Народное сознание связало название Холмеч с холмом, и воткнутым в него пришлым воином мечом. Это воспроизводит схему скифских святилищ, посвященных богу войны Аресу согласно описанию Геродота: холм, покрытый хворостом и воткнутый в него меч.

Также любопытно предание об основании города Турова из «Повести временных лет»: *«Бе бо Рогъволодь пришелъ и заморья, имяше власть свою в Полотъске, а Туръ Турове от кого же и туровци прозвашася»*. Легендарный князь Тур имеет прямые аналогии в иранской традиции — это имя известно уже в «Авесте», в «Шахнаме» — это один из сыновей мифологического царя Феридуна, разделившего мир между ними. Тур получает страну Туран, название которой и её жителей — кочевых иранских племён (туры, туранцы) происходит от его имени. С названием туры, по одной из версий, связано и происхождение этнонима *тюрки*, а типологически *туровцы* также соответствует наименованию индоарийского народа *турваши*

(*turvaša*), известного из «Ригведы». Скифские параллели имеют и этногенетическое предание о происхождении белорусов от первопретка Белополя. Его имя и сюжет про распределение наследства от отца имеют соответствия в ареале индоиранских культур. Основа имени *-поль* коррелирует с сообщением Диодора Сицилийского о происхождении скифов от братьев *Пала* и *Нана*, сынов Скифа, от этих братьев ведут своё начало два народа — *палы* и *напы*. Мотив распределения отцом наследства между своими сыновьями также известен у скифов, сравн. делёж наследства Таргитаем между сыновьями Арпаксаем, Липоксаем и Колаксаем.

Иранско-славянский симбиоз предполагается для ряда археологических культур, связываемых с ранними славянами или их частью: черняховской и пеньковской. С ними связывается и появление первых славянских этнонимов индоиранского происхождения: анты (ср. дринд. *anta-* «конец, край», др. иран. *antas* «конец, край», *antyas* «что находится на краю», осетин. *attiya* «задний, сзади», исходя из чего этноним анты можно перевести как «живущий на краю, окраине, пограничный житель», что коррелируется с позднейшими названиями *Украина*, *украинцы* в том же регионе), хорваты (ср. авест. *haraiva*, др. перс. *haraiva* как название области Ариана, др. -перс. *Harauvatis*, *Harauvatiyâ* как имя древней Арахозии, производные от иранской основы *hara*, *haraiti* «гора, возвышенность»), северяне (от иранского **seu-*, **sew-* «чёрный», примечательно, что название северян, видимо, представляет собой иранско-славянский лингвистический дуплет — север в представлении древних иранцев обозначался чёрным цветом, северяне были «северным» племенем только с точки зрения более южных иранских народов, о связи чёрного цвета с северянами говорит название их племенного центра — города Чернигова с его легендарным основателем князем Чёрным и знаменитой Чёрной могилой), радимичи (от скифской основы *radam-* «первый, первенец»), сербы (ср. название иранского племени *serboi* античных источников).

Фундаментальное значение иранского фактора для последующего развития русской цивилизации отмечал Георгий Вернадский, а Владимир Топоров полагал, что «*Древняя Русь и — шире — вся Slavia с определённой точки зрения могут по-*

ниматься как западная провинция великого индо-иранского культурного круга». О значительном иранском влиянии на духовную культуру ранних славян свидетельствуют их религиозные представления. В славянских языках, очевидно, под воздействием иранских религиозных представлений, произошла замена общеиндоевропейского термина для обозначения божества **dušus* на иранск. *baga-*, *baṃa-* «бог, доля, богатство», что коррелируются с иранской классификации высших существ *daeva* «демон» — *baṃa* «бог». Иранская пара отображает дуалистическое противопоставление *бог (добрый) — демон (злой)*. Это противопоставление отражается в славянских теонимах киевского пантеона князя Владимира и упоминаемых в «Слове о полку Игореве»: Дажьбог — Стрибог: от иранск. **duž-baṃa* «злой бог» — **srī-baṃa* «добрый бог».

Достоверные иранские или индоиранские этимологии имеют и другие славянские божества: Хорс (от сармато-аланского **Xors/*Xūrs* «Солнце-царь», отсюда же и русское *хороший*), Сварог (от др.-инд. *svarga-* «небо»), Семаргл (ср. иранский мифологический персонаж, обозначающий птицу вроде грифа, которая почиталась как божество-посредник между мирами: *Simury*, *Sīnmury*).

Кроме теонимов, не менее значимым индоиранское влияние было на соответствующую славянскую терминологию в сакральной сфере, например, слав. *věra*, от которого произошли русское *вера*, польское *wiara* в религиозном смысле соответствует иранскому *var-*, обозначающему религиозный выбор между добром и злом, а позже и религиозное верование в целом. Иранским влиянием могут быть объяснены и целые сакральные формулы *бога ради* (*bagahja radi* — аналогичное по смыслу выражение из настенной надписи персидского царя Дария), *слава/хвала богу* (от аланского *χvāryâ-* «слава»).

Вероятно, общеславянское наименование рая также является заимствованием из иранского *ray* «небесное сияние, блаженство». В связи с этим образом рая любопытна культурологическая черта, замеченная Олегом Трубочёвым: в Западной Европе название «рая» было заимствовано с приходом христианства из греческого, а народными, дохристианскими там оказываются названия «ада» как «нижнего, пещерного мира». Славяне же

унаследовали из дохристианской древности понятие светлого «рая». Народность идеи и термина «ад» на Западе и, наоборот, народность идеи и термина «рай» на Востоке являются кардинальным отличием, из чего лингвист делает вывод о светлости православия и оптимизме православной архитектуры как возможном проявлении славянского дохристианского наследия, не знавшего посмертного возмездия.

По мнению Вячеслава Иванова, славянские языки, во всяком случае в отношении такого семантического поля словаря, как религиозное, можно признать иранизированными. Действительно, весьма специфичен характер заимствований и связей праславянских диалектов: религиозные и сакральные термины в основном из иранских, технические бытовые термины — из германских языков говорят нам об изначально «евразийском», западно-восточном симбиотическом характере славянского этно- и лингвогенеза, на что указывал Николай Трубецкой: «*“душой” славяне тянулись к индоиранцам, “телом” в силу географических и материально-бытовых условий, — к западным индоевропейцам*».

Своеобразная «сдвоенность», амбивалентность славянского этногенеза, фиксируемого лингвистами, совпадает с раннеисторическими источниками. Римский историк Тацит сомневается, относить ли венетов, в которых не без оснований видят ранних славян, к германцам (условно — европейцам) или к сарматам (выходцам из Азии). Согласно мнению Дмитрия Магинского «*изначально особая роль контактов славян и с ираноязычной степью, и с лесными германцами бассейна Балтики с попеременным преобладанием то первого, то второго. Само двойственное античное именование «Европейская Скифия (Сарматия)» для огромной территории между Вислой и Доном уже предопределяет известную двойственность в истории славян и Руси*». При этом и позднее родственные венетам анты на рубеже IV–V вв. вступают на стороне гуннов против готов, а славяне в VI–VII вв. являются союзниками авар и болгар при нападениях на Византию.

Значительное индоиранское влияние на славянскую мифологию и мировоззрение позволили Вячеславу Иванову сделать вывод о включении их в круг «евразийской религии света»,

имеющий дуалистический характер с ярко выраженным культом светоносного, солярного божества. Дуалистическая космогония — мифологические представления о сотворении мира в результате сотрудничества небесного и хтонического персонажа (бога и чёрта, нередко выступающего в образе водоплавающей птицы или другого животного и достающего для бога землю из мировых вод) широко известны восточным и южным славянам, балтам, финно-уграм, тюрко-монгольским, некоторым иранским, палеоазиатским народам, американским индейцам. Они практически не известны в Западной Европе и на Ближнем Востоке, что позволяет отнести этот мифологический пласт к далёкой древности и связывать его происхождение с Северной Евразией.

Согласно Владимиру Топорову, у восточных славян проявляются многочисленные черты митраизма, в частности, речь идёт о связи понятия *мира* как особой социальной единицы и индоиранского солярного бога Митры. Одной из характерных черт русской (восточнославянской) культуры, её константой выступает совмещение в слове *мир* двух семантических понятий: 1) *мир* как вселенная, система мироздания; 2) *мир* как согласие, спокойствие, отсутствие войны и ссоры. Как определяет Юрий Степанов, «*мир в древнейших культурах индоевропейцев — это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще — от другого пространства, где живут “чужие”, неизвестные, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно*».

Следы митраического комплекса и шире, индоиранских религиозных представлений, находятся не только у славян, но также у финно-угров (Мир-сусне-хум у манси) и сибирских народов, но именно славяне, скорее всего, испытали не просто воздействие иранской религии, а воздействие тех иранских религий, которые используют имя Митры в качестве названия бога Солнца. По мнению Вячеслава Иванова, «*в иранском t теряется, т.е. обычная иранская форма — Mihr. Это h потом тоже потеря-*

лось и получилось *Mir*, т.е. фактически славяне заимствовали иранскую форму без *t*».

В связи с этим вероятным происхождением возможно рассмотреть и широко известный сегодня концепт *Русский мир*. Самое первое употребление этого термина фиксируется в памятнике древнерусской литературы XI века «Слово на обновление Десятинной церкви»: «...не только в Риме, но и повсюду: и в Херсоне и ещё в Русском мире». Его раннее возникновение и позднейшая популярность представляется далеко не случайной, укоренённой в славянской языковой картине мира.

Наиболее распространённой этимологией многозначного термина *русь* считается германо-скандинавская: этносоционим, обозначавший гребцов, участников весельного похода при финском посредничестве попал в славянские языки: древнесеверн. *rōþ(e)R* «гребец; гребля; весло; плавание на весельных судах» > фин. *ruotsi* > древнерус. *русь*). В этой связи предполагается, что изначально в социальном плане *русь* — это только дружина князя, «воинство» и администрация, а «Русская земля», «Русь» — подвластная ему и его окружению территория, государство.

Параллельно «варяго-норманнской», северной теории происхождения и этимологии *руси* существует и «скифско-иранская», южная, с не менее давней традицией, идущей ещё от Михаила Ломоносова. В последнее время очень интересное её развитие предложил лингвист Олег Трубочёв, который отмечает в Северном Причерноморье многочисленные реликтовые индоарийские топонимы с основой *roká-*, *ruk-* «свет, блеск» или *ruk á-* «блестящий» и предполагает развитие **rukṣa-/*ru(s)sa-* > индоарийское **russa-* «светлый, белый» > *русь* и предполагает существование древней местной традиции называть Северо-Западное Причерноморье «Белой, Светлой стороной», связанной с обозначением западной стороны света у народов Евразии и восходящей к древнему уходу большинства индоиранцев на Юго-Восток, когда «Белая/Западная сторона» оставалась у них как бы за спиной.

Эта гипотеза соотносится с засвидетельствованными источниками фактами обитания в южнорусских степях племен, чьи имена созвучны имени позднейшей Руси, прежде всего североиранских (сарматских) племён роксаланов и аорсов. Пер-

вый компонент названия роксаланов (иран. **ruks-alan-*) происходит от слова *ruks* «светлый» (иранская форма от **rauka-/*ruk-*), от которого также происходит и название аорсов. Традиция названия именованья земель, на которых обитали роксала-ны и аорсы, «светлыми», «белыми» по всей видимости, восходит по крайней мере ещё к временам индоиранского языкового единства.

Южную, иранскую гипотезу о происхождении Руси принял известный археолог Валентин Седов, который видит её локализацию в волынцевской культуре V–IX веков, образовавшейся в результате славянско-иранского симбиоза и соответствующей Русскому каганату. Если само существование Русского каганата как государственного образования является всё же гипотетическим, то титул «кагана русов», «русского кагана» известен в западных, восточных и древнерусских источниках.

Этот титул верховного правителя русов очевидно заимствован у тюрков, наиболее вероятно, у хазар и весьма примечательно, что Киевский митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати», созданном около 1040 года называет князя Владимира, равно как и правившего в то время великого князя Ярослава Владимировича «каганом». Как отмечают авторы «Новой имперской истории Северной Евразии», видимо, православному митрополиту Иллариону было понятно, что созданное Владимиром единое культурно-политическое пространство, объединяющие разные племена и политические союзы несопоставимо с обычным, даже очень большим княжеством, и потому его правитель «*достоин высшего титула Северной Евразии: каган*».

При этом сам князь Владимир в силу характера своей политической и религиозно-реформаторской деятельности (создание из разрозненных племён и культов нового объединяющего политического и религиозного *мира*) по мнению Георгия Вернадского воплощал правящего Митру (в пользу этой гипотезы говорит и народная этимология имени Владимира «владелец мира» и былинный эпитет — Владимир *Красное Солнышко*). Иранский сакральный фон мог быть одним из факторов выбора Владимиром именно восточной версии христианства, православия.

Но и в христианскую эпоху одной из наиболее специфичных черт русской (восточнославянской) культуры является её полярная дуальность, основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе в эпоху русского средневековья располагаются в двуполосном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. Эта черта существенно отличает русскую культуру от западноевропейской, где присутствует третий, нейтральный элемент (например, в религиозном сознании это чистилище наряду с раем и адом) и, вероятно, своими глубинными истоками она восходит к иранскому религиозному дуализму.

«Евразийский» след прослеживается и в более поздней титулатуре московских царей, когда появляется образ Белого Царя Руси, происхождение которого связывается индо-иранским корнем: *«Если принять во внимание попытки сопоставления понятия “русь” с дославянской лексикой сарматской эпохи, то мы обнаружим сходство его с ираноязычным эпитетом ruxs, rusan, rus, ruxi (светлый) и с индоарийским riksa, ru(s)sa (светлый, белый). Вероятно, можно видеть первооснову семантики выражения “белый царь” в древнейших архетипах, которые формировались в ранней истории индоевропейцев Евразии и позднее были унаследованы славянами».*

Как бы ни решался вопрос об этимологии и происхождении Руси — в пользу скандинавского или иранского, возможно говорить и о *«встрече северного и южного названия русь»* (Валентин Седов). Дуалистический синтез двух начал: леса и степи, севера и юга, скандинавских русов-гребцов и славяно-иранских русов, видимо, и стал точкой отсчёта нового, русского этапа в истории восточных славян, имевшей судьбоносные последствия. Как отмечает Александр Головнёв, *«сдвоенная магистральность русской культуры, вобравшей в себя традиции нордизма и ордизма, а также славянскую локальную адаптивность, стала двигателем эпохальной экспансии, приведшей к образованию России и до сих пор сохраняющей её на просторах Северной Евразии».*

Этот объединительный русский импульс оказал самое непосредственное влияние на исторические судьбы Белой Руси, чья территория объединяет два больших ареала: Циркумбалтий-

ский и Циркумпонтийский, граница которых по диагонали примерно поровну делит современную Республику Беларусь. Это деление соответствует природному — бассейны Балтийского и Чёрного морей, разделу между геологическими плитами Фенноскандией и Сарматией, этнокультурному — балтославянский Северо-Запад и иранско-славянский Юго-Восток, антропологическому — валдайский и полесский антропологические типы, а также отчасти раннеполитическому — зона варяжской дани, куда входила племенная территория кривичей и зона хазарской дани, включавшая радимичей. Восточнославянская экспансия и русская государственность неразрывно соединили эти ареалы в одно целое.

Заслуживает отдельного рассмотрения и происхождение самого хоронима *Белая Русь*. Название *Белая Русь* впервые фиксируется в латинской форме *Alba Ruscia* в анонимном географическом трактате «Начало описания земель» (*Incipiunt descriptiones terrarum*), созданном около 1255–1260 гг. и найденном в Ирландии. Возникновение термина и его закрепление в средневековой европейской географии связывается с представлениями схоластов о мифической стране Албании («Белой»), которая вероятно, являлась контоминацией осетинской Алании («Кавказской Албании») и северной Албании вепсов у Финского залива.

В венгерских источниках XIV–XV вв. Белая Русь фигурирует в качестве названия Галицко-Волынской земли. Олег Латышонок полагает такое значение изначальным, выводя его от «белых хорват» — названия предков населения Галича, трансформировавшейся в Венгрии в «белых русинов» в связи с претензиями королевича Кальмана на галицкий трон в 1210–1220-х гг., *Alba Ruscia* автора «Описания земель» — также Галицко-Волынская держава (включая Брестскую, Турово-Пинскую и Новогрудскую земли), при этом белый цвет рассматривается якобы как символ признания жителями этих земель верховенства папы римского и принадлежности к Европе. Аналогичные выводы декларирует и Алесь Белый: *«название “Белая Русь” свидетельствует про связанность её исторической судьбы с судьбой европейской цивилизации».*

Отождествление названия «Белая Русь» с наследием европейской цивилизации, латинским миром представляются нам

научно некорректными, скорее примером некритически воспринятого европоцентризма, в связи с чем, стоило бы отметить что *«хотя использование цветовых различий для обозначения сторон света известно и в языках средневековой Западной Европы, тем не менее большинство учёных в настоящее время склоняется к точке зрения, согласно которой в Центральную Европу характерная для азиатских культурных традиций цветовая символика сторон света проникла под влиянием степных кочевников Евразии во времена переселения народов»* (Вячеслав Иванов).

На наш взгляд, источник «Белой Руси» как этногеографического образа, как и предлагал в своё время Георгий Вернадский, следует искать в связи с ирано-сарматским влиянием (вспомним аорсов, роксолан, тех же белых хорватов). Примечательно, что с последней четверти XVI в. (лекции итальянского гуманиста Помпония Лета, поэма Маттео Боярдо «Влюблённый Роланд», карта мира Генриха Мартелла) название «Белая Русь» используется в отношении низовьев Дона и Днепра — давней вотчины кочевых иранских племён.

Французский мушкетёр Жак Мержерет, служивший в России в начале XVII века, отождествлял согласно географическим представлениям того времени Белую Русь (Верхнее Поднепровье), Московское государство со Скифией: *«Российская империя представляет собой часть страны, которую издавна называли Скифией... Но нужно также знать, что есть две России, именно: та, что носит титул империи, которую поляки называют Белая Русь, и другая — Черная Русь, которой владеет Польское королевство и которая примыкает к Подолии... А чтобы отличать Черную Русь от этой последней, поляки все расположенное по ту сторону Днепра называют Белой Русью. Без этого различия можно подчас не разобраться в этом сочинении, в котором говорится только о Белой Руси, некогда Скифии, а ныне Московии»*.

При этом, учитывая вероятную иранскую этимологию самого названия *Русь* как «белой, светлой», возможно, мы имеем дело с лингвистическим дуплетом, а *Белая Русь* — это *Белая Бель*, *Белый Свет*, страна, изначально локализованная в местах проживания древних индоиранских народов — в Северном

Причерноморье. В пользу такого предположения говорит тождественность в итальянском источнике начала XIII в. русов и албанов (белых). В этом случае историю возникновения образа и названия *Белая Русь*, закрепления его в европейской географии следует рассматривать именно как *евразийский* феномен.

Иранский, скифо-сарматский фактор в этой перспективе становится своеобразным ключом к пониманию единства Северной Евразии, в том числе этногенеза восточных славян и становления большого русского этнокультурного массива. Исторические скифы исчезают, «растворяются» в различных народах, перевоплощаются в них, ослабляя при этом многочисленные следы-подсказки, указывающие на первоначальный источник. По мнению Владимира Топорова, это прежде всего лингвистические и мифологические следы:

«В сложной картине соотношения евразийских культурно-исторических и языковых элементов одним из существенных ориентиров следует считать иранизмы, широко представленные в разных традициях к северу (а также к западу и к востоку) от иранских территорий (балты, славяне, кавказские народы, финно-угры, тюрки, енисейцы, тохары, тибетцы, монголы и т.п.). Иранский культурный комплекс, в основе которого лежал весьма устойчивый дуалистический принцип, оказался способным к исключительно мощной и направленной иррадиации тех или иных своих элементов... именно иранизмы позволяют уточнить ряд хронотопических характеристик широчайшего ареала и соотнести тем самым разные этнокультурные комплексы внутри евразийского макросоюза. Такая возможность открывается, между прочим, и потому, что иранизмы в указанных традициях обнаруживают довольно очевидное единство, которое было предопределено достижениями иранского религиозного гения, с одной стороны, и исключительной восприимчивостью к иранским влияниям близких и дальних соседей — с другой».

Скифам как символу эпохи иранского господства в Северной Евразии, несмотря на исчезновение с исторической арены, в результате контактов с соседними письменными цивилизациями повезло остаться в качестве устойчивого образа всего этого огромного пространства — Скифии. Скифия древних эллинов,

делившаяся на Европейскую и Азиатскую, но при этом оставшаяся для них чем-то единым действительно была их гениальной интуицией, что отмечал Дмитрий Мачинский и дополнял эту интуицию своей историософской проекцией: *«политическим воплощением единства всей Скифии в границах, намеченных античной географией, становится в XVII–XIX вв. Российская империя и её наследник СССР»*.

В византийской традиции, продолжающей античную, все «северные» земли принадлежат к «скифской» общности, которая определяется по географическому, а не этническому, историко-культурному и отчасти политическому принципам. Очевидно, что уже для автора «Повести временных лет», унаследовавшего через византийское посредничество, античные представления о Скифии, её амбивалентной природе, конструирующего основные элементы зарождающейся восточнославянской (русской) идентичности, образ «Великой Скуфи» стал тождествен «Руси». И в этом смысле можно согласиться с тем, что *«Скифия — степная полоса от Дуная до Алтая, являясь географическим телом образа, превратилась в хорду геополитического тела Российского государства, к которой прикреплены все остальные его части. Поэтому скифы остаются стержневым образом России, который не только поддерживает геополитическое тело России и, многократно отражаясь в её бесчисленных связях с миром, создаёт тот оптический эффект, который называется Российской империей»**.

«Скифскость» через языковую картину мира, структуры мировоззрения, литературные и геополитические прозрения становится неким неотъемлемым атрибутом русскости в самом широком её понимании. Как совершенно справедливо замечает Дмитрий Замятин, именно «скифский» культурный, историософский, метафизический «сдвиг» стал толчком и для евразийского движения, возникновения образа России–Евразии в начале XX века. Связанность и сопричастность «скифского» и евразийского характерна также для культурно-идеологического ландшафта России нашего времени.

* Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М, 2003. С. 308.

Почему современные Россия, Украина и Беларусь — это всё же не Европа, не часть евроатлантической цивилизации? Не потому ли, что уже в античные времена они воспринимались настоящими европейцами своего времени (греками и римлянами) как нечто особое, отдельное — Скифия, Сарматия, весьма условно разделённое на Европейскую и Азиатскую части, но внутренне единое, гармонично сочетающее то и то, говоря современным языком — как Евразия.

Как отмечал Владимир Топоров: *«Евразия, следовательно, образует своего рода “макропространство”, сопоставимое с языковыми “макросемьями”, с одной стороны, и “языковыми союзами”, с другой... Евразийское “мироощущение”, даже не зная этого своего имени, не может не сохраняться, хотя бы и в иных формах. Направление и динамика развития разных структур, составляющих евразийское пространство, укрепляют мысль о возрастании роли подобного “мироощущения” в самом ближайшем будущем»*.

Триада этногенетических, историософских, геокультурных образов Скифия — Русь — Евразия в той или иной степени присутствует в сознании всех трёх восточнославянских народов, к ним апеллируют, конструируя современные модусы национальной мифологии и идентичности и в этом, на наш взгляд, заключён их созидательный потенциал по крайней мере для символического примирения в российско-украинском конфликте и преодоления раздробленности Русского мира.

Крым как первоначало Евразии

Значение Крыма определяется не только его стратегическим положением, позволяющим контролировать Северное Причерноморье. Крым важен прежде всего своим символическим, если угодно, сакральным значением для Руси–Евразии. Именно здесь происходили плодотворные контакты между народами, культурами и религиями, которые впоследствии положили начало большой евразийской общности.

Самое древнее название Крыма и его жителей — Таврида связывается с реликтовыми индоарийскими языками, боль-

шая часть носителей которых ушла на восток и с этого момента Крым служит своеобразным мостом между Западом и Востоком.

Особенно ярко это произошло во время встречи Эллады и Скифии. Эллины по праву считаются родоначальниками и изобретателями Европы, которая изначально обозначала земли, объединённые в Дельфийский союз, а затем это название было распространено на территорию, куда был направлен основной вектор греческой колонизации — Северное Средиземноморье.

А в северо-восточной его части греки, как первые европейцы, встретились с иной цивилизацией — цивилизацией кочевников, периодическими волнами приходивших из глубин Азии. Эллины основывали города-государства, скифы — степные царства. В их взаимодействии рождались первые очертания Евразии. Скифо-сибирский мир, Скифия древних греков, простиравшаяся от Причерноморья до Китая, была синонимом Евразии в античности.

Греки воплощали всё то, что стало архетипическим для европейской цивилизации: полисную демократию, морскую колонизацию и торговый строй, скифы — степную стихию, континентальную пространственность, воинственность, сочетание авторитарной власти и вольницы. И те, и другие создали первые государства на территории исторической России. И всё это одновременно переплеталось, боролось друг с другом и соединялось в Крыму.

В более позднее время до Крыма доходят готы — германский импульс, который будет важен уже для образования Руси, и он же здесь будет разбит гуннами — представителями тюркской стихии, сменившими в качестве хозяев Великой степи иранских скифов, сарматов и алан.

Римляне, византийцы, генуэзцы сохраняют в приморском Крыму присутствие рожденной в античности Европы, а монголы и турки становятся хозяевами степного Крыма на многие столетия вперёд. Здесь же, на заре своей истории в Тмутараканском княжестве появляются и русы, для потомков которых Крым станет одной из ключевых точек обретения будущего могущества.

Крымский город Корсунь—Херсонес сыграет судьбоносную для Руси роль в выборе цивилизационного пути: принятии православия и преемства от Византии. После прихода монголов и второго судьбоносного поворота в истории Руси Крым становится переходящим плацдармом в противоборстве претендующих на гегемонию сил: Великого княжества Литовского и Золотой Орды. Но Крым не достался литовским князьям и евразийский проект ВКЛ уступил место европейскому, завершившийся его растворением в Польше и гибелью.

Длительное противостояние с Крымским ханством и Османской империей стало катализатором формирования украинского народа — на фронтире Дикого поля образуется Запорожская Сечь и укрепления Московского государства, вынужденного защищаться от опустошающих набегов крымских татар.

Русско-турецкое противостояние за Крым заканчивается победой России и превращением её в могущественную державу, от которой зависели судьбы народов Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. И это обуславливает столкновение её интересов с европейскими гегемонами (Англией и Францией) во время Крымской войны.

Эта неудачная для России война с трагической обороной Севастополя, затоплением Черноморского флота послужила толчком к переосмыслению отношений России и Запада, к поиску и формулировке собственного пути. В Крыму Николай Данилевский пишет свою знаменитую работу «Россия и Европа», посвящённую этому, где просматриваются и контуры будущей евразийской концепции.

В Гражданскую войну Крым становится ареной активной борьбы «красных» и «белых», последним ковчегом «белых» в России, многие из которых, пережив этот опыт борьбы и эвакуации с полуострова, становятся в эмиграции, как Пётр Савицкий, создателями и последователями евразийства.

Героическая оборона Севастополя во время Великой Отечественной войны делает его и Крым одним из важнейших мест памяти всего постсоветского пространства, он вместе с городами-героями Мурманском, Ленинградом, Брестом и Одессой являются пунктами, обозначающими и удерживающими западный фронт нашей цивилизации. Ялтинская конференция определила контуры биполярного мироустройства после войны, раз-

делившего мир на социалистическую Евразию и капиталистическую Евroatлантику.

Крым вновь становится точкой бифуркации и самоопределения для России в 2014 году, когда он возвращается в родную гавань. Кризис украинской государственности показал, что обладание Крымом — это привилегия великих держав, в которых ещё горит огонь пассионарности. На протяжении всей своей истории Крым был маркером, определявшим состояние общества, с которым он был связан и государства, которому принадлежал. Россия—Евразия вернула его как символ несогласия с уготованной ей ролью пассивного наблюдателя западной экспансии.

Украина без Крыма — закономерный итог её «европейского» выбора, такой «евразийский» регион никак не может быть вписан в этот выбор и потеря Крыма является очевидным свидетельством его пагубности, особенно, для самой Украины — преимущественно евразийской страны.

Но Крым остаётся исключительно важным для всех частей Руси, независимо от его актуальной государственной принадлежности. С Крымом связана история одной из самых главных православных святынь Беларуси — Минская икона Божьей Матери, с 1500 г. пребывающая в городе. Согласно преданию, она была создана в Византии, затем долгие годы хранилась в Корсунь—Херсонесе, а после крещения Руси была перенесена в Киев. Следы иконы теряются после монгольского нашествия, сообщается, что во время нашествия крымских татар на Киев она была брошена и обретаена в реке Свислочь в Минске. Этот символический путь иконы из Царьграда через Корсунь и Киев обозначает сакральную ось Белой Руси и связывает её с Крымом.

Крым — это гораздо большее, чем небольшой кусочек суши у тёплого моря со сложной историей, это краеугольный камень, основа нашей цивилизации.

Символы власти и единства в Евразии

Для любого объединения людей, народов, государств и культур необходимы общие символы. Символы это не только логотипы, флаги и гербы. Символ в широком смысле — это множество явлений культуры, таких как язык, миф, религия, искусство,

во, с помощью которых человек объясняет окружающий мир и упорядочивает хаос неизвестности.

К числу таких общих символов Евразии в сакрально-обрядовой сфере можно отнести весенние праздники обновления и возрождения жизни. Например, Навруз — праздник прихода весны у иранских и тюркских народов. Фактически это и есть настоящий новый год — время весеннего равноденствия, когда солнце окончательно поворачивает к лету. Есть основания полагать, что новый год у древних славян также приходился на солнцеворот. Если быть совсем точным, то астрономически новый год наступает в первое полнолуние после весеннего равноденствия.

Нетрудно заметить, что именно к этому периоду также приурочена христианская Пасха, отмечаемая в первое воскресенье после весеннего полнолуния. И Пасха (Великдень), и Навруз (Новый день) хоть и празднуются в разное время, но, по сути, означают одно и то же — возрождение, рождение нового света и новой жизни. Это евразийский Новый год.

Очень важны символы власти в Евразии. Например, пятиконечная звезда и царско-воинский головной убор. Всё это мы видим в убранстве сакского царя из погребения VII в. до н.э. в Шиликтинской долине в Казахском Алтае. Царь-воин был облачён в характерную остроконечную шапку со звездой в центре. И всё это очень похоже на «будёновку», «богатырку» (слово *богатырь* — восточного происхождения, от монгольского *багатур*) — головной убор бойцов Красной армии первых лет советской власти. Форма и вид древнерусского остроконечного «богатырского» шлема, наиболее вероятно, связана с восточными — тюркскими и персидскими влияниями.

Русский стиль во многом наследует скифо-сибирскому звериному стилю, что очень тонко подметил археолог Дмитрий Мачинский: *«явственные пережиточные черты казались бы исчерпавшего себя мировоззрения, первично выраженного в “зверином стиле”, проглядывают в системах государственного марксизма (большевизма) и государственного православия, да отчасти и в образном строе старо-нового российского герба».*

Орёл, беркут — ещё один символ власти в Евразии. Двуглавый орёл, смотрящий на Запад и на Восток, известен как сим-

вол евразийских империй со времён хеттов. Затем он встречается в Малой Азии, Индии, становится гербом Византии, Священной Римской империи, империи Габсбургов, Золотой Орды, Московского царства и Российской империи.

Про особенности русской власти как евразийского феномена очень интересно рассуждает историк Андрей Фурсов:

«возникновение феномена русской власти — надзаконной, стремящейся к социальной однородности и господству над собственностью — было закономерным явлением в контексте истории евразийского хартленда, евразийского целого...»

Русская (евразийская) власть нашла в западном (североатлантическом, мировом) капитализме — точнее, в его негативной, “отрицательно-институциональной” (антисистемной, социалистической) форме — средство самоочищения от собственности, включая капитал; это, в то же время, предполагало смену персонификатора русской власти, очищения ее от прогнившего, зараженного буржуазной (или парабуржуазной) собственностью, “капитализированного”, олигархического самодержавия.

В свою очередь, мировой антикапитализм нашел в русской власти, в ее чистой форме, средство самореализации и возник как евразийский (Россия, Восточная Европа, Китай) феномен с глобальными устремлениями. Эти энергетические устремления, однако, так и не реализовались в полной мере, а вещество антикапитализма осталось ограничено Евразией, за небольшими исключениями, подтверждающими евразийское правило. Триумфом ненавидевшего Россию Маркса и марксизма стали, по иронии истории, русская революция и ленинизм. Степной калмыцкий прищур скуластого Ильича — евразийца со смешанной (немецко-еврейско-русско-калмыцкой — воистину евразиец!) кровью стал историческим ответом Евразии мировому капиталу. За потомком поволжских степняков пришел потомок кавказцев — чудно».

Николай Устрялов в своё время одним из первых также увидел эту «евразийскость» в деятельности большевиков и в создателе Красной империи — Ленине:

«он был великий исторический деятель и великий революционер. Он может быть назван посмертно величайшим

выразителем русской стихии в ее основных чертах. Он был, несомненно, русским с головы до ног. И самый облик его — причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола — подлинно русский, “евразийский”. Много таких лиц на Руси в настоящем, именно “евразийском” русском народе: — “Ильич”...»

Сущность власти в Евразии можно выразить принципами «пять выше», возникновение которых связывается с заветами Чингисхана:

- 1) власть выше собственности;
- 2) общее выше частного;
- 3) служение выше владения;
- 4) справедливость выше закона;
- 5) духовное выше материального.

Почти все эти принципы, так или иначе, воплощались во всех великих державах Евразии и даже СССР, в котором господствовало материалистическое мировоззрение марксизма, оказался на практике идеалистическим проектом достижения социальной справедливости и равенства с присущей ему собственной, красной метафизикой.

Красный — очень евразийский цвет власти и государственности. Именно поэтому красный флаг «благородной ярости» и золотые символы на нём (серп и молот, звезда) долгое время были отличительным атрибутом самой мощной державы в истории Евразии — СССР и до сих пор остаются символами тех государств, которые стали наследниками этого могущества: КНР, Вьетнама, КНДР. Флаг евразийской сверхдержавы может быть только красным.

Символы Евразии связаны не только с властью, они вошли и в повседневную жизнь обычных людей. Как минимум, с бронзового века, распространившись по миру из Волго-Уральского очага культурогенеза, котёл также становится своеобразным символом евразийской общности. Котёл — символ единства семьи, рода, народа. Приготовление еды в котле, казане, котловая кухня является отличительной чертой евразийских народов. С этим же, а также с монгольским влиянием связано распространение пельменей, мантов, буузов, хинкали, вареников и аналогичных блюд у различных народов Евразии.

Семья, род и предки — это то, что объединяет, особенно когда разные народы и предки вместе сражались и побеждали. Именно поэтому День Победы — 9 мая стал своеобразной Красной Пасхой-Великоднем и Радуницей одновременно, объединяющим через память о предках людей разных национальностей и вероисповеданий. И вовсе не случайно в связи с ним появился «Бессмертный Полк» и его аналоги — это воскресший культ предков, столько популярный во многих евразийских культурах.

Но объединяют не только героические предки, но и сам смысл победы в той войне, метафизической войне. Ведь это было не просто противостояние двух геополитических гигантов, мировоззрений и систем. Тогда объединились все, кто противостоял абсолютному злу. Никогда до того в истории идеология, провозглашавшая своим принципом культ неравенства людей, не получала таких механизмов уничтожения всех тех, кто попадал на низшие ступени этнической и расовой иерархии. Никогда до того не создавалась настолько оснащённая рационально и технологически организованная машина массового уничтожения людей.

Так получилось, что именно советский народ был избран в качестве одной из ее жертв. Но вместо жертвы он оказался победителем. И это было не случайно. Два культа — смерти и жизни — должны были неизбежно столкнуться. Символически это было воплощено в 1937 году в Париже, на Всемирной выставке, где друг напротив друга находились монументальные образы-символы идеологий Германии и СССР.

Сумрачный германский гений родил тяжеловесные грубые статичные формы и странные фигуры то ли Големов-Франкенштейнов, то ли партнёров гей-брака под хищным спесивым орлом. Естественная, устремленная вперед и вверх пара советских Рабочего и Колхозницы воплотила то, что потом помогло победить, — волю к жизни, героический порыв, стремление к свету. Тогда эти качества, удачно запечатленные в стали, помогли спасти человечество от ада на земле. Но они не вечны, импульс должен быть постоянно. В борьбе света и тьмы нельзя почивать на лаврах.

Если он иссякает, то рушится вся конструкция, как произошло со страной-победителем. А ее место занимает эгоистичный Атлант, воздвигнутый в том же 37-м году через океан.

Расправивший плечи Атлант самонадеянно торжествует, чувствуя себя единственным победителем, который правит миром. И в этот самый момент, когда, казалось бы, нет других образов, идей и смыслов — все они либо свергнуты, либо обветшали, возвращается то самое зло, побежденное 75 лет назад.

Отношение к итогам и памяти о той войне, попыткам ревизионизма и сегодня становится водоразделом символов, ценностей и мировоззрений. Мракобесие в маске национализма вновь собирает под своим флагом тех, кто готов убивать и разрушать. Под этим флагом разрушены отношения с одним из народов, входивших в семью победителей — украинским народом, а на Украине из-за этого убиты тысячи наших людей.

Прошлые великие победы, безусловно, объединяли, и ещё долго будут объединять Евразию, но лучше всего объединить сегодня и в будущем могут новые общие победы и свершения.

Чингисхан или Шарлемань?

В Калмыкии открыли первый в России памятник Чингисхану. Уже звучат голоса возмущённой патриотической общественности, мол, это памятник оккупанту, чьи воины убивали и грабили предков русских. И если ему ставят памятник, то нечего возмущаться памятникам бандеровцам и коллаборантам на Украине и в Прибалтике или нужно ещё поставить памятники Наполеону и Гитлеру.

Чингисхан, безусловно, был жестоким завоевателем, но сравнивать его с Гитлером — явный перебор. Монголы подавляли сопротивление, но не занимались целенаправленным геноцидом согласно расовому или этническому признаку. Монголы покорили Русь, но не уничтожили её, а Московская Русь усилилась во многом благодаря усвоенному опыту и практикам из Золотой Орды.

Вообще же сравнивать средневековые нравы, когда и сами русские князья, которым тоже ставят памятники, убивали и грабили друг друга и население соседних русских княжеств (Святой Владимир, например), и организаторов этнических чисток нашего времени нельзя. Геноцид, преступления против человечности — порождения XX века с его технологиями массово-

го уничтожения людей и (псевдо) научными теориями, это оправдывающими.

Чингисхан — создатель империи, наследником которой является и современная Россия, поэтому памятник ему вполне уместен, особенно на земле одного из народов монгольского происхождения.

Лично мне импонирует памятник Чингисхану в исполнении Даши Намдакова. Здесь он предстаёт не как грозный властелин и воин, а как шаман и медиум между мирами, объединяющий народы в новый гармоничный Космос.

Оппонентам, которые напирают на кровожадность монгола и его чужеродность для славян-христиан стоит напомнить про Шарлеманя (Карла Великого). Этот европейский правитель прославился не только как создатель империи Запада, но и в качестве убийцы 4,5 тыс. саксов, восставших против его власти и насаждения католицизма, воевал и поработал он также славян.

Так вот в Париже ему есть памятник, а бывшая столица империи франков город Ахен учредил ежегодную международную премию в его честь за заслуги в продвижении идеи западного единства своими политическими, экономическими и литературными усилиями. И именно в Ахене Макрон и Меркель подписали договор об углублении сотрудничества. То есть эта фигура символически и идеологически очень важна для ЕС, хотя по отношению к ряду стран и народов его вполне можно считать оккупантом и поработителем, но таких обвинений не слышно.

Так почему они звучат в отношении такого же правителя, но с Востока? Причины две — «чёрная легенда» против народов Великой степи и евроцентризм, в рамках которого только западные правители, пусть и такие же жестокие, могут почитаться как достойные памяти и уважения.

Казахстанский кинематограф как авангард евразийского

Культура как всеобъемлющий фактор, без которого невозможно представить жизнь народов, государств и отдельных людей, способна быть еще более мощным интегралом. Кине-

матограф — это зеркало, отражающее происходящие в обществе процессы. В этом смысле новые казахские кинопроекты — культурный авангард. Авангард нарождающегося евразийского кинематографа, у которого неизбежно успешное будущее.

Мы все хорошо представляем, что такое европейский, американский, китайский кинематограф. Это характерные сюжеты, известные режиссеры, знаменитые актеры. Целая индустрия, потребителями которой мы все являемся.

И вот недавно появился фильм, который заставляет задуматься о новых тенденциях в кинематографе на всем постсоветском пространстве — казахстанско-российский фильм «28 панфиловцев». Такой фильм ждали очень давно и, наконец, дождались.

Про вклад Казахстана стоит сказать отдельно. Само участие казахской стороны было совершенно правильным, логичным, необходимым. И потому, что дивизия формировалась Иваном Панфиловым из жителей Алма-Аты. И потому, что совершили подвиг и погибли, в том числе этнические казахи.

И потому, что Казахстан — одна из немногих стран постсоветского пространства, которая показывает своим соседям, что через культуру, через общую историческую память можно очень эффективно сближать народы.

Нам кажется, эта установка казахстанского государства далеко не случайна. Культурное наследие и опыт народа Казахстана нужны и востребованы за рубежом, казахстанское руководство понимает — надо быть открытым миру, показывать ему себя, помогать словом и делом позитивным проектам, объединяющим людей. Что нужно поддерживать инициативы, идущие от народа. «28 панфиловцев» — это первый международный, масштабный выход фильма с участием Казахстана, и я уверен, он будет иметь продолжение.

Фильм о настоящем подвиге. Подвиге, объединяющем страны и народы. Мы все очень устали от возносящих чужих героев голливудских боевиков, от криминальной чернухи и безысходности в художественных кинокартинах. Хотелось вновь ощутить вкус того самого советского кино, которое могло одновременно показать и Человека — Человека с большой буквы, и его Поступок, значивший очень многое для тысяч других людей.

Сейчас культура народов, для которых важны эти люди и эти подвиги, освобождается от тяжести безвременья. Возвращается к лучшим образцам гуманистического искусства. Убежден, гуманистическое начало и есть признак настоящих шедевров, поддержанных и признанных народом.

Фильм «28 панфиловцев» можно смело отнести именно к этой категории. Кроме того что в нем очень убедительно, скрупулезно и проникновенно показана обстановка, в которой приходилось воевать и отстаивать свою свободу и право на жизнь, на экране мы видим судьбы и поступки настоящих людей. Этому веришь, такое нельзя сфальсифицировать.

И это особенно важно сейчас, когда такие попытки предпринимаются с разных сторон. Уж очень многим хочется предать забвению эти факты и события. Исказить их, умалить их значение, забыть о том, что вместе с русским народом героически защищали столицу советской родины — Москву — представители других наций: казахи, киргизы, украинцы и другие.

В этой связи отрадно, что фильм состоялся не только в качестве кинематографического события, о чем красноречиво говорят кассовые сборы, но и культурного события международного масштаба.

Изначально фильм предполагалось спонсировать за счет добровольных пожертвований — то, что сейчас называют модным словом «краудфандинг». Но задумка создателей фильма — режиссеров Андрея Шальопы и Кима Дружинина — оказалась настолько масштабной, что без помощи государства не обошлось. Опыт Казахстана по поддержке и развитию отечественного кинематографа может быть востребован и в других странах Евразийского союза.

В Казахстане в рамках Плана Нации был разработан Комплексный план по созданию серии кино- и телепроектов. Кроме поддержки «28 панфиловцев» очень интересным явлением стало новое казахское кино: фильм «Дорога к матери», посвященный Великой Отечественной войне, историческая эпопея «Казахское ханство: Алмазный меч», научно-популярный фильм «Шелковый путь Марко Поло» о древней торговой тропе, связывающей народы и континенты.

Тематика последнего фильма становится особенно актуальной в связи с идеей возрождения в новых формах того самого Шелкового пути. Новый Шелковый путь — этот трансевразийский большой проект — будет звучать все громче, а стремления понять его истоки и значение будет все больше в самых разных странах, особенно тех, которые планируют в нем участвовать. То есть фильм будет интересен не только в Казахстане, но и в Китае, России, Беларуси, Польше, Германии.

Грузинская мечта

Грузию и Закавказье открывал для себя с большим интересом. Это часть южного, закавказского фронта, совершенно иной мир, хотя и не чужой.

Уже после грузинского путешествия поймал себя на мысли о том, что воспринимаю Грузию не как далекое и экзотическое государство, избравшее ориентиром, в отличие от Беларуси, евроатлантическую, а не евразийскую интеграцию, но всё ещё как «союзную республику».

Слишком много нас связывает в истории, да и просто в жизни, чтобы чувствовать в этой стране отчуждение или полную беспристрастность.

Поэтому и эти путевые заметки и наблюдения просьба воспринимать как субъективный взгляд далеко не безразличного путешественника.

Исторические параллели

Оценивая 25-летний период независимости, я их увидел немало. Постоянно задавался вопросом: почему мы пошли совершенно разными путями, где причины и каковы результаты?

А начиналось всё по схожему сценарию. В Грузии в начале 90-х на волне национального возрождения к власти приходит филолог Звиад Гамсахурдия — местный Зенон Позняк. Радикальный националист, мечтающий об однородной и унифицированной Грузии. Именно его слова и действия привели к началу грузинско-южноосетинского этнического конфликта.

Грузинский Позняк, находящийся у власти, настолько обострил внутренние противоречия, что был смещен своими же бывшими соратниками с поста президента — и это стало причиной еще и гражданской войны.

Гамсахурдия свергли, но дело его продолжили — победители также гнули курс на ликвидацию национальных автономий и это, в свою очередь, вызвало абхазо-грузинские противоречия и войну.

Этот небольшой экскурс в историю необходим для того чтобы было понятно, что и Беларусь в то время не была застрахована от подобных событий.

В конце 80-х – начале 90-х вновь вспыхнули споры о принадлежности Виленского края, и белорусы и поляки тоже имели претензии на территории бывшей Литовской ССР, белорусские поляки активно добивались автономии и расширения своего влияния в Западной Беларуси, в Брестском Полесье активизировалось сепаратистское движение «полешуков-ятвягов».

А если бы Позняк реально получил власть, то против него взбунтовалась бы вся Восточная Беларусь, где его антироссийские взгляды однозначно вызвали бы резко негативную реакцию.

Конечно, у нас все эти тенденции были гораздо слабее, общество в своей основе имело иммунитет против национализма, да и закономерный приход к власти Александра Лукашенко — молодого энергичного лидера, озабоченного не историческими спорами и переделом границ, а выживанием экономики и государства, — определили иную траекторию развития.

В Грузии тоже поняли, что наломали дров, и пригласили бывшего министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, имевшего авторитет, возглавить страну.

Шеварднадзе удалось локализовать конфликты с осетинами и абхазами, но Грузию продолжали сотрясать мятежи и громкие покушения.

В ноябре 2003 г., после парламентских выборов Шеварднадзе не проявил достаточной политической воли и в результате «Революции роз» отдал власть силам, возглавляемым Михаилом Саакашвили, который становится новым лидером Грузии и начинает перестраивать Грузию под себя. Грузия стремится в ЕС и НАТО.

Мишико и евромечта

В Грузии до сих пор достаточно тех, кто верит, что страна реально сможет интегрироваться с ЕС и вступить в НАТО. Хотя в последнее время растет число скептиков и тех, кто хотел бы видеть Грузию нейтральным государством или даже участником евразийских интеграционных проектов. По последним данным, их количество достигает 30–40 %.

Но официально грузинские власти всё ещё надеются быть принятыми в семью «цивилизованных народов». Интересное наблюдение — по всей стране рядом с государственной символикой красуются флаги ЕС, что очень напоминает Украину.

Видимо, чем сильнее призрачная надежда на то, что тебя примут в «клуб господ», тем больше желание всячески манифестировать свою символическую лояльность, хотя даже из чувства элементарного уважения к самому себе это не дело — так подобострастно любезничать перед организациями, официальными участниками которых вы даже не являетесь.

С грузинской символикой тоже интересно. После распада СССР там вернули флаг Грузинской Демократической Республики. С приходом к власти Мишико на волне задорного евроэнтузиазма поменяли символику на ещё более «европейскую»: флаг с георгиевским крестом и герб со Св. Георгием на коне. Явно напрашиваются аналогии с «Погоней». Белорусские национал-эстеты были бы просто в восторге. Только, к сожалению или к счастью, красивая романтическая символика еще не означает успешного государства.

Более того, если к этим темам озабоченные историческим величием и европейскостью привлекают слишком много внимания, жди беды.

В Грузии она случилась в 2008 г., когда окрыленный западной поддержкой Саакашвили вооруженным путем попытался взять под контроль территорию Южной Осетии. Это похоронило его как адекватного политика и показало реальность отношения ЕС и НАТО к Грузии.

А еще наглядно напомнило, что бывает с теми, кто, предавшись сладким мечтам о принадлежности к Европе, забывает об интересах и возможностях крупнейшего регионального игрока — России.

Саакашвили — безусловно, любопытный персонаж. До сих пор мнения о нем в грузинском обществе полярны. Ультралиберал в экономике с авторитарным стилем управления и опорой на полицию (столько полиции, как в Грузии, я не видел ещё нигде), атлантист в геополитике, продавший ряд знаковых объектов грузинской экономики и инфраструктуры российским ФПГ.

По факту же именно Саакашвили отодвинул перспективу вступления Грузии в ЕС и НАТО далеко-далеко, на границу с вечностью, и настолько испортил отношения с Россией, что простые грузины в условиях отсутствия дипломатических отношений должны стоять в очередях у консульства и платить за российскую визу.

Грузия и Россия

У Грузии почти полуторатысячелетняя история государственности. Одной из первых она стала христианской страной. Традиции, корни очень глубокие.

На протяжении всей истории, Грузии приходилось выживать и сохранять себя. Арабские, персидские, монгольские, турецкие завоеватели сменяли друг друга, часто ставя грузин на грань выживания.

Российская империя, придя на Кавказ, сделала Тифлис—Тбилиси центром, из которого управлялся весь регион, а династия грузинских монархов — Багратионы — стала известным и влиятельным в империи княжеским родом.

Изучая историю взаимоотношений грузин с соседями, по-другому смотришь и на грузинские традиции. Возможно, культ вина, богатые застолья, прекрасные песни и танцы — всё это возникло как реакция на влияние и власть более сильных, которых надо очаровать, устранить враждебность, использовать в своих интересах.

Конечно, многие грузины имеют зуб на Россию: за поддержку Южной Осетии и Абхазии или за различные исторические казусы. Со стороны всё видится несколько иначе — в Российской империи, а особенно в СССР, грузины не только получили возможность физического выживания, но и развития собственной культуры на беспрецедентно высоком уровне.

В конце концов, именно грузин стал руководителем Красной империи и создателем её могущества.

О Сталине стоит сказать отдельно. Несмотря на старания националистов и сторонников Саакашвили, создание «музея оккупации», отношение к Сталину у подавляющего большинства грузин уважительное.

Это видно хотя бы по музею в Гори — на родине Иосифа Джугашвили. Музей простой, но видно, что сделан с душой, чем и привлекает до сих пор посетителей как из самой Грузии, так и из самых разных стран. Лично я видел и немного пообщался с голубоглазыми иранцами из Исфахана.

Действия России в Грузии тоже можно понять. В силу того, что не остается никаких рычагов влияния на власти, Россия поддерживает сепаратизм бывших автономных республик и таким образом «якорит» бывших союзников — это практически единственное, что она может сделать в ситуации, когда у власти находятся националисты и откровенно антироссийские силы.

То есть действия России почти всегда реактивны, а не превентивны. То же самое было и на Украине. Да, это последствия большого развала 90-х, когда Россия уходила практически отовсюду, утрачивая рычаги и мотивы влияния, но времена меняются.

Традиционно Россия поддерживает за рубежом соотечественников — их организации становятся центрами притяжения не только этнически русских, но и всех тех, кто соотносит себя с преимущественно русской культурой, языком, историей. В Грузии я видел среди них грузин, белорусов, евреев, армян, даже ассирийцев.

Эта интегральная функция соотечественников — дополнительный стимул для поддержки и заботы о них со стороны России, даже если отношения со страной далеки от нормальных. Нельзя забывать и про собственно грузинское общество.

Запад всегда работает по известной схеме — создаются сети СМИ и НКО, ведущих долговременную деятельность по трансформации общественных настроений и обоснования геополитического разворота.

Россия часто не имеет популярных, авторитетных СМИ, не поддерживает на должном уровне местные общественно-поли-

тические силы, дружественные России или хотя бы нейтральные по отношению к ней.

Результат очевиден — пророссийские или проевразийские симпатии — это не плод системной работы, а следствие провала прозападного курса властей.

В сегодняшней ситуации, особенно на фоне разворачивающейся борьбы на Ближнем Востоке, отношение к Грузии и всему Закавказью в целом очевидно должно быть другим.

Грузия и Беларусь

Отношение грузин к Беларуси очень положительно. В данном конкретном случае это объясняется тем, что белорусы избегают вовлечения в чужие конфликты и почти всегда остаются теми, кто сохраняет возможность общения и понимания с разными сторонами.

Беларусь официально не признала независимость Южной Осетии и Абхазии, чем вызвала симпатии многих грузин, но это не значит, что Белорусское государство и общество не видит и не понимает того тупикового пути национализма и шовинизма, которым шла Грузия в начале 90-х и который привел к этим кровавым конфликтам.

Грузинские друзья рассказали мне один эпизод. Во время первого официального визита Александра Лукашенко в эту страну, когда белорусская делегация во главе с президентом возлагала венок памяти погибшим во время Великой Отечественной войны, никто из высоких руководителей Грузии его не сопровождал.

Друзья рассказывали об этом со стыдом. Да и мне стало непонятно, почему так получилось, ведь из 350 тысяч уроженцев Грузии около 14 тысяч отдали свои жизни за освобождение Беларуси. И у нас это помнят.

Это напоминание необходимо потому, что между нашими народами есть нечто большее, чем обычные экономические или дипломатические отношения, то, что должно быть настоящим, глубоким фундаментом человеческого общения.

Но и про дипломатию с экономикой забывать нельзя. В 2016 году должно наконец открыться белорусское посольство в Грузии, а потенциал экономического сотрудничества тре-

бует активного привлечения белорусских предприятий на грузинский рынок.

Есть поле для государственной и общественной дипломатии — миротворческая миссия Беларуси может обрести новые формы в деле грузино-абхазского и грузино-южноосетинского урегулирования.

Мне показалось, что Грузия все еще в поиске своего пути. Будет ли это Грузия нейтральная или какая-то еще, у Беларуси есть возможность не потерять ключи, способные открыть там многие двери и не утратить возможность привлечения Грузии к сотрудничеству в евразийском пространстве.

Один грузинский товарищ произнес слова, которые мне врезались в память, о своей личной мечте: «Я хочу, чтобы на лица грузин вернулась улыбка». А я хотел бы, чтобы мы все извлекли уроки из грузинской истории и помогли братскому народу осуществить именно те мечты, которые послужат его благу и процветанию.

III. ЕВРОПЕЙСКИЙ МИФ

О Европе и европейскости

Чтобы понять суть имен, лучше всего обратиться к тому, что они изначально значили. Европа — один из самых древних мифов идентичности.

Впервые она упоминалась в гомеровском гимне Аполлону и означала вовсе не материк, а совокупность земель амфикионов — участников Дельфийского союза, тех греческих племен, которые признавали высший сакральный статус святилища в Дельфах.

По мере увеличения числа союзников название Европа стало распространяться на них, пока не превратилась в сознании античных географов в наименование материка — территорию преимущественной греческой экспансии. Сначала границу Европы греки проводили по Кавказу, затем отодвинули до реки Дон, и эта традиция в географии существовала почти две с половиной тысячи лет.

При этом земли на север и восток от Чёрного моря именовали Скифией, Сарматией, искусственно разделяя их на европейскую и азиатскую части, хотя прекрасно понимали, что это единое пространство, простирающееся до самого Китая.

В эпоху Каролингов Европа — это Франция, Англия, западная Германия, Ирландия, центральная и северная Италия, северная Испания. То есть латинский, католический мир, без Византии и арабов.

Россия пыталась стать европейской страной при Петре I, когда он предпринял усилия, чтобы с ней стали считаться в западноевропейских столицах, а внутри страны происходила культурная европеизация. Тогда же символическую границу перенесли на Урал, хотя были предложения отнести её аж к Енисею.

Вообще, для границы Европы сгодилась бы любая географическая вертикаль — горы или река. Сущность понятия Европы не в географии, а в геополитической идентичности.

При этом Европа далеко не такой этнический, культурный и религиозный монолит, каким стремится казаться. Есть в современной Европе и народы очевидно евразийского происхождения: венгры, эстонцы, финны, болгары.

В этногенезе славян весьма примечательную роль сыграли ираноязычные племена, названия хорваты и сербы считаются иранского происхождения. Польский сарматизм — прекрасный пример причудливого сочетания западного и восточного, европейского и азиатского.

Балканы — это древний плавильный котел, особенно после османского владычества. Кстати, албанцы и босняки — мусульмане.

Европейская идентичность Германии далеко не так однозначна. Французы долгое время полагали, что Азия начинается за Рейном, польский историк Феликс Конечный проследил сильное византийско-азиатское влияние на раннюю Священную Римскую империю германской нации (отсюда и конфликт Гогенштауфенов с папой) и Пруссию.

Восточные немцы образовались на славянском и прусском субстрате и очень логично они находились в своё время в составе Организации Варшавского договора и вместе с Монголией в Совете экономической взаимопомощи. Австрия тоже вобрала в себя много славянского.

Южная Италия и Испания — сильное арабское влияние. Скандинавия — на севере были ассимилированы саамы. Прибалтика — балтославянофинская помесь с экзотическими вкраплениями в виде литовских татар, евреев и караимов.

Что остаётся? Ядро старой католической Европы: северная Италия с Римом, западная Германия, Франция, Бенилюкс, Британия. Это и сегодня фактическая метрополия постмодерной империи ЕС за исключением Британии — у них, как всегда, свой особый англосаксонский путь.

А все «евразийские» европейцы — это периферия, возможно, даже колония. Турция и Украина — вечные претенденты, с

перспективой попасть в «клуб господ» НИКОГДА. В том числе, в силу своей евразийской сути: про Турцию и говорить не надо, а Украина с её скифами, берендеями и казаками, если разобратся, вообще чуть ли не место рождения евразийства.

Сегодня, как и изначально, Европа — это фактически совокупность стран, входящих в ЕС и находящихся с ним в союзных отношениях (Норвегия, Швейцария). Европейскость — это признание сакрального статуса и авторитета уже не Дельфийского оракула, а Брюсселя и «европейских ценностей», а также эксклюзивной миссии утверждать и продвигать эти ценности остальному миру (ст. 3 п. 5 Договора о создании ЕС). Европейскость — это продвижение политического, экономического и культурного влияния ЕС.

Чёткая граница между Европой и Евразией сегодня очевидна в ценностях и политике памяти. В Европе, согласно резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 года «О важности европейской памяти для будущего Европы» нацизм и коммунизм приравниваются между собой и оба тракуются как тоталитарные, преступные режимы, а в Евразии советским периодом гордятся, здесь возник «Бессмертный полк» как форма гражданской религии. В Европе призывают уничтожать и оскверняют памятники советским воинам-освободителям, а в Евразии они восстанавливаются и почитаются. Это и есть настоящий водораздел цивилизаций.

Россия, Беларусь, Казахстан — это не Европа. Мы создали свой союз амфиктеонов — Евразийский, со своими священными смыслами (победа над нацизмом), своей культурной генеалогией — от Византии, Древней Руси, Великой Степи и поэтому мы — Евразия.

Старая Европа и новая Евразия

Тектонические изменения существующего миропорядка всё более заметны и отчётливы. На наших глазах происходит его трансформация и возникновение новой планетарной архитектуры. Возвышение Китая, возвращение России, внешняя поли-

тика Трампа, формирование Европы двух скоростей — все эти факторы будут определять наше будущее. Каким образом мы можем его помыслить через призму отношений основных игроков в Евразии?

Старая Европа в поисках себя

Раскол Евроатлантики из теоретического допущения приобретает черты актуальной реальности. «Брексит», снижение американских инвестиций в Европу, пошлины против европейских экспортёров в Америку, требования американского президента увеличить расходы на оборону до 4 %, попытки принудить покупать американский сжиженный газ вместо российского, расхождения по сделке с Ираном — далеко не полный перечень американо-европейских противоречий.

Они не исчезнут в ближайшее время, и Европейский союз будет вынужден становиться всё более самостоятельным и суверенным в экономике, внешней политике и оборонной сфере. При этом внутри ЕС и на его границах накопилось очень много серьёзных проблем, требующих системного решения.

Из самого очевидного — миграционный кризис, угрожающий серьёзным изменением демографического и социального баланса в странах старой Европы. Его первопричина — стратегические просчёты и пренебрежение проблемами безопасности на пограничье союза, позволившие возникнуть горячим точкам и массам беженцев на Ближнем Востоке и в Северной Африке. На горизонте маячит демографический взрыв вместе с всплеском радикализма в Тропической Африке, за которым неизбежно последуют новые волны штурмующих Европу.

Впрочем, и сама Европа не едина. Её разделение на ядро (Германия, Франция, Италия, Бенилюкс) и периферию (Восточная Европа и Балканы) заметно не только по уровню экономического развития. Это разделение имеет политический и идеологический фундамент.

В странах Балтии, Польше, Словакии, Венгрии, Румынии, Хорватии сильны евроскептические и националистические настроения, но геополитически многие из них ориентированы не на Брюссель, а на Вашингтон. Особенно это касается Прибалтики, Польши и Румынии, чьи власти видят себя эксклюзивными

проводниками американских интересов и антироссийским форпостом.

К этому можно добавить и сделавшую в результате государственного переворота «европейский выбор» Украину, которая стала камнем преткновения между ЕС и Россией.

Украина — такая же потенциальная проблема для Европы, как и Сирия. Деграция и распад этой одной из крупнейших стран, географически принадлежащих Европе, чреватые самыми серьёзными последствиями: от опасности, связанной с украинскими АЭС, до возникновения вооружённого неонацистского интернационала, тесно интегрированного с коррумпированной властью.

Все эти проблемы Европейский союз — прежде всего старая Европа — фактически должен решать в одиночку. США сейчас заинтересованы в изыскании средств для собственного развития и концентрации ресурсов внутри себя за счёт других — именно об этом все заявления и действия Дональда Трампа.

Европу принуждают оплатить билет в будущее для Америки. Европейские элиты, если и осознают это в полной мере, пока не способны самостоятельно взять ответственность за свою судьбу. Евроатлантическая солидарность слишком долго довлела над ними, но поведение англосаксонских элит, ставящих во главу угла только собственные интересы и выгоду, просто заставляет искать новые возможности и решения.

Восхождение новой Евразии

Украинский кризис, история с Крымом и все последующие события показали, что Россию не удастся сбросить с шахматной доски мировой политики. Россия вновь становится одним из силовых полюсов Евразии. Часть европейских элит видит в этом угрозу и потому солидаризовалась с позицией США, введя против России санкции, хотя это очевидно противоречит экономическим интересам Европы.

Россия избежала изоляции, инициировала создание Евразийского экономического союза, а недостающие ресурсы и технологии успешно находит и привлекает от других крупных держав, прежде всего Китая. На фоне противостояния с Евро-

атлантикой Россия и Китай формируют новую Евразию как экономическую и военно-политическую реальность.

Россия в этой реальности — очень мощная военная держава, обладающая самыми современными видами вооружения. Россия, ЕАЭС в целом — практически неисчерпаемый источник энергоресурсов — как углеводородов, так и ядерного топлива. Китай же в рамках проекта «Один пояс и один путь» с опорой на свои огромные финансовые ресурсы выстраивает континентальную транспортную инфраструктуру, которая должна связать воедино всю Евразию.

Россия в ближайшее время развернёт масштабную программу освоения Арктики, в том числе развития Северного морского пути, а климатические изменения будут этому только способствовать. Китай, безусловно, не останется в стороне, а европейские компании в случае продолжения политики санкционного давления, скорее всего, окажутся за бортом. Кроме того, по мере экономического усиления России, роста импортозамещения, они будут выдавливаться и со всего 186-миллионного рынка ЕАЭС.

России удалось решить внутренние проблемы, связанные с терроризмом, сепаратизмом, исламским радикализмом, и сейчас она решает их на дальних подступах — в Сирии. А в рамках Шанхайской организации сотрудничества идёт формирование общеевразийского механизма взаимодействия в сфере безопасности, экономики и политики.

В современной Евразии есть три очевидные суперсилы: Европейский союз, Россия и Китай. Россия в силу цивилизационных, культурных и религиозных причин близка Европе, нуждающейся в помощи как минимум в сфере безопасности, особенно на южных границах — там, где Россия уже успешно действует на примере Сирии.

Для ЕС и старой Европы наступает момент истины: дальше пребывать в положении больного человека Евроатлантики или черпать жизненную силу вместе с новой Евразией. Это вопрос будущего Европы. Ответ на него зависит от стратегической трезвости и дальновидности евробюрократии, а также от национальных элит и населения ключевых стран ЕС, где роди-

лась, развилась и воплотилась наяву сама идея европейского единства.

Ключ к Европе

Российская элита в последние три десятилетия не без оснований рассчитывала на союз и взаимопонимание с Европой. Даже ЕАЭС, основанный Россией вместе с Казахстаном и Беларусью, изначально был рассчитан на сопряжение с ЕС и создание единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока.

Двигателем сближения России и Европы чаще всего виделись тесные экономические российско-германские связи, особенно в энергетике. Даже сегодня в условиях новой холодной войны «Северный поток-2» образует дополнительные экономические скрепы между ними. Но политически Германия для России была и остаётся проблематичной.

Во-первых, потому что там очень сильно евроатлантическое лобби, блокирующее политическое сближение Германии и России.

Во-вторых, геополитические интересы этих стран пересекаются и часто сталкиваются в Восточной и Центральной Европе. Ближайший пример — Украина, где Германия сыграла важную роль в формировании европейских иллюзий.

В-третьих, чрезмерное усиление Германии как гегемона в Европе чревато возрождением немецкого милитаризма, а значит, угрозой большой войны.

Во Франции меньше евроатлантического снобизма и больше суверенитета, подкреплённого ядерным оружием, а также интереса к континентальному сотрудничеству с Россией. Однако ни де Голль, ни Ширак не сделали его прочным и долгосрочным. Кроме того, интересы Франции и России кардинально разошлись на Ближнем Востоке. Российский расчёт на приход к власти во Франции «Национального фронта» Марин Ле Пен и официальная её поддержка оказались тщетными, и это бросило дополнительную тень на перспективу российско-французского альянса.

Остаётся Италия — третья экономика ЕС после выхода из него Британии. У России и Италии нет пересекающихся гео-

политических интересов. Италия — четвёртый по значимости внешнеторговый партнёр России и всего ЕАЭС. Италия на 38 % зависит от поставок российского газа, в 2017 году она вышла на второе место в Европе по покупке газа среди клиентов «Газпрома» (23,8 млрд долларов).

Это очень важно, но всё же не главное. Главное то, что Италия до сих пор является производителем основных европейских смыслов.

Это римская идея, то есть идеи империи как единого упорядоченного политически и в правовом смысле пространства. Ведь ЕС изначально задумывался как реализация этой идеи. Это Ватикан и центр католического мира, сохраняющего традиционные ценности Запада. Это университет — институт, призванный извлекать и передавать знание, первоначально возникший в Италии и распространившийся оттуда. Это Возрождение — одна из наивысших точек развития европейской культуры. Это капитализм, родившийся в североитальянских торговых республиках. Это футуризм, фашизм и антифашизм — дети европейского модерна.

Италия — это ключ к Европе. При этом Италия остаётся промышленно и технологически развитым государством, в отличие от Греции, являющейся ещё одним первоначалом Европы, но не имеющей уже никакого значительного веса и влияния.

Сегодня Италия также находится в авангарде судьбоносных процессов — реформирования европейского политического ландшафта. Итальянские власти, вероятно, первыми могут поднять вопрос об отмене санкций в отношении России. В Италии возможно понимание необходимости помощи России для защиты южных рубежей Европы. В Италии есть живой интерес к экономическому, культурному и гуманитарному сотрудничеству с новой Евразией.

Понятно, что одного стремления итальянских политиков и общества к сотрудничеству с Россией и Евразийским экономическим союзом мало для того чтобы это стало императивом общеевропейской политики, но тут Италия может сыграть ключевую интеллектуальную роль. Есть все необходимые предпосылки и возможности для того чтобы осмысление роли и места

будущего Европы в контексте Большой Евразии началось именно здесь.

Евросоюз на пути к империи

Что такое империя?

Имеет ли Европейский союз черты неоимперского проекта? Отвечая на этот вопрос, обычно говорят о том, что ЕС — объединение добровольное, «постмодерное» и наднациональное, а потому никакие критерии империи или национального государства к нему неприменимы.

С этим трудно согласиться хотя бы потому, что «добровольность», «наднациональность» и даже «постмодерность» никак не отменяют наличия признаков имперской конструкции.

Обратимся к современным определениям империи от ведущих западных специалистов.

Майкл Доил определяет империю как систему *«взаимодействия между двумя политическими единицами, одна из которых — доминирующая метрополия, осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой, т.е. действующим суверенитетом другой единицы — подчинённой периферии»*.

Александр Мотыль полагает, что империя как *«иерархично организованная политическая система со ступицеподобной структурой — колесо без оправы — в котором элитное ядро и государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая посредниками в важнейших взаимодействиях и направляя ресурсы из периферии в центр и обратно на периферию»*.

Ричард Суни так подытоживает суть империи: *«это сложно сочинённое государство, в котором метрополия так или иначе отличается от периферии, а отношения между ними определяются метрополией и воспринимаются периферией как оправданное или неоправданное неравенство, субординация и/или эксплуатация»*.

Союз с признаками империи

А теперь попробуем соотнести эти определения с реальной структурой Европейского союза, в рамках которого мы имеем:

1) явное отличие метрополии (в политическом смысле это — Брюссель, в территориальном — так называемый «Голубой банан» — наиболее развитое экономически и индустриально ядро Западной Европы на стыке Франции, Великобритании и Германии) от периферии (стран Южной и Восточной Европы). Отличие это обусловлено разницей в экономическом и политическом весе;

2) метрополия доминирует над периферией, то есть именно Брюссель распределяет основные финансовые потоки, дотации, формирует единые технические стандарты, определяет внешнеполитические приоритеты. Распределение происходит в основном за счет территориальной метрополии, а степень контроля над периферией может быть достаточно жесткой, в чем можно было убедиться на примере финансового кризиса в Греции. Суверенитет входящих в ЕС стран во внешнеполитической сфере ограничен решениями органов ЕС, например как в случае с санкциями против России. Несмотря на антисанкционную политику ряда стран-членов ЕС, санкции все равно — в силе;

3) метрополия представлена элитой — евробюрократией, осуществляющей управление и контроль над национальными элитами, из которых кооптируются представители, разделяющие ценностный кодекс «архитекторов ЕС». Одновременно с этим с периферии (страны Прибалтики и Балканского региона) в метрополию идёт поток дешевой рабочей силы, еще более усиливающий неравенство и различие между ними.

Имперская идентичность

Можно задаться вопросом и о существовании европейской имперской идентичности. Есть ли она у евробюрократии, не говоря уже о простом населении?

В первом случае ответ будет зависеть от политических пристрастий многочисленных европейских чиновников и парламентариев. Естественно теми, кто придерживается радикальных левых и леволиберальных взглядов, а их в евроструктурах

немало, имперский дискурс будет восприниматься негативно и отрицаться, что обусловлено идеологической традицией.

Отрицать имперские признаки ЕС будут и национальные элиты ряда стран Восточной Европы, для которых признание добровольного перехода из одной империи (СССР) в другую (ЕС) фактически означает политическое саморазоблачение. Впрочем, иногда сами представители высшей евробюрократии весьма откровенны.

Бывший председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу в свое время заявил, что ЕС действительно похож на империю и является «неимпериалистической империей».

Националистические правые и правопоцентристы, а также влиятельные интеллектуалы из Германии, Франции, Австрии более восприимчивы к имперской образности и практике, для них это еще и часть национальной традиции.

Исследователь из Оксфорда Ян Зелёнка в своей книге «Европа как империя. Природа расширенного Европейского союза» убедительно показал, что Европейский союз все больше приобретает черты средневековой империи, такой как Священная Римская империя германской нации или империя Габсбургов.

В этом смысле немецкая федеральная традиция и попытки превратить ЕС в сильную федерацию — это тоже имперское наследие или даже имперская практика, направленная на демонтаж классических национальных государств.

Из стана евроскептиков регулярно доносятся обвинения в адрес ЕС именно за его «имперский» характер. Во время подготовки к референдуму о выходе Британии сторонники Brexit активно использовали «антиимперскую» риторику: «ЕС — это империя, хотя и не созданная военным завоеванием».

Военная сила ЕС, которой нет

И всё же для четкой диагностики «империи» уже хотя бы в силу происхождения самого этого термина, который связан не только с гражданской, но и с военной властью, необходимо понимание того, кто гарантирует безопасность внутреннего пространства и внешнего периметра границ.

В Европейском союзе эту функцию выполняют национальные вооруженные силы, спецслужбы и военно-политический

блок НАТО, который, в свою очередь, служит элементом американской сверхмощи.

Фактически это означает, что ЕС не имеет собственных вооруженных сил с наднациональным командованием и полностью полагается на возможности НАТО.

С этим связаны проблемы безопасности Евросоюза как дееспособной структуры, поскольку кризисы в Северной Африке, на Ближнем Востоке и последовавшая оттуда в Европу волна беженцев и террора свидетельствуют о серьезных проблемах ЕС именно в этой сфере.

Уже свершившийся выход Британии из ЕС, остановка Трансатлантического партнерства (ТТИП) и необходимость координации политики по обеспечению безопасности с Россией ставят на повестку дня вопрос о создании ЕС собственных вооруженных сил.

Об этом уже заявлял председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер. Об усилении управляемости ЕС, в том числе в сфере обороны и безопасности, шла речь и в просочившемся в прессу проекте реформирования союза, якобы предложенном МИД Германии и Франции как раз после британского референдума.

Элиты «старой Европы» и брюссельская метрополия в текущих условиях, очевидно, будут прилагать максимальные усилия для централизации и сохранения управляемости в ЕС по всем направлениям, то есть придания союзу большей «империчности».

Вопрос в том, удастся ли им обыграть США и их сателлитов внутри союза, которые как раз не очень заинтересованы в таком усилении.

От результатов этой игры, скорее всего, зависит и будущее ЕС — станет ли он новой империей или превратится в рыхлый союз национальных государств и транснациональных корпораций.

Макрон как идеолог ЕС

Во время встречи с Владимиром Путиным президент Франции Эммануэль Макрон заявил о том, что Россия — это евро-

пейская страна и он глубоко верит в Европу от Лиссабона до Владивостока. А верит ли на самом деле или просто хотел сделать приятное этим легковверным русским?

Чтобы понять истинное отношение европейцев к России лучше обратиться к выступлению Макрона после саммита Большой семёрки перед представителями европейской элиты и французскими дипломатами. Эта речь весьма примечательна. По сути, в ней Макрон выступает главным идеологом европейского проекта — ЕС.

Любопытно, что именно Макрон как лидер Франции взял на себя эту роль, а не экономически доминирующая Германия.

Макрон вели к победе на президентских выборах именно как Спасителя объединённой Европы. Германия и немецкие политики не годятся для такой публичной роли потому, что именно Франция выступает символом европейской субъектности, в Германии же сильны, с одной стороны, евроатлантические, проамериканские элиты, а с другой — растёт влияние России. Кроме того, европейская субъектность с немецким акцентом уже не раз заканчивалась катастрофой.

Европейские элиты выбрали самого привлекательного оратора для выражения своих планов. Макрон постоянно говорит о европейской цивилизации, европейском проекте и очень чётко отделяет его от Китая, России и США, хотя с последними европейцы всё ещё находятся в военно-политическом союзе.

То есть мировоззрение, в основе которого находится цивилизационный фактор, — это не удел кабинетных интеллектуалов, а нечто имеющее отношение к реальной политике и идеологии Европы.

Макрон точно описывает все основные вызовы, стоящие перед Европой: выбор между США и Китаем, кризис рыночной экономики, технологическая революция и экологические проблемы. В качестве ответа он видит возрождение европейского проекта, культивирующего гуманизм в духе идеалов Возрождения и Просвещения.

Как же он видит роль России во всём этом. Довольно критично.

«Проект европейской цивилизации не может продвигать вперед ни католическая Венгрия, ни православная Россия. Мы

же отдали инициативу двум этим лидерам. Я говорю об этом с большим уважением. Послушайте выступления в Венгрии или России: у этих проектов хватает различий, но они несут в себе культурную и цивилизационную жизненную силу, которую я лично считаю ошибочной, но вдохновляющей».

То есть Россия не может быть движущей силой европейского проекта и вообще ошибается, хотя она и проявляет завидную волю к жизни. Отношения с Россией Макрон характеризует как кризисные и фактически конфликтные:

«Дело в том, что мы подталкиваем Россию к изоляции, которая усиливает напряженность, или альянсу с другими крупными державами, такими как Китай, что совершенно не в наших интересах».

В то же время нужно отметить, что наши отношения выстраивались на недоверии и задокументировали его. Кибератаки, дестабилизация демократий, современный российский проект, который носит глубоко консервативный характер и противостоит проекту Евросоюза...

Корни всего этого уходят в 1990-е и 2000-е годы, когда произошла череда недопонимания, а Европа, безусловно, не сумела сыграть должную стратегическую роль, и создано ощущение, что она является троянским конем Запада, чья конечная цель заключается в разрушении России».

В России, в свою очередь, сформировались представления с прицелом на разрушение Запада и ослабление Европейского союза. Мы пришли именно к этому. Об этом можно сожалеть, можно остаться в состоянии позиционной войны, но это не отвечает нашим интересам».

Консервативный проект России, под которым, видимо, имеются в виду внутренние идеологические установки российской власти и внешний геоэкономический проект ЕАЭС, и противостояние с ЕС — такова диспозиция Франции и европейских элит по отношению к России. При этом президент Франции осознаёт, что выталкивание России из Европы чревато дальнейшей эскалацией и геополитическим союзом России и Китая, что представляется ему нежелательным.

Макрон предлагает «оставить» Россию в Европе и даже задуматься о некоем «общем фронте»:

«Я считаю, что для достижения только что заявленной мной цели — восстановление настоящего европейского проекта в движущемся к биполярной системе мире — совершенно необходимо сформировать общий фронт между Европейским союзом и Россией, задуматься о структурирующих сейчас Европу концентрических кругах и прийти к новым отношениям с Россией».

«Концентрические круги» — это архитектура власти и влияния внутри и вовне ЕС как неоимперской структуры. В центре находится старая, каролингская Европа (Франция, Германия, северная Италия, Бенилюкс), затем идёт Скандинавия, Южная, Средиземноморская Европа и совсем уже периферийная Восточная.

На пограничье — проекты, втягивающие и формирующие страны, не входящие в ЕС, например Восточное партнёрство, под европейские стандарты.

Для России, очевидно, предлагается нечто подобное, некая форма партнёрства, выгодная европейцам. Но при этом, когда идёт речь о границах Европы, о её эксклюзивном праве влиять на свою периферию, Россия предстаёт как неевропейская, чужая сила.

«А разрабатывать европейскую стратегию — значит задумываться о границах Европы. Это наши границы, наши соседи и это страны, которые, тем более, нас любят, и с которыми мы должны наладить отношения, чтобы не сыграть на руку неевропейским силам. В противном случае судьбу западных Балкан будут решать Соединенные Штаты, Россия и Турция».

В целом Россия воспринимается Макроном скорее как вынужденное зло, очередное усиление которого было неприятной неожиданностью, с которым сейчас нужно смириться, но умиротворить и вовлечь в свою игру.

«Взгляните на эту великую страну. Она вернула себе поле для маневра благодаря нашим слабостям. За последние пять лет Россия заняла исключительное место во всех крупных конфликтах. Это объясняется тем, что США, Великобритания и Франция оказались слабыми.

Были намечены красные линии. Затем их нарушили, но мы ничего не предприняли. Русские прекрасно все поняли и продвинулись вперед. Нельзя пытаться кого-то вытеснить, будучи слабым. Нужно выбрать логику. Руководствоваться логикой силы в отношениях с соседом не отвечает нашим интересам.

Россия максимизировала все свои интересы в текущих условиях: она вернулась в Сирию, Ливию, Африку, она участвует во всех кризисных ситуациях в связи с нашей слабостью и нашими ошибками. Но насколько устойчива такая ситуация? Мне так не кажется, и на месте России — нам всегда стоит ставить перед собой этот вопрос — я бы задумался.

Эта великая держава, которая направляет такие инвестиции на вооружение и внушает нам такой страх, находится на уровне Испании в плане ВВП, имеет дело с демографическим спадом и старением населения, растущей политической напряженностью. Сколько это может продолжаться, как вы думаете?

Думаю, что судьба России не в том, чтобы быть младшим союзником Китая. Поэтому нам нужно с помощью требующего больших усилий диалога и поставленных условий предложить стратегический вариант этой стране, которая, безусловно, поставит перед собой такой вопрос».

Здесь уже заметна игра на противоречиях — Россия противопоставляется Китаю, европейцы не должны допустить слишком тесного сближения основных конкурентных ей сил в Евразии.

Самое интересное и важное — это слова о стратегическом предложении России. В своё время Россия не раз делала их Европе и Западу в целом. Последний раз — при создании ЕАЭС, который вместе с ЕС должен был сформировать единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока. Но случилась Украина, и европейцы поспешили ввести против России санкции, заголосили о российской агрессии и уже ни о каком едином пространстве речи не идёт.

Макрон пытается привлечь Россию перспективой вернуться к этому вопросу. Так стоит ли доверять его словам?

Безусловно, для России, равно как и для её евразийских союзников — Казахстана, Беларуси и Армении — отношения с ЕС

очень важны, особенно их экономическое измерение. Мы все серьёзно зависим от поставок сырья в Европу. Но это взаимная зависимость.

Уклоняться от диалога и возможных проектов с ЕС, превосходящим наши совокупные демографические, экономические и технологические ресурсы невозможно и не нужно. Предложения Макрона и европейских элит, если они действительно последуют, необходимо внимательно оценить, изучить, проверить.

В ЕС существует интересное разделение сфер влияния. Если Франция занимается в основном Средиземноморьем и Магрибом, то «вотчина» Германии — Восточная Европа и Западная Евразия. То есть Украина, Беларусь и Молдова. Тут же «пасутся» Польша, Швеция и страны Балтии, но они скорее являются проводниками политики англосаксов в регионе. У немцев есть свой собственный интерес.

Но проблема Германии и её внешней политики в том, что этот собственный интерес не всегда проявляется и может быть подавлен евроатлантической солидарностью. «Северные потоки» они продавили, несмотря на сопротивление США и их сателлитов в Европе, а вот на Украине политика ЕС в целом и ФРГ в частности потерпела крах.

«Континентальная» партия в Германии, безусловно, нуждается в усилении, в том числе за счёт более активного участия в урегулировании кризиса на Донбассе, умиротворении и денацификации Украины. Шанс для немецкой политики — сдерживание милитаризма, особенно польского, поддержка и продвижение логистических проектов в рамках одного пояса одного пути.

Немцам нужно становиться более самостоятельными, чтобы не дать превратить Европу в очередное поле битвы, к тому же, кажется, французы, судя по заявлениям Макрона, уже готовы перехватить у них роль ведущей силы, определяющей основной вектор внешней политики ЕС.

Из речи Макрона можно сделать вывод о том, что Европа в очередной раз в своей истории подошла к точке бифуркации, прохождение которой определит не только её судьбу, но и повлияет на всю планету. Текущее положение в объединенной Ев-

ропе—ЕС не вызывает никакого оптимизма. Мы наблюдаем там кризис стратегического мышления, политической воли и — как закономерное следствие — кризис системы безопасности.

То, что европейские элиты не смогли предвидеть и предотвратить последствия «взрыва» Северной Африки и Ближнего Востока, который привел к наплыву беженцев, серии терактов и другим негативным явлениям, а также причастность к кризису на Украине, приведшему к резкому ухудшению отношений с Россией — это свидетельство их низкой компетенции, потери политического чутья.

Это обстоятельство дополняется тем, что по факту ЕС пока не является по-настоящему суверенным геополитическим субъектом, он до сих пор находится в фарватере американской политики, цель которой — не допустить превращение единой Европы в сильного глобального игрока.

Американцы хотят вовлечь европейцев в невыгодные сделки, результатом чего будет постепенное завоевание европейских рынков американскими корпорациями, вымывание мозгов в США, демографическое увядание и превращение Европы в периферию более мощной экономики, подобную той, которой является Прибалтика в рамках ЕС.

Совместное решение основных проблем безопасности Европы, нахождение новых импульсов для развития европейской экономики могло бы последовать из выстраивания тесных экономических и военно-политических отношений с Россией, ОДКБ и ЕАЭС — но этого не происходит и, видимо, в ближайшее время не произойдет.

Цель России и её союзников — не дать вовлечь себя в противостояние США и Китая, беречь силы и ресурсы для будущего, и эта цель совпадает с целями европейцев. Но сблизиться с ними можно очень аккуратно.

Никакого принятия европейской идентичности, у нас есть своя — евразийская. Никакого диктата и навязывания европейских ценностей — у нас есть свои. Разделение сфер преимущественного влияния. Нейтрализация, пацификация и денацификация Украины. Только конкретные взаимовыгодные проекты в области технологий, инфраструктуры, науки и образования.

С Европой можно говорить на равных только с позиции уверенности в собственных силах и ценностях. Иной подход будет воспринят как наша слабость.

Кризис глобального лидерства

Сегодня мы воочию наблюдаем одну из величайших иллюзий, возникших на переломе XX и XXI веков, о том, что крах советской системы приведёт к возникновению единого сообщества цивилизованных стран, готовых на равных разделить ответственность за судьбы мира. Если вспомнить слова Горбачева о «Европе от Атлантики до Урала», то именно они были внутренним мотивом той части советской элиты, которая стремилась интегрировать страну в коллективный Запад.

Этой же идеей были одержимы и российские младореформаторы в начале 90-х. Даже казалось, что у них стало получаться, но что-то пошло не так. Угроза потери Россией не только Чечни, но и всего Северного Кавказа, неизбежно запуская цепную реакцию распада государства, начала возвращать у высшего руководства России стратегическое понимание той ловушки, которую её готовили. Очень точно об этом высказался небезызвестный Збигнев Бжезинский: *«Россия встанет перед фактом, что нельзя бесконечно править такими огромными просторами с такими запасами полезных ископаемых, не входя в какое-то более крупное объединение. И это более крупное объединение — почти наверняка евроатлантическое сообщество».*

Как красноречиво показали события в Чечне, Дагестане, затем в 2008 году в Южной Осетии и, наконец, в 2014 году в Украине, Россию хотят не просто вовлечь в евроатлантическое сообщество, настаивая на допуске к управлению огромными территориями и запасами, лишить сферы геополитического влияния, но расчленив. Ведь отдельными «княжествами» управлять гораздо удобнее, чем обширной единой страной.

Миропорядок, образовавшийся на руинах СССР, оказался не наивной мечтой о равном партнерстве, а жесткой однополярной гегемонией. Но любой порядок оправдан тогда, когда он справедлив. А то, как последние 30 лет вели себя на между-

народной арене США и их союзники, вряд ли можно назвать справедливым управлением глобальным миром. Почему это так? Потому что их интересы и амбиции уже ничто не сдерживало, так как исчез реальный противовес. Потому что мир не стал более спокойным и безопасным — вместо одного фронта холодной войны с минимальными, как мы теперь уже понимаем, потерями, возникли сотни точек войны горячей, с массовым насилием и террором.

После военных операций в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии международный баланс сил стал исчезать вместе с авторитетом структур, которые должны были бы обеспечивать исполнение международного права и гарантировать безопасность. Причем такая ситуация обернулась бумерангом для тех, кто должен был предвидеть последствия подрыва того же Ближнего Востока. Речь идет о европейских элитах, чьи внешнеполитические и военные шаги находились в прямой причинной связи с возникновением долговременных очагов нестабильности непосредственно у границ Европейского союза.

Закономерно возникает вопрос, а решают ли что-либо сами эти самые европейские элиты? Может быть, именно слепое и покорное следование в фарватере американской политики в Европе обернулось для старой Европы дополнительными рисками и расходами? Собственная политическая воля и решимость у Брюсселя, Берлина и Парижа если и просматриваются, то очень и очень скромные и это тоже следствие однополярности и подчиненного положения в её рамках.

США, очевидно, не заинтересованы в усилении Евросоюза, в том, чтобы у него появилась независимая от них и НАТО внешняя и оборонная политика. В экономической сфере Америка рассчитывает на подчинение Европы, означающее фактическое поглощение национальной экономики европейских стран американскими транснациональными корпорациями. По сути, американцы хотят проделать с европейцами то же самое, что последние сделали с прибалтами, — превратить в технологическую, демографическую периферию.

В Европе многие понимают, какая роль им уготована в рамках этого плана восхождения к безусловному американскому доминированию на планете. Именно поэтому там все сильнее

звучит критика евроатлантической солидарности и брюссельской бюрократии, не очень способной противостоять давлению, и все большую популярность набирают левые и правые евроскептические партии, выступающие за суверенитет национальных государств в политической и экономической сферах.

Европа сейчас переживает один из самых драматических моментов в своей истории. Перед ней стоит выбор пути дальнейшего развития. Если верх возьмут силы, ориентированные на подчинённую позицию Европы по отношению к США, желающие изоляции и экономического удушения России и её союзников, тогда судьба Европы окажется печальной. Если же в Европе ещё есть силы, способные провозглашать и отстаивать её настоящие интересы, лежащие в том числе в создании Большого континентального пространства в Северной Евразии, то тогда она имеет шанс на возрождение и великое будущее.

Непреодолимое отставание от коллективного Запада через систему масштабных экономических, торговых и финансовых союзов — долговременная стратегия США. Суть этой стратегии в том, что формируются новые правила, нормы, технические и технологические стандарты и регламенты. Те, кто с ними соглашаются, признавая при этом юрисдикцию наднациональных судов, получают доступ к огромным рынкам и инвестиционным ресурсам. Основные выгодополучатели — все те же транснациональные корпорации и американское государство, отстаивающее их интересы.

Такие страны, как Россия и Китай, должны остаться за бортом этой глобальной системы экономических связей и быть аутсайдерами в процессе определения её новых правил. Президент Барак Обама даже не скрывает этого: *«Америка должна диктовать условия. Другие страны должны играть по правилам, которые устанавливает Америка и наши партнеры, а не наоборот... Мир изменился. А с ним меняются и правила. И устанавливать их должны США, а не страны, подобные Китаю».*

Как видим, дело не в том, что только России не находится достойного места в мире американской доминации в качестве равноправного, целостного государства со своими интересами, но и Китаю. Все должны следовать только американским правилам и стандартам. Конечно, это неприемлемо. Подоб-

ное навязывание и такие цели будут вызывать сопротивление и стремление найти иных лидеров, предлагающих иные модели интеграции и сотрудничества. Кризис американского безальтернативного лидерства заключается не в том, что США уже не «тянут», а в том, что дальнейшее игнорирование ими других игроков на международной арене приведёт к ещё большим дисбалансам и противоречиям.

Образование Евразийского экономического союза, деятельность Шанхайской организации сотрудничества, китайская инициатива Пояса и пути — всё это интеграционные формы, которые должны способствовать тому, чтобы большие и малые государства на нашем континенте имели шанс не остаться на обочине развития, а возможно, и предложить свой план на глобальном уровне.

Сейчас идёт сложный процесс становления и сопряжения разных проектов, согласования многих интересов и возможностей, но другого выхода нет. Либо ведущие, самые инициативные государства Евразии предложат и реализуют собственный образ будущего, либо они будут включены в чужую пирамиду ценностей и притязаний. Для нас ключевая задача не стать очередным буферным пространством, разделяющим Европу от Китая, а быть точкой сборки Большой Евразии.

Пандемия коронавируса обнажила почти все слабые места современного мира, которые считались его неоспоримыми преимуществами: глобальная экономическая связанность, открытость границ, мобильность. И главный удар был нанесён именно по основным выгодополучателям от этого. Мы воочию увидели пределы глобальности и то, как быстро мир может фрагментироваться, возвращаясь к казалось бы уже давно оставленным в прошлом барьерам в виде хорошо охраняемых границ, сугубо национальных юрисдикций и масштабных карантинных.

Всё это вряд ли отменит глобальный мир, но может существенно изменить его. Этот вирус явно не последний, и сознание переживших его уже будет готовиться встретить в будущем нечто подобное или гораздо худшее. А это значит, что государства должны будут обратить внимание на состояние своих систем здравоохранения, делая акцент на готовности противостоять подобным эпидемиям. И похоже, что государства с возможно-

стями массовой госпитализации, а не с индивидуально-частным подходом оказываются к ним более подготовленными.

Будут всё больше востребованы технологии, позволяющие контролировать большие массы людей, распознавать их личности, ранжировать по степени различной опасности или безопасности — так в нашу жизнь в разных формах войдут различные системы тотального контроля и социального ранжирования, которые сейчас всё ещё критикуются как нарушающие права человека. Требования безопасности оправдают их повсеместное применение. Технологии, позволяющие организовать дистанционную коммуникацию, обучение, рабочий процесс и управление будут всё более использоваться и совершенствоваться.

На планете будет происходить перераспределение лидерских ролей. Тот, кто раньше вошёл в пандемию, смог мобилизоваться и выйти из неё, раньше начнёт восстанавливаться и теснить конкурентов. Вероятно, Китай воспользуется этим для укрепления своих позиций в Европе. Борьба за европейское наследство может стать основным сюжетом постпандемической эпохи.

Пандемия коронавируса может оказать влияние на все существующие союзы, в том числе образованные вокруг России, которая в этой ситуации всё меньше оглядывается на союзников и привыкает действовать исключительно исходя из своих собственных интересов. Кто хочет — пусть подтягивается за лидером и принимает его правила — такой подход будет преобладать. Видимо, до тех пор, пока своё влияние не проявит усилившийся уже на всём российском пограничье Китай, наглядно показавший успешной борьбой с болезнью преимущества своей политической и экономической системы всему миру.

Мир фрагментируется, но его фрагменты будут пересобираться по-новому, в новых конфигурациях, где будут возникать обширные фронтальные зоны, включающие территории, ранее входившие в ядро одного из блоков. На фронтах будут пересекаться, противоборствовать интересы разных сил: реликтовых ядер, новых лидеров и собственные национальные амбиции. Наступает время всевозможных гибридов: «востокзапада», «североюга», сочетания авторитарного и демократического, технологичного и архаичного.

Для нас это не просто проверка на прочность союзных отношений и проектов, это возможность участия в конструировании новой реальности. Для того чтобы оспаривать несправедливое доминирование одной очень мощной державы или сотрудничать на равных с другой — надо иметь прочный внутренний стержень: политический, идеологический, промышленный, логистический. А это значит, что мы должны бороться за собственный суверенитет и лидерство в новом мире.

Чем Запад ответит Путину?

После того как у представителей западной политической элиты улягутся первые впечатления и эмоции от военно-политической части послания Владимира Путина (а именно им в первую очередь она была адресована), где он продемонстрировал новое российское супероружие, Запад, без сомнения, будет предпринимать ответные меры.

Очевидно, что военные ведомства и спецслужбы после детального «разбора полётов» на предмет того, почему они прозевали такое впечатляющее усиление России и колоссальную программу перевооружения российской армии, получат дополнительные аргументы для увеличения собственного финансирования.

Россия демонстрирует, что она обеспечила если не военнотехнологическое превосходство, то, по крайней мере, паритет с Соединёнными Штатами и не боится военных угроз и давления с их стороны. Россия готова к войне.

Естественно, это не остановит милитаризацию планеты, но остудит горячие головы тех, кто уже просчитывал варианты нанесения военного удара по России. Скорее всего, именно такая перспектива, основанная на разведанных и их анализе, была основной причиной повышенного внимания президента Путина к описанию многократно возросшей боевой мощи российской армии.

Прямого столкновения, судя по всему, удастся избежать. Но значит ли это, что Запад смирится с дерзким вызовом для своей гегемонии в мире со стороны России? Вряд ли.

Вместо многозатратных и долговременных попыток превзойти Россию в военных технологиях западные стратеги, вероятно, могут предпочесть асимметричные ответы. Например, ещё больше усилить санкционное давление, особенно касательно гражданских технологий.

Могут попытаться сдерживать технологическое развитие России как раз для того чтобы простые граждане страны не почувствовали улучшения качества жизни, инфраструктуры, роста благосостояния. Одновременно будут играть на противоречиях внутри российской элиты, бизнес-интересы значительной части которой завязаны на Запад.

То есть будут отработывать внутреннюю повестку для того, чтобы увеличить разрыв между социально-экономической ситуацией в России и её внешнеполитическим позиционированием.

Но и это далеко не всё, тем более что российское общество надолго сплотилось вокруг армии, лидера и озвученной им миссии. Да и внутриполитическая ситуация в России в целом контролируется и предсказуема.

Более всего асимметричный ответ Запада проявится на ближнем рубеже России и у её союзников.

Позиции России именно там уязвимее всего, дестабилизация ситуации там будет бить по имиджу российского президента, и вытягивать из России всевозможные ресурсы, которые могли бы быть направлены на внутреннее развитие.

Точки с уже существующими или замороженными конфликтами первыми приходят на ум: Украина — Донбасс, Молдова — Приднестровье. Интерес США в том, чтобы эти точки были в постоянном напряжении, а ещё лучше спровоцировать там Россию на применение силы.

В связи с этим на Украине будут накачиваться «партия войны» и националистические группировки, а также увеличатся поставки американского летального оружия. В перспективе всё это должно привести к полной денонсации Минских соглашений и возобновлению войны. С последующим вовлечением в неё России и очередным пакетом западных санкций по всем чувствительным позициям.

Молдова реально расколота, и президенту Игорю Додону вряд ли удастся решающим образом склонить чашу весов на

свою сторону после парламентских выборов осенью этого года. Попытка сделать это с опорой на народные массы может привести к началу гражданского противостояния с непредсказуемыми последствиями, поскольку в него сразу же будут вовлечены внешние силы: НАТО, Румыния и Украина на стороне унионистов и прозападной части молдавского общества и Россия на стороне поддерживающих президента Додона, Приднестровья и гагаузов. Пока там сохраняется хрупкий баланс сил, но он может быть мгновенно нарушен в случае изменения геополитической конъюнктуры.

Беларусь в качестве основного экономического и военно-политического союзника России в Восточной Европе — очень привлекательная цель для удара по её интересам. Можно предположить, что ресурсы и кадры, освободившиеся после удачного переворота на Украине, будут переориентированы именно сюда.

Беларусь будет крайне чувствительной точкой для России в случае её дестабилизации. Поэтому сюда будут кинуты лучшие специалисты.

Мы можем ожидать усиления информационно-пропагандистской работы ради провоцирования раскола и недоверия между Беларусью и Россией, особенно между элитами, подогревания националистических настроений, усугубления экономических споров и противоречий.

Аналогичный подход возможен и в Казахстане. Страна переживает длительный транзит власти. Это очень удобное время для дестабилизации. Социальное расслоение, националистические притязания, религиозный фундаментализм — всё это может быть использовано там для расшатывания внутриполитической ситуации.

Киргизия и особенно Таджикистан — также весьма вероятные цели. Прежде всего там могут проявиться угрозы из соседнего Афганистана, ставшего постоянным очагом напряжённости в регионе.

То есть США и их союзникам будет выгодно размораживать конфликты у границ России или создавать новые. Это гораздо дешевле и эффективнее для её ослабления, чем соревноваться в

гонке вооружений. В любом случае послание Путина обозначило очень серьёзный рубеж, после которого пути назад уже нет.

Лучший способ справиться с вероятной ответной реакцией Запада — укреплять не только обороноспособность, но и социально-экономическую сферу России для того чтобы страна была привлекательной и для своих граждан, и для союзников.

Владимир Путин особо подчеркнул, что гарантирует защиту и последним:

«Любое применение ядерного оружия против России или её союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями».

Союзникам же стоит готовиться к моменту истины, когда наши отношения будут проверяться на прочность уже не на словах, а в делах. России понадобится наша помощь.

Правый интернационал

Стивен Бэннон, бывший политический советник и идеолог Дональда Трампа пытается создать в Европе «Движение» (The Movement), состоящее из правых, евроскептических и националистических партий. Предполагается, что «Движение» Бэннона должно стать чем-то вроде правого аналога структур миллиардера Джорджа Сороса — известного проповедника либеральных ценностей.

Бэннон, благодаря усилиям которого Трамп одержал победу на президентских выборах, планирует создать мощный политический блок из европейских правых партий: «Национального фронта» (Франция), «Лиги Севера» (Италия), «Альтернативы для Германии» (ФРГ), «Партии свободы» (Австрия), «Фидеш» (Венгрия), «Шведских демократов», «Истинных финнов» и т.д.

Ближайшая политическая цель — формирование коалиции ради успешного участия в выборах в Европарламент в 2019 году. Консервативные круги в России с воодушевлением восприняли эту новость, видимо, полагая, что новое движение Бэннона

станет естественным союзником в противостоянии глобализму. Насколько оправданы эти надежды?

Чего хочет Бэннон

Несмотря на то что Стив Бэннон покинул политический штаб Трампа и даже обвинил его в своей книге в предательстве, тем не менее именно Бэннон может считаться создателем идеологии «трампизма» — консервативной реакции американского общества, белого среднего класса, «реднеков» на десятилетия политического и медийного господства либерального истеблишмента.

В сражении с ним Бэннон вынужден был отступить, уйдя с внутривнутриполитического поля на внешние рубежи. Но и здесь он будет разворачивать то, с чем Трамп и его команда шли на выборы и победили.

Лозунг «Сделаем Америку вновь великой» означает то, что все ресурсы должны быть направлены на внутреннее развитие США, прежде всего экономическое и технологическое.

Над Америкой нависла реальная угроза потери планетарной гегемонии, и стратегия Трампа заключается в том, что необходимо максимально «сосредоточиться», избегая распыления сил и ресурсов на глобальные торговые и финансовые инициативы, такие как ТТИП и ТПП.

В рамках этих задач перед США стоит проблема сдерживания развития Китая, Европейского союза и России, которые рассматриваются в качестве факторов, потенциально опасных для восстановления неоспоримого влияния и мощи США в будущем.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать появление «Движения».

Конечно, создаётся оно вовсе не для того чтобы вместе с российскими правыми консерваторами одолеть коварных глобалистов. Оно создаётся как плацдарм американского влияния в Европе, но уже не под маркой общности западных либеральных ценностей, вера в которые в последнее время изрядно поколебалась. Создаётся оно с целью использовать правый популизм и национализм в европейских странах для ослабления или даже разрушения ЕС.

Европейский союз в картине мира Трампа и Бэннона — это уже не однозначный евроатлантический союзник и партнёр, а скорее соперник, конкурент и даже «враг».

Европа как поле битвы

Американские стратеги и политтехнологи наверняка очень внимательно изучили российский опыт работы с правыми, евроскептическими партиями и движениями в ЕС. Скорее всего, этот опыт даже был признан стоящим того, чтобы перенять.

Хотя надежды на то, что во Франции, одной из ключевых стран ЕС, к власти придёт лояльная России Марин Ле Пен и её «Национальный фронт», не оправдались, тем не менее коалиция правых популистов стала правящей в Италии. Один из её лидеров Маттео Сальвини, министр внутренних дел Италии, говорит о необходимости снять с России европейские санкции. Правда, пока непонятно, насколько это возможно и сможет ли Италия в одиночку преодолеть сопротивление евробюрократии.

В любом случае такие американские политические тяжеловесы, как Бэннон, видят в российской активности в Европе одновременно пример и вызов для себя. В конце концов, по их мнению, Америка тоже имеет право влиять на европейскую политику и лоббировать в европейских органах власти выгодные себе позиции и решения.

И можно не сомневаться, что расчёт может оказаться верным. Американцы могут просто перекупить европейских правых, как это бывало, например, со многими европейскими левыми во время холодной войны.

Несмотря на все трещины, появившиеся в здании евроатлантического единства, не стоит недооценивать всеобъемлющие экономические, финансовые и личные связи европейских и американских элит, не идущих ни в какое сравнение ни по количеству, ни по статусу с европейско-российскими.

Таким образом, США в лице Бэннона и его «Движения» вступают в битву за Европу, но Европу, раздробленную на национальные «княжества», исключённую из континентального союза с Россией и Китаем, подчинённую в конечном итоге уси-

лившейся после «сосредоточения» и нового технологического рывка Америке.

Понимают ли это в Брюсселе и в основных европейских столицах? Видимо, да.

План Юнкера о новой индустриализации Европы, намерения создать европейскую армию и спецслужбы, план Макрона об усилении централизации в ЕС — всё это ответы на новую ситуацию в отношениях с США и Россией. ЕС стремится отстоять свою субъектность и суверенитет как перед внешними силами, так и в отношении национальных правительств.

Выбор между Евразией и Евроатлантикой, балансирование между ними станут определяющими для политики Европейского союза в ближайшие годы.

А что Россия?

Прежде всего не надо питать никаких иллюзий в отношении Трампа, Бэннона и курса новой американской администрации. Никакого «нашего» Трампа не существует.

Стив Бэннон, например, весьма красноречиво высказывается о российской власти: «Я думаю, что Путин и его приятели — это на самом деле клептократия и она является империалистической силой, стремящейся к экспансии». Бэннон апеллирует понятием «иудео-христианского Запада», и Россия в его представлении, имеющая скорее евразийскую, а не западную сущность, может быть всего лишь тактическим союзником в противостоянии с исламским миром, но самое главное — с Китаем.

В этом Бэннон сближается с патриархом американской стратегии Генри Киссинджером, который, похоже, сегодня ратует за своеобразную инверсию трюка, проделанного в своё время с КНР, когда на неё была сделана ставка в противостоянии с СССР. Сейчас Киссинджер, Бэннон и разделяющие их взгляды представители американской элиты рассматривают Россию как такой же противовес чрезмерно усилившемуся Китаю, который можно и нужно склонить на свою сторону и использовать в своей игре.

Следование в русле этой стратегии, сближение с евроатлантическим правым интернационалом, если он всё же возникнет,

являются для России насколько заманчивым, настолько и рискованным шагом.

С одной стороны, от США и Запада в целом взамен на участие в сдерживании Китая и Ирана можно требовать уступок по украинскому вопросу и доступа к необходимым технологиям.

С другой стороны, вовлечение в антикитайскую активность может привести к гораздо большим издержкам в области экономической и военной безопасности, особенно если США не удастся сдержать рост влияния и могущества Китая.

Россия должна играть в свою игру, и, кажется, что сейчас она таковую ведёт, исходя из своих интересов, балансируя между США, ЕС и КНР. Но стратегически для России нет альтернативы континентальной логике, т.е. ставке на создание Большой Евразии и своей ведущей роли в этом становлении.

Это значит, что интересы России и США всё равно разойдутся, а в ЕС они парадоксальным образом могут совпасть с интересами элит, заинтересованных в сохранении европейского единства как идеи и Европейского союза как института.

IV. ЕВРОПЕЙСКАЯ САРМАТИЯ

Польша — Сарматия

Польша относится к числу тех стран, у которых есть «две души», то есть в культурной и политической традиции присутствуют два ярко выраженных полюса. Например, в России — это западники и евразийцы, в Германии — евроатлантисты и приверженцы *Sonderweg* и *Ostorientierung*. Такая же полярность издревле характерна и для Польши.

Обычно, в качестве полярных традиций вспоминают пястовскую и ягеллонскую идеи, в основе которых лежит внешнеполитическая линия двух польских королевских династий. Для первой династии Пястов было характерно повышенное внимание к западным рубежам государства, защита своей территории от немецкой экспансии. Династия Ягеллонов, наоборот, основной вектор приложения своих усилий видела на Востоке, а ягеллонская доктрина подразумевает создание в Балто-Черноморском Междуморье геополитического блока с включением восточных земель: Литвы, Беларуси, Украины и далее.

В XX веке межвоенная Польша Юзефа Пилсудского в целом следовала ягеллонской линии, а просоветская ПНР, получившая бывшие немецкие Силезию и Поморье, скорее, соответствует пястовской. Армия крайова воевала, в том числе против советских войск за *kresy wschodnie*, а Армия людова за освобождение от немцев и была союзником Красной Армии.

Есть и ещё один аспект польской полярности, связанный с этногенетическими доктринами Средневековья и Нового времени. Долгое время в Польше соперничали две идеи: вандалская, которая связывала происхождение поляков с германским племенем вандалов и сарматская, выводившая происхождение

шляхты от воинственных ираноязычных кочевников-прародителей всех славян.

Каждая из них предполагала определённую идеологическую программу. Польша—Вандалия — это страна германского культурного круга, тесно связанная с Западной Европой, славянская культурная и языковая идентичность отодвинута на второй план. Польша—Сарматия — ориентирована на восточное славянство, но, скорее, на подчинение и колонизацию. Сарматская доктрина — мессианская, в рамках которой сарматы-шляхтичи преподносятся как носители и проповедники истинной католической веры и культуры на Востоке.

Глубокое внутренне деление Польши на Германию—Вандалию и Европейскую Сарматия не только отображалось на средневековых картах, но и, в определенном смысле, соответствовало стремлению к постоянным разделам Польши между политическими Германией и Россией—Сарматией. Сарматия совершенно формально делилась на Европейскую и Азиатскую, которая простиралась до Тихого океана, Польша пыталась доминировать в Европейской, но только России удавалось объединить её всю.

В сегодняшней Польше доминирует ягеллонско-сарматская традиция. Польские власти и большая часть общества поддерживают идеологическую и культурную экспансию на восток, привлечение оттуда кадров и рабочей силы, основную геополитическую угрозу видят в России. Вместо католической веры и культуры продвигаются «демократические» европейские ценности и антироссийская национальная идентичность.

В России и Беларуси это, по вполне понятным причинам, воспринимается как недружественная политика, направленная на восстановление польского доминирования на пограничье Восточной Европы и Западной Евразии. Однако возможен и несколько иной взгляд: польская сарматская традиция может быть обращена и внутрь самого польского общества с совершенно иным знаком — евразийским. Сарматизм как польский ориентализм и вовлечённость в восточнославянскую (русскую) стихию может быть фактором евразийской ориентации Польши.

Сегодня это кажется неправдоподобным, но, например, один из самых известных польских историософов Феликс Ко-

нечный, сравнимый по значению для Польши с Данилевским, Шпенглером и Тойнби, рассматривал сарматскую Речь Посполитую, особенно после Брестской унии, как носителя не латинской (западноевропейской), а туранской (евразийской) цивилизации, центром которой в то время он видел Беларусь и Запорожскую Сечь. Даже авторитарного правителя II Речи Посполитой Юзефа Пилсудского он рассматривал как политика туранского типа.

Сарматизм — сложное и противоречивое явление, своеобразное польское евразийство, долгое время соперничавшее с русско-российским. Продолжается это и по сей день на евразийском фронтире — в Беларуси, Украине и Литве. Но можно ли каким-либо образом обратить сарматско-ягеллонскую традицию вспять и сделать её не фактором конфронтации, а сближения и взаимопонимания?

Безусловно, это очень сложная, но интересная задача. Сарматская традиция, победившая в Польше в силу геополитических и демографических причин традицию вандальскую, действительно отделяет и отдаляет Польшу от германской Европы, смещая акценты на её (восточно) славянских корнях и связях. Сарматизм — это и символ восточного: русского, иранского, тюркского — влияния на польскую культуру, ставящий под сомнение её романо-католический монологизм. Сарматско-ягеллонская идея как идея полиэтническая и имперская является братом-близнецом русско-российской имперской идеи, только менее удачливой в отличие от последней.

Это во многом объясняет польское отношение к России — в нём присутствует в равных долях ревность, зависть и восхищение тем, что не получилось сделать самим. Польша так и не смогла фундаментально овладеть европейско-евразийским фронтиром, а Россия делала это не раз, причём дважды включая Польшу в свою платформу: в Российской империи и во времена СССР.

Кстати сказать, советское время, при всём критическом к нему отношении современных польских властей, для развития Польши было крайне богатным как в плане территориальном, так и демографическом (на западе были присоединены промышленно развитые провинции, а на востоке — Белосто-

кская область со значительным процентом легко ассимилируемого белорусского населения), что сделало из Польши моноэтническую страну, более удобную для развития и управления в трудное послевоенное время. Современным, отнюдь немалым, вполне справедливым размерам и границам, Польша обязана Советскому Союзу, равно как и освобождением от немцев.

После событий на Украине эта ситуация начинает меняться. Многочисленные трудовые мигранты-украинцы (по разным оценкам, сегодня в Польше их находится до 2 млн человек, и это число постоянно растёт), а также значительное число выходцев из Беларуси (200–300 тыс.) делают Польшу более восточной, более *сарматской*, и рано или поздно эти люди начнут влиять на внутреннюю ситуацию в стране. В этом нет ничего страшного.

Позитивный сценарий для Польши видится в развитии и поддержке *сарматской* линии, но с иным содержанием. Евразийский, сарматский элемент может быть предложен в качестве платформы взаимопонимания с партнёрами по Большой Евразии, где Польше отведена важная и чрезвычайно доходная роль моста и ворот между Европой и Евразией.

В логике континентальной геополитики быть таким мостом между Западной Европой и Евразией для Польши было бы очень выгодно, но главное препятствие в политическом сознании польских элит и общества, в духе противоречия русским и немцам, заставляющим использовать своё геополитическое положение не для, а против объединения Евразии.

Чтобы это исправить, польскому обществу и государству необходимо будет проделать серьёзные усилия над собой:

а) найти общий язык с Россией, Беларусью, возможно, Украиной, прекратив направлять экспансионистские импульсы в эту сторону;

б) приняв значительное число украинцев и белорусов в качестве равноправного элемента польского общества, становящегося всё более полиэтничным и многоконфессиональным, уважать их право на свои язык и религию;

в) осознать необходимость и принять активное участие в трансевразийских логистических и иных проектах, что означает также для Польши стать более суверенной, ориентированной на собственные национальные интересы в отношениях с США.

Очевидно, что это благожелательная программа-максимум для Польши, какой она видится с восточной, евразийской стороны. В самой Польше, она, вероятно, будет восприниматься крайне критично, если не отрицательно, но соседей не выбирают, а если уж в польской культуре сильна сарматская традиция, то тем более нужно прислушаться к голосу *сарматских* братьев с Востока.

Польша как барьер континентальной интеграции в Евразии

После Брежневского пакта поляки стремятся стать основным военно-политическим союзником США в Европе. Американцы также понимают, что не могут полагаться в достаточной степени на ключевые страны ЕС: Германию, Францию, Италию, поскольку их элиты и население далеко не такие энтузиасты евроатлантической солидарности, как периферийные Польша и Прибалтика.

Вместо Дональда Трампа на годовщину начала Второй мировой войны в Варшаву прибыл вице-президент США Майкл Пенс, где заключил с поляками выгодные для США сделки.

Во-первых, пока подвис вопрос с военной базой «форт Трамп» в связи с возможной ответной реакцией на неё России и Беларуси, Польша продолжит закупать у США новейшее вооружение, причём по завышенным ценам. Если поляки готовы платить американцам — те пользуются.

Во-вторых, польское правительство отказалось от планов введения специального налога на компании, работающие в ИТ-секторе, где преобладают именно американские фирмы. Это серьёзная уступка со стороны Польши на фоне того, что подобные налоги вводятся во Франции и Великобритании, естественно, вызывая критику со стороны США как ограничивающие свободную конкуренцию.

В-третьих, американцы заставили Польшу отказаться от планов развития и строительства сети 5G-связи с помощью китайцев, чем сами фактически ограничили свободную конкуренцию. Для Америки это совершенно неприемлемо, она обвиняет китайские корпорации в том, что устанавливаемое ими оборудо-

дование может быть использовано в разведывательных целях, в частности против американских баз в Европе. В Польше такую сеть построят американцы.

Американцев очень беспокоит растущее влияние и присутствие Китая в Европе. Во время посещения Украины Джон Болтон в ультимативной форме требовал от Киева остановить продажу авиационного предприятия «Мотор Сич», чем вызвал необычно резкую отповедь со стороны посольства Китая в Киеве.

Очевидно, что между КНР и США обостряется борьба в третьих странах и это борьба уже разворачивается в Восточной Европе. Польша и дальше будет оставаться послушным проводником американских интересов, пусть даже и в ущерб себе.

Американцы ожидают от Польши более активной роли на передовой борьбы с Россией в Междуморье — создания барьеров, мешающих влиять России на западноевропейскую политику. Кроме того, поставлена задача создавать такие же барьеры и против всего континентального альянса в Евразии под эгидой Китая и России, простирающегося от Шанхая до Бреста Белорусского.

Подобная ситуация может длиться несколько десятилетий, и США помогут Польше в масштабном перевооружении своей армии, в результате чего у неё появятся новые значительные сухопутные силы, которые должны стать первым номером в противостоянии нового поколения, в гибридной войне.

Американцы хотят от Польши выполнения нескольких условий: пространство Междуморья не должно быть связано с китайской инициативой «Одного пояса одного пути», на Польшу возлагается миссия крепости Евроатлантики, перекрывающей возможности континентального сообщения. В то же самое время регион, отданный в зону ответственности Польши, должен быть связующим звеном между Западной Европой и странами на Востоке, которых необходимо выводить из-под российского влияния.

Польша должна выполнять функцию прочной границы и «мембраны», через которую будет осуществляться американская политика в Восточной Европе и Западной Евразии (Украина, Беларусь, Молдова, Закавказье). Но также, в рамках Евро-

пейского союза, в отношении Германии, особенно после выхода из ЕС Великобритании.

Междуморье, Троеморье и другие конструкции, возникающие между Адриатическим, Чёрным и Балтийским морями на оси Север—Юг, предназначены для того чтобы уравновесить влияние Германии на континенте. Это может произойти, если после Брекзита ЕС совершит поворот от Евроатлантики к континентальной политике и укрепит экономическое ядро континента на основе Германии с приглашением к сотрудничеству России или Китая, но без англосаксов и их экономического и финансового влияния.

Тогда Речь Посполитая станет барьером для стратегического транзита и формирования континентального блока. В этой связи поляки должны развивать связи между Севером и Югом Европы, добиваться от США содействия в энергетической сфере и распределении американского газа в регионе трёх морей из балтийских портов Польши.

В технологической войне, начинающейся между США и Китаем, Польша должна быть однозначно на стороне США, даже если поляки несут при этом материальные потери или теряют потенциальные материальные выгоды.

Для Беларуси, России и Китая из всего этого следует вывод, что необходимо прорабатывать альтернативные польскому транспортные коридоры с выходом на Западную Европу. Самым надёжным видится развитие транспортного треугольника Минск—Москва—Санкт-Петербург.

Угроза из-за Буга

*Помни, ляша, па Буг — наша.
Белорусская народная поговорка*

На саммите руководителей стран-участниц СНГ белорусский президент Александр Лукашенко сказал, что тема безопасности была центральной во всех обсуждениях и добавил, что беспокоит лично его:

«Даже мы, казалось бы, спокойная Беларусь, постоянно об этом говорим, учитывая ещё и те опасности и вызовы, которые таят в себе действия западных государств и НАТО у наших границ, у границ Союзного государства».

Речь прежде всего идёт о Польше, которая в последнее время предпринимает последовательные шаги по милитаризации.

В частности, 17 сентября 2018 года в сухопутных войсках Польши была официально создана четвёртая дивизия, очевидно ориентированная в сторону Беларуси. 18 сентября во время визита польского лидера Анджея Дуды в США прозвучало предложение разместить американскую базу в Польше и выделить до 2 млрд долларов из польского бюджета для создания соответствующей инфраструктуры. В 2019 году в Польше также введут в строй и базу ПРО США.

Очевидно, что Варшава активно вооружается, изменяя баланс сил в регионе и, по сути, создавая новые вызовы и угрозы для союза Беларуси и России.

Но милитаризация Польши — это только вершина айсберга, отражающая серьёзные изменения в польской политике и экономике. Какие это изменения?

Усиление Польши

Польша, в отличие от стран Прибалтики и большинства государств Восточной Европы, вступивших в ЕС и НАТО, смогла грамотно использовать появившиеся возможности для собственного развития.

За первое десятилетие в составе ЕС Польша получила более 100 млрд евро субсидий. На сегодняшний день польская экономика является шестой по величине в ЕС с ежегодным приростом ВВП с 2010 года на уровне 2–4,5 %. Рост польской экономики сохранится, поскольку даже с учётом сокращений европейских дотаций Брюссель выделит Польше в 2021–2027 годах 64,4 млрд долларов.

Являясь фактически одним из самых успешных в экономическом плане государств Восточной Европы, Польша становится магнитом для трудовой миграции из постсоветского пространства, особенно с кризисной Украины. По оценкам поль-

ских властей, на сегодняшний день в Польше может находиться около 2 млн трудовых мигрантов с Украины.

Таким образом, Польша оказывается одним из главных выгодополучателей украинского кризиса, замещая украинцами вакансии, требующие низкоквалифицированной рабочей силы, поддерживая за их счёт необходимый для развития экономики демографический баланс в условиях, когда часть поляков уезжает на работу в страны Западной Европы.

В то же самое время в Польше происходит серьёзное перестроение политического поля. С 2001 года там произошли существенные изменения.

Практически к минимуму сведено политическое влияние левых сил: «Союз демократических левых» (Sojusz Lewicy Demokratycznej) получил на последних выборах в сейм 12 % голосов, левопопулистская «Самооборона» прекратила своё существование.

На выборах в сейм 2015 года в настроениях польского общества произошёл коренной перелом: правоконсервативная партия «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość) обошла либеральную «Гражданскую платформу» (Platforma Obywatelska) и получила большинство в обеих палатах польского парламента.

Президент Анджей Дуда также является политиком правоконсервативных взглядов и выходцем из «ПиС», т.е. можно утверждать, что эта партия и политики правого и крайне правого толка сегодня контролируют и определяют политику польского государства.

Настроения в польском обществе говорят о том, что формирование в стране консолидированного режима «неопилсудчиков», опирающегося на поддержку подавляющего большинства поляков, — это уже реальность.

Мировоззрение польской элиты

Чтобы понимать, что следует за экономическим усилением Польши и установлением там монополярной власти правых консерваторов, необходимо представлять основные элементы их мировоззрения.

Представление о том, что католическая Польша вновь становится «оплотом христианства» на фоне всё более постхристианского и постмодернистского ЕС, внутри которого значительными темпами растёт мусульманская община.

Активное противостояние России и её стремление сохранить собственную сферу влияния. Всё это порождает у польской элиты и большинства поляков неомессианский комплекс, они видят себя спасителями настоящей Европы от влияния как Брюсселя, так и Москвы, а также от ближневосточных и африканских мигрантов.

Это традиционное мировоззрение, характерное для польского мира, которое актуализируется каждый раз, когда Польша получает достаточно ресурсов для реализации своих амбиций. Геополитически они воплощаются в идее создания блока Междуморья, призванного обеспечить польскую гегемонию в Восточной и Центральной Европе и разделить Старую Европу и Россию.

Кроме того, польское политическое сознание характеризуется историческим реваншизмом — в нём существует представление о том, что воссоединение 17 сентября 1939 года Западной и Восточной Беларуси и Украины было актом исторической несправедливости, который так или иначе необходимо исправить, а *Kresy Wschodnie* являются составной частью польского мира.

Польшу, безусловно, нельзя недооценивать. Это шестая экономика ЕС, страна, которая взяла от евроинтеграции по максимуму. У Польши есть средства для активной внешней политики. Польша создала, на мой взгляд, один из самых эффективных механизмов «мягкой силы» — т.е. влияния на сопредельные и не только страны посредством политики в сфере образования, создание грантовых программ для ученых, журналистов и т.д. Плюс очень грамотная работа с диаспорой и лоялизация этнических поляков.

В польском обществе есть сильное ценностное и идеологическое ядро, консервативно-католическое в своей основе, что делает его не только устойчивым к чужим идеологическим проектам, но и позволяет ощущать собственную миссию и проводить экспансию.

С началом украинского кризиса Польша получила возможность не только нарастить своё политическое и экономическое влияние на Украине, использовать рабочую силу оттуда, но и имплементировать образ Междуморья в качестве идеологического мейнстрима.

Именно поэтому наиболее влиятельные группы украинских ультраправых, например «Национальный корпус» — политическое крыло полка «Азов», принимают создание Междуморья в качестве геополитической доктрины, а по сути ориентируются на Польшу как единственную страну, имеющую для этого ресурсы.

Вступление в ЕС и НАТО — для Украины очень призрачная перспектива, а вот превращение в польскую полуконию — довольно реальная.

Учитывая плачевное состояние украинского государства, официальный курс властей Украины на десоветизацию, которая означает и осуждение воссоединения Украины в 1939 г., Польша имеет все шансы развернуть там политику ревизионизма и реваншизма.

На белорусском направлении Польша также не скрывает экспансионистских устремлений.

В своё время Варшава неудачно пыталась использовать польское меньшинство для противостояния с Белорусским государством, с помощью «карты поляка» и разнообразных стипендиальных программ пытается выкачивать белорусскую рабочую силу и «мозги». А через спутниковый телеканал «Белсат» развернула пропагандистскую инфраструктуру.

Кроме того, польские фонды и ресурсные центры активно осуществляют подготовку и поддержку гуманитарной интеллигенции (историков, журналистов, музыкантов) с целью формирования в Беларуси пропольской, антироссийской и антисоветской исторической памяти и культурной политики.

Белорусский «балкон» и в целом военно-политический союз Беларуси и России для Польши — один из реальных сдерживающих факторов на востоке, фактически единственное серьёзное препятствие для создания Междуморья и увеличения влияния Польши в регионе после государственного переворота на Украине.

Как остановить Польшу?

Теперешнее усиление Польши напоминает 20–30-е годы минувшего столетия, когда для Советского Союза Речь Посполитая являлась едва ли не самым серьёзным противником в борьбе за доминирование в Балто-Черноморском регионе. Тогда СССР умело использовал против польского шовинизма и национализма классовые чувства и стремление к национальному самоопределению украинцев и белорусов.

Сегодня поляки пытаются использовать украинский и белорусский национализм против России.

Какие меры необходимы для того, чтобы чрезмерные амбиции и идеология польских элит не стали по-настоящему угрожающими?

1. Польшу нужно воспринимать серьёзно, без снисходительности и шапкозакидательства, глубоко понимать и анализировать происходящее в этой стране — важнейшей на западном фланге Союзного государства и ЕАЭС.

2. Укреплять военно-политический союз России и Беларуси. В условиях растущего польского милитаризма единственной гарантией белорусской независимости и суверенитета являются собственная сильная армия и спецслужбы, опирающиеся на всестороннюю помощь российских коллег и сотрудничество с ними. Усиление польской армии, появление на территории Польши американских военных баз требует симметричного союзного ответа.

3. Тесная экономическая кооперация Беларуси и России необходима для поддержания и роста белорусской экономики, которая могла бы выдержать соседство с растущей польской и конкурировать с ней. В противном случае экономически активное население будет всё более интенсивно переезжать в Польшу за лучшей жизнью либо видеть в Польше пример для политических трансформаций.

4. Польша в своих устремлениях в значительной степени реализует в рамках ЕС американские интересы, которые не совпадают и даже противоречат интересам Старой Европы. Это необходимо использовать для сдерживания амбиций Польши и блокировки создания санитарного кордона Междуморья.

5. Китайский фактор и инициативу «Одного пояса и одного пути» следует рассматривать как инструмент привлечения Польши к сотрудничеству, а не конфронтации. Белорусско-польский стык может быть здесь взаимовыгодно использован.

Если этого не произойдёт, белорусские ворота в ЕС превратятся в тупик, Польша выпадет из трансъевразийского проекта, а Беларусь и Россия будут вынуждены прорабатывать другие маршруты транзита.

6. Необходима собственная контр- и спецпропаганда в рамках укрепления информационной безопасности союза. Первая — для того чтобы у нас не формировался полоноцентричный гуманитарный и культурный нарратив. Вторая — для работы на перспективу с миллионной украинской, как правило, русскоязычной диаспорой в Польше, которая будет стремительно увеличиваться, размывая моноэтничность польского государства. Кстати, первый аспект касается не только Беларуси, но и России, где польское подрывное влияние можно наблюдать даже среди якобы «ура-патриотических» СМИ.

Безусловно, нельзя видеть в польском государстве и поляках неких исконных врагов, в истории наших народов и стран были прекрасные примеры дружбы и сотрудничества. Но пока у наших соседей доминирует описанная выше политическая идеология и подходы, не остаётся никаких иных вариантов, кроме как быть готовыми отразить и нейтрализовать любые недружественные намерения из-за Буга.

Польская интрига и устойчивость «белорусского балкона»

Польша — одна из самых влиятельных стран Восточной Европы. Государство, имеющее значительный экономический, демографический и военный потенциал, а также геополитические амбиции. Польша — активный участник евроатлантических интеграционных проектов (НАТО, ЕС), но ведёт при этом и самостоятельную игру внутри ЕС и на его восточных границах.

Какой сегодня видится стратегическая позиция Польши, и что это означает для Союзного государства Беларуси и России?

Интерес на Востоке

В рамках Европейского союза Польша играет особую роль. В отличие от политического класса ключевых стран ЕС и брюссельской бюрократии, мировоззрение польской элиты основано на католическом, консервативном базисе. На фоне постмодернистской мультикультурной Западной Европы поляки ощущают себя носителями и защитниками настоящей европейской идентичности.

Это порождает осознание особой миссии Польши и конкретные политические решения: отказ признавать однополые браки, принимать беженцев с юга и т.д.

В ценностном плане разрыв между Варшавой и Брюсселем, Берлином довольно значим, хотя и не стоит преувеличивать его значение. Западный геополитический выбор однозначен и вряд ли может быть пересмотрен в обозримом будущем. Но Польша будет стремиться использовать неоспоримые для неё выгоды этого выбора для реализации своих внешнеполитических интересов.

Внешняя политика Польши — это динамическое сочетание двух стратегий: «ягеллонской» и «пястовской».

«Ягеллонская» линия — активная роль на Востоке, вовлечение в орбиту польского влияния Литвы, Беларуси, Украины, Молдовы, попытка создать из этих стран геополитический блок Междуморья и возглавить его, стремление сдерживать Россию и её влияние в этом регионе.

«Пястовская» — ориентация на тесную экономическую кооперацию с Германией. Экономика Польши показывает стабильный рост, и это, в свою очередь, является базисом, позволяющим активно продвигать свои внешнеполитические интересы.

Ко всему добавляются особые отношения через многочисленную польскую диаспору с США, в том числе военно-политические.

Для Польши очень важно быть передовым краем западной цивилизации и проводником её влияния на восток. Во-первых, это выгодный «подряд», во-вторых, это возможность стать вы-

годополучателем от процесса вестернизации, т.е. приобрести политические и экономические активы в странах восточнее Буга.

Тем не менее позиция Польши в рамках её внешнеполитической стратегии уязвима. Возьмём как пример Украину. С одной стороны, первый очевидный результат украинского кризиса — стабильный приток трудовых мигрантов с Украины в Польшу. Это и дешёвая рабочая сила, и демографический ресурс, кажущийся гораздо более желанным, нежели поток инокультурных беженцев с Ближнего Востока.

Но всё это имеет и обратную сторону — моноэтничная Польша всё равно размывается, сосуществование поляков и украинцев имеет значительный конфликтный потенциал и вполне конкретные кровавые прецеденты в истории.

Можно предположить, что к ассимиляции большого числа украинцев польское общество просто не готово, поскольку для этого ему самому нужно измениться, а серьёзных предпосылок для этого нет.

Население Украины и Беларуси качественно будет «переманиваться» в основном посредством «карты поляка», но в реальности это относительно небольшое число граждан Беларуси и Украины (на конец 2018 года 130 и 100 тысяч соответственно).

К тому же далеко не всегда «карта поляка» — маркер лояльности к польскому государству или индикатор намерений переехать в Польшу на ПМЖ. Для белорусов это прежде всего более лёгкий способ получения визы и возможность ездить за покупками.

Но в целом стратегия Польши понятна — максимально привлекать выходцев с «кресов», ассимилировать их, воспитывать в лояльном ключе через стипендиальные программы и образование. Польша на Востоке ищет ресурс для усиления, наращивания потенциала в отношениях с Брюсселем и Берлином.

Возрождение фронта

Всё это не может не вызывать противоречий с Россией, имеющих давнюю предысторию. Сегодня очевидно, что сценарии неконфликтного сосуществования в Балто-Черноморском регионе отодвинуты на периферию политического процесса. Регион превращается в беспокойный геополитический фронт.

Но логика конфронтации — не единственно возможная. Реализация Междуморья в качестве польского проекта регионального доминирования возможна только в случае дальнейшего ослабления Украины и развития политико-экономического кризиса в Беларуси.

А вот как раз усиление Беларуси, особенно как участника Союзного государства, — это тот фактор, который будет отрезвляюще действовать на польских политиков.

Ключевой рубеж, после которого возможно усиление Белорусского государства в энергетической и логистической сферах, в целом в экономике, — 2020 год, когда будут введены в строй два реактора БелАЭС, заработают логистические трансевразийские хабы и наберёт обороты китайско-белорусский индустриальный парк «Великий Камень».

То есть у Беларуси к этому времени будут ключевые аргументы для разговора с Польшей в логике сотрудничества. И это реальные аргументы. Во-первых, Польше интересен китайский транзит, и полностью упустить его — потеря значительной выгоды.

Во-вторых, несмотря на то что Польша тоже собирается строить свою АЭС, пока это очень отдалённая перспектива, а теплоэлектростанции на угле вызывают экологические претензии со стороны европейских структур, требующих их закрытия. Белорусская электроэнергия будет дешевле и доступнее.

Логика развития больших проектов в Евразии вынуждает Польшу в них встраиваться, а в случае, если она будет им препятствовать, давление возникнет сразу с трёх сторон: Китая, ЕС и России. И вот это уже может быть чреватым для самой польской государственности, как в 1939 году.

Конечно, Польша не откажется от роли важного проводника американских интересов в Европе, но этому есть и предел — осознание реальной опасности и упущенной выгоды. Польша ведь находится в Евразии, а не в Америке.

Для Союзного государства на западном, польском направлении на фоне прогрессирующей социально-экономической и демографической деградации Украины и Прибалтики важно сохранять устойчивость именно «белорусского балкона» и усили-

вать его в качестве противовеса польским региональным амбициям.

Для самой Беларуси перспектива регионального лидерства — единственная возможность избежать восточноевропейского сценария превращения в *failed state*.

Естественно, региональное лидерство Беларуси в Восточной Европе может опираться только на союзные ресурсы и программы, а это значит, что в рамках самого Союза России и Беларуси назрела необходимость выработки такой стратегии.

Альтернатива для Междуморья. От Лиссабона до Владивостока

Польские интеллектуалы и политические элиты давно продвигают идею создания геополитического блока Междуморья, и после событий 2014 года её обсуждение и пропаганда резко активизировались на Украине. Этот проект, изначально связанный с польскими геополитическими амбициями и стремлением быть влиятельной силой в Восточной Европе, воспринимается прежде всего как проект антироссийский.

Направленный на выдавливание России из Европы в Азию, он становится все более популярным в среде украинских политиков и радикалов.

В Беларуси Междуморье в основном привлекательно для незначительной части маргинальных националистов и исторических романтиков, в то время как подавляющее большинство белорусского общества поддерживает интеграцию с Россией и создание Евразийского экономического союза. И это на сегодня определяет ключевую позицию Беларуси в регионе.

Геополитическое «вето» Беларуси

Для того чтобы замкнуть санитарный кордон, полностью разделяющий Западную Европу и Россию, необходим контроль над всей территорией между Балтийским и Чёрным морями.

В настоящее время с учетом происходящего в Украине эта перспектива вполне реальна. Однако существуют два фактора,

способных воспрепятствовать этому: Калининградская область с находящимися там российскими военными базами и Республика Беларусь, являющаяся военно-политическим союзником России.

Эти два фактора тесно между собою связаны, поскольку в случае гипотетического обострения ситуации вокруг Калининградской области на территории Беларуси возможно размещение дополнительного российского вооружения, создание военных баз и т.д. Это один из аргументов для сдерживания напряженности в регионе.

Кроме того, Беларусь, предпринимая беспрецедентные меры по охране южной границы, а также весьма значимые миротворческие усилия, не допускает дальнейшего распространения украинского кризиса.

В случае ухудшения ситуации на Украине существует также возможность силового давления с севера с целью локализации очагов войны.

Беларусь поддерживает необходимый уровень политических и экономических отношений с украинскими властями, но в то же время уклоняется от участия в любых инициативах, имеющих антироссийскую направленность.

Это позволяет удерживать равновесие в регионе и не допустить скатывания к масштабному конфликту.

По мнению политолога Юрия Шевцова:

«Беларусь препятствует возникновению в Восточной Европе новой Речи Посполитой. Без Беларуси невозможно создать интегрированную устойчивую инфраструктуру такого регионального сообщества, обеспечить единую идеологию, основанную на русофобии и своеобразной региональной мифологии, выстроить единое оборонное пространство, эффективный экономический комплекс, дипломатическую систему отстаивания своих интересов».

Беларусь, таким образом, использует свое геополитическое «право вето» на создание в Балто-Черноморском Междуморье крупного блока государств с антироссийскими мотивами, возникновение которого чревато угрозой начала новой большой войны в Европе.

Логика войны

Создание Междуморья в той геополитической и идеологической конфигурации, о которой чаще всего говорят приверженцы этого проекта, неизбежно влечет масштабное военное противостояние.

Риторика польских, украинских и литовских политиков, поддерживающих эту идею, не оставляет сомнений, что с их стороны будет происходить наращивание военного потенциала, а также попытки устрашения этим потенциалом российского руководства. Которое, в свою очередь, будет вынуждено отвечать ростом гонки вооружений и милитаризацией на западных границах Союзного государства России и Беларуси.

В таком случае все Междуморье становится пространством ведения новой «холодной», а возможно, и «горячей» войны. Именно поэтому польский геополитик Лешек Сыкульски считает, что:

«концепция маленького, тесного Междуморья, которое становится континентальным барьером, являлась и до сих пор является предложением конфронтационной политики, а не политики интеграционной».

Это в определенной степени совпадает с интересами США в Европе, стремящимися не допустить усиления позиций России или Германии. Создание и накачка антироссийской силы в Центральной Европе — методы, успешно отработанные в ходе Первой и Второй мировых войн.

Однако для стран Западной Европы, прежде всего Германии и Франции, Междуморье также будет представлять серьезную проблему, поскольку может угрожать не только военными действиями в непосредственной близости от своих границ с наплывом миллионов беженцев, но и самому существованию Европейского союза, экономическому и политическому благополучию этих стран.

Угрозы для Беларуси также очевидны. Они, кстати, без стеснений озвучиваются апологетами Междуморья:

«Экономический потенциал Беларуси меньше, чем у Украины, но стратегически для Украины, Польши и стран Балтии».

Беларусь бесценна... Белорусы умирали на Майдане и на войне в Донбассе, сражаясь за украинскую свободу... их нельзя забыть, и мы должны вернуть им свой долг. В длительной перспективе Беларусь требует освобождения как от своего собственного мини-автократата, так и от России. После того, как война в Украине закончится, и Крым будет возвращен, должны ли мы забыть про Беларусь?»

Намерение и логика весьма красноречивые, для Беларуси они означают только одно — возвращение на нашу землю после 70 лет мирного существования пожара войны и уничтожения.

Междуморье по-антироссийски

С экономической точки зрения Междуморье крайне неоднородно. Промышленно развитых стран с крупной индустрией на данный момент из тех, кому интересен этот проект, только две — Польша и Украина, притом что украинская промышленность стремительно деградирует по всем направлениям. Прибалтика, Молдова, Румыния — деиндустриализированная депрессивная периферия ЕС. По факту экономически доминировать будет именно Польша.

Никаких собственных прорывных технологий, позволяющих конкурировать с Западной Европой или Россией и Китаем, у Междуморья сейчас нет, и крайне сомнительно, что удастся их получить или развить.

Единственный реальный смысл Междуморья — геополитическое паразитирование на основе угрозы блокирования транзита и коммуникаций между Западной Европой и Россией. Такая позиция крайне уязвима, поскольку предполагает конфронтацию на два фронта. Исторически это уже было с Речью Посполитой, судьба которой печально известна.

Такое Междуморье — исторически тупиковый путь, попытка лимитрофов взять реванш. Как и всякий реваншизм, она обречена. Восточноевропейское мышление ВКЛ Междуморьем — безответственный романтизм, а если уж говорить всерьез о геополитике больших пространств, то мыслить надо Межокеаньем — пространством между Атлантическим и Тихим океанами.

Никаких специфичных культурных особенностей, которые бы объединяли страны Междуморья и отделяли бы их от Рос-

сии, нет. Тем более нет их между Россией, Украиной и Беларусью. Россия формирует свою цивилизацию, её миссией было и есть распространение этой цивилизации в Северо-Восточной Евразии, в этом суть «евразийства».

У Междуморья нет веса, чтобы претендовать на какую-либо самостоятельную роль в Европе, ядро ЕС и Западной Европы в лице Германии и Франции сохранит свое политическое, экономическое и технологическое лидерство. Для Европы Междуморье — это попытка передела сфер влияния, чреватая войнами внутри самой Европы. Проект Междуморье открыто поддерживается американцами именно с целью ослабления старой Европы и России. Междуморье для Европы — американский троянский конь.

Идея Междуморья скорее представляет угрозу как для европейской, так и для континентальной системы безопасности, поскольку в странах, активно поддерживающих эти идеи, широко распространены националистические движения и партии. В Украине одно из них даже заявило о необходимости возвращения ядерного оружия. Это может привести к совершенно непредсказуемым последствиям, например к созданию националистического варианта ИГИЛ.

Междуморье в геостратегическом плане — угроза для Беларуси. Угроза втягивания в антироссийский альянс, чреватый потерей многолетних наработанных связей с Россией, угроза польского и американского доминирования, в рамках которого Беларусь будет использована как плацдарм для конфронтации с Россией. Междуморье — угроза и для Украины, угроза полного перехода под внешнее управление: американское и польское. Ради налаживания отношений с Польшей и создания Междуморья Украина будет вынуждена поступиться своими национальными интересами. Польша уже активно поднимает вопрос о ревизии событий сентября 1939 года и реституции в Западной Украине.

Антироссийский характер Междуморья, обусловленный геополитической логикой и интересами США в регионе, делает невозможным какое-либо позитивное будущее этого проекта по отношению к России. А это значит, что вместо него более перспективно искать формы реализации «интеграции интеграций» в Северной Евразии.

Междуморье по-белорусски

Можно ли реагировать на эти угрозы чем-то иным, кроме укрепления обороноспособности и увеличения расходов на безопасность? Особенно в ситуации, когда на пропаганду идеи Междуморья среди белорусов, скорее всего, со стороны ряда соседних государств будут выделены немалые средства.

Нам представляется, что можно. Для этого, во-первых, нужно выделить в ней рациональные основания. А они действительно есть — наличие тесных этнокультурных, исторических связей и общих экономических интересов.

Во-вторых, изъять, нивелировать опасный идеологический компонент, основанный на русофобии и геополитическом мессианстве.

В конце концов, в новейшей истории уже был прецедент создания подобного единого блока центрально- и восточноевропейских государств, охватывающий в том числе и Россию. Это Организация Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи.

Конечно, его нельзя повторить, но ставить в качестве задачи изменение самой сущности проекта Междуморья можно и нужно.

И здесь вновь возникает ключевая позиция Беларуси. Польский политолог Конрад Ренкас весьма точно замечает на этот счет:

«Беларусь под руководством Александра Лукашенко, укрепив свою внутреннюю стабильность (социальную, экономическую и политическую) — в настоящее время является ключевым звеном геополитического баланса и безопасности в регионе. Даже крах Украины, никогда не являвшейся слишком прочной конструкцией, не имел и не имеет такого значительного влияния на ситуацию в Европе и в мире, как это может быть в случае какой-либо деконструкции государственности и политической системы в Беларуси.»

Речь идет не только о той роли, которую Батяка сыграл в поиске путей мирного разрешения украинского кризиса, но и в целом о политическом эксперименте строительства центра,

основанного на максимальном использовании внутреннего потенциала, способного играть самостоятельную роль в международных процессах, в том числе в рамках реализации собственной, самостоятельной программы политико-экономической интеграции евразийских и постсоветских территорий».

Беларусь, являясь союзником России, может взять на себя роль регионального лидера, развернув векторы интеграции, сопряжения ЕАЭС и ЕС в соседние страны, прежде всего в Украину, Литву, Латвию.

Юрий Шевцов так определяет эту новую миссию Беларуси:

«Страна может выдвинуть от имени всей своей зоны влияния в Восточной Европе интеграционную идею, ориентированную на поддержку в России. Это будет вариант европейской региональной интеграции, рассчитанный на гармонизацию отношений между ЕС и РФ, между Восточной Европой и Россией, между Восточной и Западной Европой».

Естественно, возникает вопрос об основаниях подобной интеграции.

Во-первых, речь не идет о геополитическом «перекидывании» из блока в блок. И Беларусь, и соседние страны остаются в составе тех образований, которые они сами для себя выбрали: ЕАЭС и ЕС соответственно, либо сохранят нейтралитет (вероятно, такой вариант приемлем в случае с Украиной).

Во-вторых, из двусторонних отношений необходимо изъять антироссийскую идеологическую повестку, а на первый план должны выйти региональные экономические и инфраструктурные проекты.

Беларусь будет укреплять индустриальное ядро своей экономики, реализуя такие проекты, как строительство китайско-белорусского индустриального парка и Белорусской атомной электростанции, а это означает, что она становится центром притяжения и развития как минимум для приграничных регионов сопредельных государств.

Проблемой остаются равновесные отношения с Польшей. Видимо, в ближайшее время Беларуси также придется искать конструктивные прагматические решения в экономической сфере, выгодные обеим сторонам.

Возможно, понадобится поиск и сотрудничество с различными политическими и идеологическими группами в самой Польше для выработки новой позитивной повестки наших отношений и ее лоббирования внутри польского политикума.

По крайней мере, в Польше есть влиятельные силы, мировоззрение которых удачно сформулировал Рональд Лясэцки:

«для блага поляков и в интересах Польши мы должны стремиться к преодолению пропасти, разделяющей европейский Восток и европейский Запад, посредством содействия участию славянской и русской культуры в европейском диалоге культур. Для того чтобы преодолеть западные факторы в нашей собственной национальной культуре мы должны обратиться к нашему славянскому наследию и возвысить его».

Междуморье по-белорусски — это Межекоeanье, практические действия в рамках регионального трансграничного сотрудничества, направленные не на очередной раздел евразийского континента, а наоборот — на создание устойчивого, безопасного пространства как части Большой Евразии от Лиссабона до Владивостока.

Почему балты исчезают?

В своё время, глубоко интересуясь вопросами происхождения и этнической истории белорусов, я с неизбежностью открыл для себя балтскую тему. То есть участие балтов в этногенезе восточных славян и их последующую ассимиляцию.

Всегда волновал вопрос: почему огромная территория от верховьев Волги до устья Вислы и до днепровских порогов до Рижского взморья, некогда занимаемая носителями балтийских языков, как шагреневая кожа сократилась до двух небольших прибалтийских стран?

И почему славяне, носители славянских языков, наоборот, так колоссально выросли — демографически и территориально?

Это не только исторический вопрос, он имеет непосредственное отношение к актуальной реальности — сегодня два бал-

тийских государства, Литва и Латвия, бьют европейские и мировые рекорды депопуляции.

Есть ли тут какая-то взаимосвязь — и если есть, то чем обусловлен растянутый более чем на два тысячелетия процесс необратимого исчезновения балтов и их языков?

Рождение славян

Чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, для начала необходимо понять, каким образом на исторической арене появились славяне, ведь прежде всего им балты уступили в географическом и политическом плане.

Не углубляясь в многочисленные научные теории происхождения славян, кратко сформулирую наиболее убедительный взгляд на проблему их появления на исторической арене.

Изначально существовала балтославянская языковая общность, то есть единство языков и диалектов индоевропейцев, населявших лесную зону Восточной Европы. До середины I тысячелетия до н.э. практически невозможно выделить славян из общего массива.

Но затем происходят важные события. Сначала иранские племена: скифы и сарматы вовлекают в сферу своего влияния южную, лесостепную часть балтославянского ареала, затем германцы: готы и другие захватывают в своем движении на юг западную и юго-западную его часть.

И вот к середине I тысячелетия н.э. на перекрестии всех этих влияний, предположительно в белорусско-украинском Полесье рождается новая этническая группа — славяне, имеющая свои характерные черты языка, духовной и материальной культуры.

В языковом плане славяне — это «продвинутые дети» балтов, обогатившие свою речь понятиями и терминами из иранских, германских языков, связанные с новыми технологиями, религиозными и политическими новациями.

Если сказать упрощенно, славяне — это те, кто из общего с балтами этнического массива был всецело вовлечён в процессы Великого переселения народов, кто максимально испытал на себе и своей культуре влияние этих процессов и перевоплотился в новом качестве.

В результате всех перипетий своей ранней истории (нашествий, завоеваний, дальних походов) славяне приобрели и овладели тем, что сделало их успешными.

Во-первых, это технологии: земледелие, постоянно вынуждавшее двигаться по рекам в поисках новых территорий, пригодных для возделывания и поселения, гончарный круг, позволявший изготавливать керамику быстрее и качественнее, кузнечное искусство, освоение новых техник изготовления оружия и украшений.

Во-вторых, новые формы социальной организации: появление протогородов и протогосударств.

Консерватизм балтов

На фоне динамичных и быстрорастущих славян балты выглядят гораздо более консервативным, если не архаичным началом.

К X веку у восточных славян уже есть государство, возглавляемое князем с дружиной профессиональных воинов, есть города как центры ремесла и торговли, вместе с новой религией, связывающей с крупнейшими культурными столицами того времени, приходит письменность и приобщение к достижениям античной цивилизации.

У балтов же процессы образования государства начинаются лишь в XIII веке, крещение литовцев происходит почти на четыре столетия позже — в 1386 г., первая письменность возникает только в XVI веке, а появление крупных городов, как правило, связано с участием славянского или германского этнического элемента.

Создается впечатление, что балты как бы сознательно избегали влияния прогресса, новых социальных и политических реалий.

Избегали, но всегда были вынуждены включаться в эти процессы, уже полностью принимая чужие правила игры.

С одной стороны, балты, попавшие в сферу влияния восточнославянской культуры и православной религии становились славянами, конкретнее — белорусами, а те, особенно аристократия, кто попадал под влияние польской культуры и католичества, становились поляками.

А в Латвии, в отличие от Литвы, не было даже своей аристократии. Балтийская культура оказалась неспособной сформировать собственный, самодостаточный мир.

В чем причина этого? Скорее всего, в глубинных установках культуры. Видимо, выбор пассивного, созерцательного и периферийного существования прописан в самой культурной матрице балтийских народов.

Если немного пофантазировать, то можно представить себе судьбоносный момент выбора в доисторические времена жрецами или вождями балтославян разных путей развития.

Одни выбрали консервативный путь и остались балтами, другие — сознательно кинулись в водоворот исторических событий и, постоянно отвоёвывая себе место под солнцем, стали славянами.

Возможно и ещё одно объяснение. Литовский мифолог Норбертас Велюс, исследуя мировоззрение древних балтов, заметил одну интересную деталь — особенности мифологии, культуры, быта различных балтских племен связаны с территориальной дифференциацией.

У западных балтов, живущих на побережье Балтийского моря, в мифологии и культуре преобладают образы, связанные с подземным миром, миром мёртвых, у восточных балтов, часть из которых стала восточными славянами, преобладают образы небесной мифологии.

Не в этом ли кроется загадка того, что теперешние балтские народы, у которых возобладал «западный» культурный код, постепенно угасают и клонятся к закату?

Белорусско-балтийские отношения

Можно пытаться возрождать балтское наследие в Беларуси, можно видеть в современных Литве и Латвии некий пример сохранения национальных культур и традиций, но почему тогда Великое княжество Литовское, возглавляемое балтской династией, угасло, почему не оно, а Россия — самое большое государство в мире?

Почему славянские языки, а не балтийские — одни из самых распространенных на планете? Почему численность сла-

вянских народов не вызывает беспокойства, а вот балтийских — ещё как?

Каждый найдет свой ответ, обусловленный его взглядами и пристрастиями. Для меня ясно одно — славянский путь, который прошли и которым идут белорусы, русские, украинцы, поляки, сербы, чехи и т.д. — это очень непростой, тяжелый путь, но ведущий в будущее.

В балтийском случае это далеко не очевидно. Вряд ли уже возможен особый балтийский путь, для этого нет необходимого потенциала и ресурсов, но вот задуматься о том, как лучше сохраниться двум оставшимся балтским народам вполне можно.

Последние три столетия балты выживали под сенью славянских и германских империй. К слову сказать, в СССР наблюдался самый большой рост численности латышей и литовцев. В качестве предположения — возможно, спорного — скажу, что в союзах с восточными славянами балты всегда имели больше шансов сохраниться.

Прибалты в советское время воспринимались как западная витрина СССР, эдакие внутренние «европейцы», которые гораздо ближе к ядру Европы, чем все остальные. Но после революционных открытий в популяционной генетике наши представления о происхождении прибалтийских народов стали кардинально меняться.

Оказывается, что примерно половина мужского генофонда литовцев, латышей и эстонцев через гаплогруппу N1c1 связана своим происхождением с... Сибирью и Дальним Востоком. Таким образом, по иронии судьбы прибалты оказываются ещё более евразийцами, чем восточные славяне.

Сейчас они включены в состав другой империи — Европейского союза, и правила выживания здесь другие. Как видно, правила эти весьма жесткие и массовый исход населения балтийских стран — их неизбежное следствие.

Понимая все это и желая по-соседски добра литовцам и латышам, можно посоветовать только одно — держаться тех, у кого есть для них хоть какой-то проект будущего и развития. В нашем случае это белорусы. Белорусы будут развиваться и помогут вам, пусть косвенно, ведь из ЕС так просто не сбежишь, но все же.

Индустриальный парк «Великий Камень» даст грузы Клайпеде и Риге, Белорусская АЭС даст дешевую электроэнергию, белорусские туристы наполнят кафе, бары и магазины Вильнюса, пляжи Паланги и Юрмалы.

Наши народы умеют неплохо ладить — и это надо всячески поощрять. Лично я бы еще помог литовцам и латышам сохранить собственные языки и этническую культуру в глобальном мире. Но только тогда, когда в такой помощи и в рассудительном белорусском подходе возникнет внутренняя потребность этих народов.

Реликтовые этносы

Ключи к загадке заката и исчезновения балтов нужно искать в их культуре и мифологии, которая до сих пор жива. Согласно гипотезе Велюса западная часть балтов в основном практиковала хтонические культы. Западные балты практически все вымерли. Остались восточные, да и то выжившие только в симбиозе с более мощными мирами: русским, польским, немецким. Но сейчас, видимо, «западнобалтский» элемент в Литве и Латвии, судя по закатной тенденции, начинает преобладать. Можно ли это остановить? Не факт. Новый симбиоз с восточными славянами, возможно, помог бы. Но сейчас это нереально.

Западные балты исчезли. Большая их часть растворилась в немцах, немцы, в свою очередь, были повержены и наказаны за собственную самоуверенность и нечеловеческие идеи. Святылища пруссов уничтожил Орден, жало немецкого милитаризма вырвал Советский Союз. Сейчас здесь в целом гармоничный и умиротворяющий ландшафт, несмотря на важнейшее военно-стратегическое значение Калининградской области для России.

А вот исчезающие балтские народы в Литве и Латвии оказались в экзистенциальном одиночестве. Никакой особой ценности для запада их автохтонные культуры не представляют, для ЕС — глубокая периферия. Военное нагнетание не имеет за собой никакого серьезного потенциала. Возможно существование за счет транзита, правда, тогда будет расти влияние белорусского и китайского фактора. Прибалтика как чайхана на Новом Шелковом пути?

Должны ли современные прибалты занимать хоть какое-то символическое место в восточнославянском, русском сознании? Предпосылки были. Литва как долгое время успешный соперник в строительстве империи и поставщик некоторых идеологов, образов. Например, образа медведя. Это очень мощный и символический зверь. Символ, тотем, если можно так сказать, наделяющий силой и могуществом.

Примечательно, что именно он стал символом России, хотя претендовала на него и Литва: герб Жемайтии, Локис, сморгонская академия Радзивиллов, где, видимо, и возник сюжет о гуляющих по улицам городов медведях, танцующих под музыкальные инструменты. Но Литва так и не стала по-настоящему «медвежьей» страной, не обрела могущества, не состоялась как империя, а Россия стала, и это не случайно.

Была Советская Прибалтика как внутренний Запад, фактурные артисты, стильные актёры и витрина социализма. 90-е годы как оффшор для олигархов, мост между Западом и Россией. Сегодня в принципе никаких мощных образов для русской культуры Прибалтика не рождает и, вероятно, уже не породит. Как она будет восприниматься? Придорожная корчма, портовая таверна, место для дауншифтеров? Или все-таки какое-то найдется иное восприятие?

Энергия развития и пассионарность у реликтовых этносов, к которым, кроме балтов, относятся в Европе, например, баски, бретонцы, саамы, албанцы, очень часто возникает от сопротивления большим этническим массивам и империям. У балтов последний всплеск случился на волне сопротивления СССР. ЕС хоть и является по сути империей, но удачно канализирует этнические сепаратизмы, ослабляя национальные государства, и использует их в своих геополитических целях. Самыми успешными тут оказались албанцы — они получили индульгенцию на сепаратизм и бандитизм в обмен на геополитическую лояльность и борьбу с сербами. Балтам повезло — есть своя государственность, но конвертировать ее по примеру албанцев не получается, то ли потому что не мусульмане, то ли уже слишком истощены и надломлены. Государства у балтов есть, пассионарности нет, или ее остатки уходят на негодный объект приложе-

ния усилий — борьбу с Россией. Видимо, это окончательно и подорвет силы оставшихся балтов.

Никакой вражды всерьез с ними, конечно же, быть не может. Иногда мы имеем с той стороны мелкое вредительство, но не более. На витрину западного мира и место выработки экспансирующей идеологии Литва претендовать не сможет, разворачивать собственную экспансию туда смысла никакого нет. Скорее, есть смысл подавлять наш местный национализм, стремящийся отобрать у литовцев Вильно и ВКЛ.

Для белорусского и русского нарратива эти вещи вовсе не обязательные, а может, даже в чем-то и вредные. Чрезмерное увлечение всем этим отвлекает внимание и энергию от более важных дел. Так что остается доброжелательная отстраненность, минимизация взаимного идеологического влияния и настроенность на не очень интенсивный прагматичный диалог, если литовская сторона будет к нему готова. А если не готова, то ничего страшного.

Беларусь и перспективы Прибалтики

Белорусско-балтийские исторические и этнокультурные связи — тема невероятно обширная, насчитывающая уже, наверное, тысячи единиц библиографии. Это естественно, поскольку хронология этих отношений насчитывает более тысячи лет. Современное их состояние формирует тот геополитический и экономический контекст, определяющий актуальную траекторию развития наших стран. В гораздо меньшей степени присутствует футуристическое измерение — то, как мы можем представить, сконструировать будущую этническую, политическую и иную конфигурацию в регионе между Балтикой и Полесьем. Этот текст — попытка такого представления, но отталкиваться, конечно, необходимо от истории и современности.

Исторический контекст

Начало исторических белорусско-балтийских связей следует отнести в те времена, когда пространство между Балтийским и Чёрным морями унифицируется и становится новым полити-

ческим и этноконфессиональным субъектом — Русью. Территориально-династический вариант этого субъекта — Полоцкая земля, которая впоследствии будет восприниматься как одна из колыбелей белорусской государственности, особенно тесно в силу географического положения была связана с Юго-Восточной Прибалтикой. Это культурное и политическое влияние на Литву, торгово-военные форпосты в Латгалии (Герцике и Кукенойс), союзнические отношения с эстонскими племенами.

В эпоху Великого княжества Литовского белорусские (западнорусские) земли составляют демографическое и экономическое ядро государства, а влияние старобелорусской культуры становится доминирующим. В ВКЛ сложились все предпосылки для уникального восточнославянско-балтийского синтеза, который был прерван геополитическим и конфессиональным выбором правящей элиты, открывавшей дорогу полонизации и исчезновению как собственно русского элемента, так и балтийского.

До начала XX века основная часть белорусского, литовского, латышского народов имела схожую социальную структуру: состояла преимущественно из крестьян при наличии инокультурной аристократии (польско- и немецкоязычной), имела генетически близкую традиционную культуру. 1917 год — эпохальный во всех отношениях. С этого момента исторические пути Беларуси и стран Балтии обретают кардинально отличные целеобразующие направления.

В Литве, Латвии и Эстонии национальная эмансипация происходит по обычному для Восточной Европы сценарию этнического национализма, предполагающего языковую исключительность, конструирование идентичности на основании крестьянской традиционной культуры или древней истории, противопоставлении «имперским» проектам (России, Польши, Германии). Именно этот идеологический комплекс стал фундаментом национальной государственности для стран Балтии в 1918–1940 гг., сохраняя своё определяющее влияние в этих странах, и по сей день.

В Беларуси аналогичный «национал-буржуазный» проект потерпел полное поражение. Вместо него реализовался проект образцовой социалистической нации. Национальная иден-

тичность воспринималась прежде всего как обновлённое социальное творчество рабочих и крестьян в форме индустриальной модернизации, в рамках большого наднационального государственного образования. Сверхиндустриализация и тотальная мобилизация во время Великой Отечественной войны стали основными формирующими факторами современной белорусской нации.

Исторический выбор Беларуси и стран Балтии после распада СССР, определивший специфику их политэкономической системы и геополитической ориентации, во многом был предопределён, на наш взгляд, этими двумя разными «традициями».

Современное положение

Зафиксируем основные отличия современной Беларуси и стран Балтии в наиболее важных, системообразующих пунктах. Балтийские страны — либеральные парламентские демократии, члены ЕС и НАТО, правящие элиты культивируют ту версию национальной идентичности, которая оформилась в годы первой независимости. Отношения с Россией — напряжённые, часть русскоязычного населения Латвии и Эстонии имеют статус неграждан, оценка советского наследия — отрицательная. Структура экономик — низкий процент промышленности, преобладает сфера услуг.

Беларусь — «авторитарная» республика с сильной президентской властью, член Евразийского экономического союза и ОДКБ, сохраняется преемственность с БССР в идеологическом, символическом плане. Отношения с Россией союзнические, русский язык — второй государственный. Структура экономики — значительная доля промышленного производства.

При такой, казалось бы, значительной «полярности» или даже антагонистичности отношения Беларуси и стран Балтии в целом можно охарактеризовать как спокойные и добрососедские, поскольку они основаны прежде всего на хозяйственном прагматизме, реализации конкретных экономических и инфраструктурных проектов. В этом, кстати, серьёзное отличие от отношений балтийских стран с Россией, где очень часто преобладают идеологические мотивы.

В этой связи уместно упомянуть глубокое наблюдение выдающегося знатока балтославянских отношений Владимира Топорова:

«“русский” образ литовца сильно отличается от “белорусского”: последний спокойнее, конкретнее, как бы нагляднее, чаще ориентирован на то, что непосредственно связано с контактом».

Беларусь как государство и как общество избегает идеологизации отношений с балтийскими соседями. В частности, это означает, что споры об истории, территориальные претензии не занимают сколь либо заметного места в сознании белорусской элиты. Несколько по-иному ситуация выглядит с балтийской стороны.

В рамках европейской политики соседства, в частности, Литва является своеобразным плацдармом «демократизации» государств у восточных границ ЕС. Это выражается в поддержке в той или иной форме прозападных оппозиционных лидеров или организаций, предоставление своей территории для различных фондов и учреждений, нацеленных на всестороннюю трансформацию, продвижение геополитических идей в духе «возрождения ВКЛ» или создания Балто-Черноморской конфедерации.

Однако все эти действия не представляют для Беларуси повода для серьёзного беспокойства, поскольку и в ценностном плане, и в практическом совершенно расходятся как с целеполаганием белорусской элиты, так и со смысловым стержнем подавляющего большинства белорусского общества. То есть в общении по идеологизированной повестке, важной для балтийских политиков и интеллектуалов, вовлечена достаточно узкая, если не сказать маргинальная, часть белорусского общества, в основном националистических взглядов.

Парадокс в том, что эта целевая группа, избранная балтийскими элитами для преимущественной коммуникации, не только не имеет реального влияния в Беларуси, но очень часто выступает с враждебными по отношению к странам Балтии идеями, такими как выдвижение территориальных претензий на восточную Литву или южную Латвию, требования «возвращения» Вильнюса, Даугавпилса, уничижительное отношение к

роли литовцев в ВКЛ и т.д. То есть белорусская идентичность, конструируемая государством, в гораздо большей степени экономически и политически выгодна для стран Балтии, чем гипотетический приход к власти белорусских националистов.

Следует также помнить, что националистический поворот Беларуси, рассматриваемый частью балтийских элит как благо и стратегическая цель, будет иметь серьёзные негативные последствия в первую очередь для самих этих стран. Пример Украины красноречив. Угроза прихода националистов к власти в Беларуси спровоцирует масштабный гражданский конфликт, а неизбежное вмешательство извне грозит дестабилизацией или даже войной, в том числе для балтийских государств.

Перспективы будущего

Военная перспектива в регионе — это важнейший фактор, который может определить наше будущее. С белорусской точки зрения эта перспектива однозначно негативная, но ситуация в регионе вынуждает рассматривать её как вероятную. Конфликт на Украине имеет потенциал для распространения, достаточно нервная реакция стран Балтии на происходящее там и наращивание ими военного присутствия сил НАТО не может не вызывать обеспокоенность в Беларуси, хотя основная цель Белорусского государства — предотвратить эскалацию конфликта и тем более не допустить втягивания в него. Именно для этого Беларусь предпринимает значительные дипломатические, миротворческие усилия и стала переговорной площадкой для конфликтующих и заинтересованных сторон.

Беспокойство вызывают также и захватнические планы части российских аналитиков в отношении стран Балтии, автоматически предполагающие вовлечение Беларуси в масштабный конфликт. Отличие белорусской позиции по Прибалтике от российской в том, что она действительно более спокойна и ориентирована на непосредственный контакт на прагматических основаниях.

Как выглядят эти основания при проекции в будущее? Во-первых, ещё раз повторим, это исключение, нейтрализация идеологической мотивации как чреватой конфликтами. Во-вто-

рых, планирование экономического развития с учётом взаимодополняемости экономик Беларуси, Литвы, Латвии. Уже сейчас можно предвидеть увеличение транзитного значения балтийских портов для Беларуси в связи с запуском ЕАЭС, созданием китайско-белорусского индустриального парка «Великий Камень», расширением всестороннего сотрудничества Беларуси, КНР, азиатских и африканских стран, строительством БелАЭС и перспективой экспорта электроэнергии. В третьих, демографическая ситуация в странах Балтии. На этом следует остановиться подробнее.

К сожалению, демографические перспективы балтийских стран выглядят весьма нерадушно. К 2030 г. ожидается, что население Литвы будет около 2,5 млн человек, Латвии — 1,5 млн, Эстонии — 1–1,2 млн. При этом в Беларуси темпы падения численности населения за постсоветские годы были значительно более медленными, а с 2014 г. наблюдается рост. В странах Балтии, особенно Латвии и Литве, темпы миграции в Западную Европу остаются очень высокими. Фактически речь идёт о процессе медленного угасания балтийских наций, растянутого на десятилетия, но неотвратимого, который белорусы могут наблюдать со стороны.

Повлиять кардинальным образом на этот процесс в силу того, что балтийские элиты не просчитали возможность и масштаб массового исхода населения после присоединения к ЕС и не могут ничего с этим сделать сами, Беларусь не в состоянии. Тем не менее с учётом роста своего геополитического и экономического значения для Беларуси важно осознавать ответственность за этот регион и его развитие.

Это означает, что те экономические проекты, которые Беларусь реализует в странах Балтии, можно рассматривать как точки роста и притяжения для местного населения. Используя своё экономическое влияние и авторитет, заинтересованность в неконфликтном сосуществовании, Беларусь могла бы стать своеобразным «зонтиком» и от чрезмерных геополитических претензий к странам Балтии со стороны части российских элит.

Очень важный аспект — трансформация идентичности балтийских наций. С одной стороны, Беларусь, создавая экономи-

ческими методами точки роста вокруг и внутри балтийских стран, снижала бы градус межнациональной напряжённости, вовлекая, например, русскоязычное население в эти проекты: БелАЭС и Островец как новый индустриальный центр Виленского края, предоставляющий рабочие места для местных поляков, русских, белорусов.

С другой стороны, Беларусь могла бы сформировать собственный месседж и для представителей интеллигенции балтийских народов, озабоченной сохранением национальной культуры и языка. В белорусской культуре нет колониального кода и ассимиляционного императива, поэтому контакт и сотрудничество с балтийскими элитами, думающими о национальном самосохранении, а не только о местах в бюрократической иерархии ЕС, могли бы быть более плодотворными. В определённом смысле в существовании балтийских этносов и языков Беларусь заинтересована более всего, поскольку сохранение автохтонного населения и устоявшейся культурной традиции в Прибалтике — это фактор стабильности и предсказуемости.

Основные белорусские цели для будущего в отношении стран Балтии можно сформулировать так: мирное сосуществование, экономическая кооперация, создание «точек роста» в условиях демографического угасания, сохранение автохтонных культур и языков как залог стабильной межнациональной ситуации и исторической преемственности. Пока это весьма общие контуры белорусского плана для будущего, который может быть интересным и в странах Балтии, конкретное его наполнение и воплощение в жизнь возможно в случае общего интереса и общих усилий.

Белорусская Литва в XXI веке

Литва бывает разная, как и Русь. В средневековье знали о Литовской, Белой, Малой Руси. Малой Литвой называли часть Восточной Пруссии, XX век принес понятие Средней Литвы. По аналогии с этими названиями можно говорить и о Белорусской Литве — северо-западной части современной Беларуси, там, где

все еще сохраняются островки литовского населения и где славянская и балтская этнические стихии тесно переплетаются.

Но белорусской эту Литву можно назвать еще и по другой причине — эта территория, в отличие от Литовской Республики, в социально-экономическом плане развивается совершенно по-другому, по-белорусски.

С созданием больших промышленных проектов и активным вовлечением в них местного населения, независимо от происхождения. В этой связи представляется, что и традиционные образы и символы, которые связаны с Литвой, тоже должны иметь белорусскую специфику.

Белая Вильня

В свое время я уже предложил один такой образ, бренд — Белая Вильня. Это символическое название для агломерации, которая будет складываться вокруг Белорусской АЭС и города Островца.

Сейчас Островец насчитывает немногим более 8 тыс. жителей, а после запуска двух энергоблоков атомной станции предполагается, что его численность вырастет до 30–35 тысяч. Два блока — не предел, их количество можно наращивать до четырех, шести, при этом численность населения будет расти на 10–15 тыс. на каждый энергоблок.

Речь идет о том, что Островец со временем имеет потенциал стать одним из самых быстрорастущих городов региона. В идеале было бы неплохо нарастить его население до 100 тыс. человек, превратив его тем самым в фактически новый центр исторической Виленщины.

Именно поэтому и возникла метафора Белой, Белорусской Вильни.

Если Старая Вильня—Вильнюс — это скорее город-музей, специализация которого в будущем может быть связана со сферой услуг, рассчитанной на зажиточных посетителей из Минска и Островца, то Белая Вильня — это образ сверхсовременного поселения атомщиков, за считанные годы выросшего на белорусско-литовской границе.

Такое символическое позиционирование Белорусской Литвы позволяет сделать совершенно неактуальными набившие ос-

комину исторические споры за наследие Великого Княжества Литовского и о принадлежности Вильнюса.

У Беларуси появляется собственная Вильня — динамичная, пульсирующая жизнью и энергией, а все желающие окунуться в атмосферу средневекового города могут сделать это, скажем, в выходные дни, посетив стилизованное кафе или бар, расположенный на одной из кривых улочек Вильнюса.

Ядерная Брама

Впрочем, такие метафоры пригодны не только для маркетинга в сфере услуг. Они описывают различные траектории развития, если угодно, разные проекты национального строительства.

«Острая Брама» в Вильнюсе — застывший памятник давно ушедшей эпохи, когда город когда-то был столицей крупного, влиятельного многонационального государства.

«Ядерная Брама» в Островце — символ того, что Беларусь не пошла путем деиндустриализации и депопуляции, а наоборот, сделала ставку на большие проекты, которые становятся драйверами развития и увеличения численности населения.

По сути, для Беларуси АЭС — это вход в мир будущего, где обладание своей энергией, наличие значительного числа высокопрофессиональных специалистов-атомщиков, строителей, готовых вместе с Росатомом возводить станции по всему миру, является залогом выживания и роста.

В этом смысле то, что Вильнюс оказался на территории современной Литовской Республики, можно рассматривать скорее как благо, а не как потерю. Белорусам не надо было расходовать драгоценную энергию своей культуры и жизни простых людей на освоение этого города, не возникло еще одного эпизода конфронтации с польским населением края.

В конце концов, нам не надо просить в Брюсселе и тратить колоссальные средства на поддержание в надлежащем состоянии и восстановлении ветшающего старого города.

Электрическая Погоня

Беларусь дает шанс на иной путь развития жителям Виленщины, исторической Литвы в XXI веке. Конечно, этот путь не

для всех, надо принять как должное и уважать выбор литовцев, литовских элит, видящих свое будущее по-другому.

У белорусов нет по отношению к другим народам ни высокомерия, ни мессианства. Но у нас есть право на свой путь, к которому могут приобщиться не только граждане Беларуси, но и все, кто видит в ней лидера альтернативной Европы.

Если мы вспомним древний символ Литвы — герб «Погоня», изображающий скачущего всадника с воздетым над головой мечом, то сегодня его смысл — защита своей земли, воплощается в той политике и стратегии, которой уже 20 лет придерживается Беларусь.

Это прежде всего расчет на собственные силы, поиск надежных, настоящих союзников и ставка на то, что открывает перспективы будущего, а не тянет во мглу прошлого. Поэтому «Погоня» хоть и не стала официальным гербом Беларуси, зато она стала реальным принципом организации государства общества.

А кто сказал, что «Погоня» не может быть современной и электрической?

Белорусская Литва — это и земля, и путь развития и новые смыслы старых символов. То, что у Литвы как исторического субъекта появятся разные варианты, по-моему, пойдет только на пользу.

По крайней мере, это хороший шанс обогатиться новыми возможностями и не упустить перспективы тем, кто в состоянии их увидеть и понять.

Белая Вильня

«Электростанция тоже является храмом, только замечается это так же мало, как в храме замечается электростанция».

Эрнст Юнгер

Атомный храм

Завершение строительства и пуск первой Белорусской АЭС становится неизбежным. Это говорит о том, что белорусское

общество в целом и политическая элита в частности преодолели постчернобыльский страх и реализовали смелый проект, победив многие трудности. Реальной альтернативы развития атомной энергетики в контексте потребностей экономики Беларуси нет.

Безусловно, экологическая безопасность в этой ситуации должна стать объектом постоянной заботы государства и общественных организаций. И в случае с последними — именно объектом заботы, а не причиной саботажа или политических демаршей, поскольку очень часто, как можно убедиться на примере Западной Европы, активисты экологических организаций, выступая против строительства АЭС или за их закрытие, действуют в конечном итоге в интересах нефтедобывающих магнатов.

Как утверждает французский физик и бывший министр образования Франции Клод Аллегр: *«Подняв картотеку отходов за 10 лет, я утверждаю, что на сегодняшний день атомная энергетика — самая безопасная и наименее грязная. Все известные источники статической энергии выбрасывают CO₂, что со временем повлечёт опасное изменение климата. Я со своей стороны выступаю за энергетическую независимость Франции»*. Обладание собственным источником энергии — залог сохранения определённого уровня технологического развития и возможность его ускорения. А в настоящее время это далеко немаловажный фактор.

Если сравнить изменения освещённости Земли в ночное время, которые произошли с 1998 по 2012 г., то нетрудно заметить, что планета постепенно погружается во мрак. Это наглядная иллюстрация разворачивающегося глобального кризиса, ведь энергопоток — это кровь нашего мира. Но Беларусь не хочет быть малокровной и погружаться во тьму, поэтому и строит собственный «храм Света» — электростанцию.

Для литовских экспертов строительство БелАЭС с помощью российских коллег выглядит непонятным на фоне заявлений руководства страны о том, что станция станет краеугольным камнем нашей энергетической независимости. Видимо, тут мы имеем дело с превратно понятой независимостью, как

стремлением быть независимым *от*, а не *для*. Независимость *для* предполагает осмысление своей конструктивной роли в континентальном масштабе, использование геополитических союзов для собственного развития и удержания цивилизационного уровня. Именно это и определяет сотрудничество Беларуси и России в рамках развития белорусской ядерной энергетики. К сожалению, европейские партнеры в соседних с Беларусью странах способствуют в основном сворачиванию подобных масштабных энергетических и промышленных проектов, а вовсе не их основанию.

Странным образом обострение дискуссий вокруг БелАЭС совпало с появлением призрака «белорусской угрозы» в виде якобы имеющихся притязаний с нашей стороны на Вильнюс — Вильню. Стоит сказать, что Республика Беларусь и её власти никогда не предъявляли никаких территориальных претензий к Литовской Республике, не пропагандировали возвращение «утраченных» этнических земель и т.д. Те же, немногочисленные в масштабах всего белорусского общества энтузиасты перетягивания одеяла общего исторического наследия, далёкие от реальности мечтатели, очарованные уходящим «виленским мифом», — явление крайне маргинальное, и никакого влияния ни сейчас, ни в ближайшем будущем у них нет.

Но у белорусов есть другая претензия. Пользоваться суверенным правом распоряжаться территорией собственного государства. БелАЭС — реализация именно этого права. Можно понять озабоченность соседей близостью станции к своей столице, в связи с чем и возникают вопросы о надлежащем обеспечении безопасности. К этому стоит прислушиваться, давать необходимые разъяснения и ещё раз обратить внимание на безопасность, ведь её много не бывает. Но это вовсе не повод пытаться препятствовать строительству или оказывать давление на нашу страну.

Белорусская Вильня

Действительно, на заре становления белорусского национального проекта Вильня — Вильнюс была эпицентром культурной жизни «будителей» нации, романтической столицей нацио-

нального «возрождения». Однако время не стоит на месте, мир меняется и для сегодняшних белорусов в массе своей Вильня уже не имеет прежнего «столичного» символического статуса, для них это скорее провинциальный город, законсервированный осколок былого величия, компактный город-музей и место тихой релаксации, если сравнивать с Минском, Киевом, Варшавой или Москвой.

Столица — административная, культурная или научная — должна обладать мощной энергией притяжения, генерировать ток жизни. В планах белорусского правительства превратить Островец, районный центр с 8 тысячами жителей, по мере запуска станции в 30-тысячный город с перспективой дальнейшего роста населения. Атомщики станут стержнем обновленного поселения, туда, скорее всего, потянутся их коллеги из соседней Литвы, оставшиеся без дела после закрытия там Игналинской АЭС, а возможно, в поиске лучшей работы и социального статуса, и другие жители литовской Виленщины из числа поляков, белорусов и просто тутейших (местных).

Тогда неизбежно станет вопрос о гуманитарной составляющей городского пространства. В связи с очевидной необходимостью разгрузки перенаселенного Минска можно было бы подумать о переезде некоторых факультетов, не только физических, но и гуманитарных, или их филиалов, в эту новую столицу. Например, историки и археологи могли бы непосредственно на месте заняться изучением исторической Литвы, у филологов под боком была бы живая лаборатория балтославянских языковых контактов и местные диалекты, как источник литературного белорусского языка, у философов и экологов — необъятная и наглядная тема взаимодействия природы, человека и техники.

«Будители» нации искали в начале XX века в старой Вильне призраки ушедшей в небытие державы, чтобы вдохнуть в них жизнь и наполнить этим смыслом существования народа, но жизненный дух нации воплотился в БССР. В конце XX века «будители» из старой Вильни пытались вещать нации о том же, но Беларусь снова их не услышала, а сами они были вынуждены переехать в реальную столицу. Сейчас же на наших глазах возникает новый центр, который, имея АЭС, будет работать на пробужде-

ние региона не в силу исторической инерции, а в силу доступа к могуществу энергии и высоким технологиям. Призрачная Вильня, исчезающий вместе с ятвяжско-литовскими говорами Райградас — древние святые места перевоплощаются здесь в новом облике места электросилы.

Фактически рядом с литовской Вильней может возникнуть новый центр, *другая Вильня, белорусская Вильня, Белая Вильня* как современный город с атомным сердцем. Технологический остров, центр электрического свечения, расходящегося в разные стороны из древней метрополии, державшей под контролем земли между Балтийским и Чёрным морями. А почему бы и нет? Ведь у белорусов есть мудрая поговорка: «*Рабі пільна, і тут будзе Вільня!*»*

V. БЕЛОРУССКИЕ СМЫСЛЫ

Беларусь Евразийская

Белая Русь — загадочное название. Впервые как историко-географическое понятие оно появляется в Дублинской рукописи (2-я половина XIII в.), с приблизительным расположением в Северо-Восточной Европе в качестве собирательного образа Албании, Алании, страны на пограничье с Азией. В традиции цветовой номинации сторон света у народов Великой Степи белый — это запад, то есть Белая Русь — это Западная Русь с евразийской перспективы.

Впервые Белая Русь (*Rossia Biancha*) появилась на карте, созданной венецианским монахом Фра Мауро и картографом Андреа Бьянко в 1459 году, с любопытной расшифровкой: *Белая Русь, Сарматия или Русь в Азии (Rossia Biancha, Sarmatia over Rossia in Asia)* и локализовалась она между Волгой и Белым морем.

В немецком рыцарском романе «Белый король» — завуалированной биографии императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга (1514 г.) белорусами (*weysse Reissen*) называются послы великого князя московского Василия III, который именовался «Божьей милостью императором и государем всей Руси». Именно на этот титул и признание его немецким кайзером позже будет ссылаться Петр I в качестве доказательства признания его императорского титула среди европейских монархий.

С XVII в. название Белая Русь наиболее часто употреблялось в отношении современного белорусского Поднепровья и Подвинья, а с XIX в. становится общепринятым названием всех белорусских этнографических территорий.

Первая письменная фиксация употребления термина *белорус (Leucorussus)* в качестве самоназвания выходцев с совре-

* Делай тщательно, и тут будет Вильнюс.

менной территории Беларуси относится к 1585 году — поэт-латинист Соломон Рысинский подписался как *Solomo Pantherus Leucorussus* (*белорус*), впоследствии он применял и подпись *Solomo Rysinius Sarmata* (*сармат*). Сарматами в то время называли сообщество аристократов Речи Посполитой, а также все славянские народы. Итальянский историк Франко Кардини связывал с сарматским влиянием, иранско-германским симбиозом возникновение в Западной Европе кавалерии и развитие на её основе средневекового рыцарства.

Древние границы и ментальные карты удивительным образом воспроизводятся в нынешнее время. Античная Скифия, Сарматия — древние аналоги Евразии. Европейская Скифия, Сарматия — пограничье, фронтир Евразии и Европы, это Восточная Европа или Западная Евразия, античная Германия — Срединная Европа. В первой доминируют русские, во второй — немцы. Западный Буг — цивилизационная граница, именно поэтому Брест — это очень важный символический форпост для Евразии и России.

Граница между Восточной Европой и Западной Евразией довольно устойчивая, в общих чертах совпадает с западной границей СССР после 1939 года. Там же проходит граница положительной изотермы января и граница распространения бука, также на восток от неё начинается «флагообразная» ландшафтно-климатическая зональность.

Беларусь ещё с древности разделена по диагонали на два больших ареала: северо-запад и юго-восток. Это деление совпадает с водоразделом Балтийского и Чёрного морей, геологическим делением на тектонические плиты Фенноскандию и Сарматию, этнокультурными ареалами: балтославянским и славяно-иранским, а также антропологическими зонами: валдайской и полесской.

Скорее всего, эти зоны и ареалы начали складываться очень давно. Самые древние останки человека, найденные в Беларуси, относятся к бронзовому веку. Один скелет был найден в Гродненской области, на западе страны, и согласно краниологической характеристике он имеет резко выраженные европеоидные черты. Второй скелет был найден в Гомельской области, на востоке страны, и характеризуется монголоидными чертами.

У населения Европы выделяются три основные генетические компоненты: 1) охотники-собиратели — потомки первых выходцев из Африки; 2) неолитические земледельцы из Ближнего Востока; 3) выходцы с территории ямной культуры — носители индоевропейских языков. Все народы Западной Евразии — смесь этих трёх компонентов в разных пропорциях. Отличие жителей Западной и Восточной Европы в том, что у первых больше неолитического компонента, а у вторых — индоевропейского. У белорусов преобладает (более 50 %) индоевропейский компонент.

Индоевропейцы, сформировавшиеся между Днестром и Волгой, на стыке нескольких доисторических «миров»: балканских земледельцев, кавказских и восточноевропейских охотников, освоившие в результате технологической и идеологической экспансии большие пространства Европы и Азии — это первые «евразийцы».

Белорусско-украинское Полесье считается наиболее вероятной прародиной славян. Археолог Дмитрий Мачинский, исходя из собственной реконструкции полесской прародины, выделил несколько «провиденциальных» черт славянства: континентальность, вертикальная направленность экспансии — на север и юг, в зону тайги и в степи, способность к кардинальной трансформации жизненного уклада, отнесение к народам между германцами и сарматами, т.е. «евразийскость», нахождение между Западом и Востоком.

Сегодня славяне, особенно восточные, русские — это лингвокультурная ось Северной Евразии. Вероятно, именно на Полесье под влиянием иранских племён — скифов и сарматов — произошло выделение праславян из балтославянского языкового массива. Непосредственный контакт балтославян и скифов, происходил на Полесье в ареалах милоградской и юхновской археологических культур. Это нашло отражение в многочисленных лексических заимствованиях из иранских языков в праславянский, особенно в религиозной сфере. Здесь же находится архаическая гидронимия славянского типа и самые ранние достоверно славянские археологические памятники.

Первые славянские слова, фиксируемые в письменных источниках, — это «мёд» и «страва», известные из византийских источников V–VI вв. Любопытен контекст, в котором упомина-

ется слово «страда». Иордан сообщает о том, что этим термином называлось погребальное пиршество, совершенное гуннами во время похорон Атиллы.

Уже с первого появления на исторической арене славяне входили в союзы с кочевниками Великой Степи: гуннами, болгарями, аварами. Обряды поминания предков с трапезой на могилах известны у славян до сих пор. Конфликты славян с германцами также известны с самого первого появления славян в письменных источниках.

Государственное развитие восточных славян начинается в «русскую» эпоху и связывается с деятельностью *руси* — германско-славянско-балтско-финско-иранско-тюркских военно-торговых корпораций. Слово *Русь* как название для таких сообществ и отдельно как особая форма социальной организации стало устойчивым и уже означало не только князя и его дружину, но и территорию, которую они занимали, — княжество, «русскую землю». А также народ, подчинённый князю.

В это время идентификация *русь* стала двойственной. С одной стороны, она связывалась с происхождением из некоторого племенного ареала, где имя *руси* и такая социальная форма были распространены (кривич, дрегович, чудь, радимич, ятвяг), т.е. *русь* стала обобщать племенные имена. С другой стороны — указывала на принадлежность к «русскому» государству: общественной структуре, руководимой князьями и его *русью*, уже без указания на племенную принадлежность. Причём с развитием государственного устройства смысл идентификации дрейфовал в сторону последнего.

Основным своим центром *русь* выбрала стратегически важную точку — город Киев в Среднем Поднепровье, позволяющий контролировать путь из «варяг в греки» и бывший до этого хазарским опорным пунктом. Как отмечает Георгий Вернадский: «Киевская Русь была ядром впоследствии континентальной, «Евразийской» России. С геополитической точки зрения территория Киевского государства может быть определена не только как «Восточная Европа», но и как «Западная Евразия»».

В эпоху, когда белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, литовские князья правили восточной и южной их частью в качестве вассалов татарских ханов на основании их ярлыков. До унии с Поль-

шей ВКЛ фактически было таким же евразийским государством, входившим в монголосферу, как и Великое княжество Московское. Западная граница расселения татар, её маркирующая, также совпадала с границей между ВКЛ и Польским королевством. По сути, это граница между Европой и Евразией.

Старобелорусский язык по-своему можно считать евразийским, поскольку он имел при традиции графической передачи на письме: кириллицей, латиницей и арабской вязью в аль-кистабах — книгах, создаваемых татарами в ВКЛ с XVI века и перешедших с татарского языка на белорусский. Знаменитые случские пояса, украшавшие одежду шляхтичей-сарматов Речи Посполитой, своим происхождением связаны с Османской империей и Персией.

Автор Никоновской летописи раскрывает замысел великого князя литовского Витовта создать евразийский имперский проект, объединяющий земли Востока и Запада: «*Поидем пленити землю Татарьскую, победим царя Темирь Кутлюя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим во Орде на царстве его царя Тахтамышя, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем приморши, и на Казани; и то будет все наше и царь наш, а мы не точию Литовскою землею и Полскою владети имамамы, и Северю, и Великим Новымгородом, и Псковом, и Немцы, но и всеми великими княжении Русскими*».

После разгромного поражения от татар под Ворсклой Витовт отказался от этого проекта и решил принять корону с Запада от немецкого императора, но этому помешали польские интриги. По мнению исследователя цивилизационных основ белорусского исторического процесса Льва Окиншевича: «*основной причиной поражения «Литвы» был демонстративный выбор её элитой западного (а не восточного) пути*». По мнению Юрия Шевцова, который определяет белорусскую культуру как территориальную версию русской культуры, в ней можно выделить общую закономерность: «*правлящий класс в Беларуси, как правило, ориентирован на Запад. А низшие социальные слои — как правило, симпатизируют Востоку, сохраняют общерусскую идентичность*».

Восточная ориентация для белорусской культуры естественна и органична и поэтому правящий класс, который проис-

ходит из народа и связывает себя с ним, как правило, выбирает восточный вектор интеграции. И это оправдывает себя, становится основой для дальнейшего развития и возрождения. Так произошло, например, в БССР, как отмечает Сергей Богдан: *«решающее значение для формирования белорусской советской нации имела национальная политика союзного центра в первые десятилетия существования СССР, которая заложила основы белорусской нации такой, как она сейчас есть»*.

Этим же был обусловлен евразийский, а не европейский выбор Беларуси в постсоветскую эпоху. Полноценное развитие Беларуси без унижительных условий связано с Востоком, причём уже не только с Россией, но и с набирающим силу Китаем, что, безусловно, не отрицает необходимости взаимовыгодного сотрудничества с Западом.

Беларусь осознанно стала участником всех интеграционных проектов вокруг России: Союзного государства, ОДКБ, ЕАЭС — и не стремится к участию в ЕС, но из этого следует, что в белорусской идентичности и культуре должна быть и евразийская составляющая.

Белорусы — нация тружеников и партизан

«То, в чём мы увидели задачу единичного человека, составляет сегодня и одну из задач нации; она состоит в том, чтобы отказаться от индивидуального образца и постичь себя как представителя гештальта рабочего».

Эрнст Юнгер

«“Работа” — это для нас обозначение любой упорядоченной деятельности, любого упорядоченного поведения, движимых ответственностью отдельного человека, группы и государства и таким образом служащих народу».

Мартин Хайдеггер

Анализируя государственный идеологический дискурс, в Беларуси обычно выделяют две позиции. Первая состоит в том,

что, признавая наличие государственной идеологии в Беларуси, рассматривают её как продолжение коммунистического проекта, «заповедник социализма» и т.д. Другая позиция заключается в том, что какой-либо стройной, единой идеологической системы в Беларуси за 20 лет так и не удалось создать. Попробуем рассмотреть эти позиции более подробно.

На наш взгляд, Белорусское государство достаточно последовательно реализует собственный идеологический проект. Он, безусловно, имеет символическую и институциональную преемственность с БССР. С одной стороны, центральным элементом и стержнем этого проекта является историческая память о Великой Отечественной войне, своеобразный национализированный «культ Победы», сюда же стоит отнести и модифицированную государственную символику, принятую на референдуме 1995 года.

С другой стороны, в Беларуси хоть и не было радикально-либеральных экономических преобразований тем не менее рыночные реформы все же происходили и происходят. Как отмечает политолог Юрий Шевцов: *«политической мощи Беларуси изначально не было достаточно для того чтобы реанимировать СССР, а потому и суть белорусского пути — не противостояние рыночным реформам, а специфичная форма адаптации к ним, особая исключительная форма реформирования»*.

Эта исключительная форма реформирования, предполагающая высокую степень централизации власти и участия государства в управлении экономикой, была обусловлена необходимостью сохранения крупной промышленности, доставшейся Беларуси по наследству от Советского Союза. То есть именно индустриальный фактор сыграл едва ли не самую важную роль в становлении современного Белорусского государства и его идеологии.

Проблема восприятия реализуемого в Беларуси идеологического проекта связана и с проблематикой модели национальной идентичности, конструируемой государством. Ряд исследователей Беларуси, например литовский политолог Йовита Праневичуте, говорят о том, что процесс формирования нации в современной Беларуси ещё далек от завершения. При этом в качестве содержания национальной идентичности предполагает-

ся её стандартная восточноевропейская версия, основанная на языке, историческом сознании и дистанцировании от России. Понятая таким образом «образцовая» национальная идентичность противопоставляется советской.

Гештальт рабочего

С этим вряд ли можно согласиться. Собственно процесс белорусского национально-государственного строительства был реально начат именно большевиками и вследствие их установки на создание на пространстве Советского Союза из социалистических наций приобрел необратимый характер.

Но для понимания специфики белорусской национальной идентичности и тех оснований, которые заложены в идеологическом проекте современного Белорусского государства, необходимы иные концептуальные подходы, чем различие между «национальным» и «советским».

Одним из таких подходов может быть предложенный немецким философом Эрнстом Юнгером концепт гештальта рабочего-труженика и связанный с ним понятием тотальной мобилизации. Гештальт рабочего, работа, труд как концептуальная категория у Юнгера — это некий всеохватывающий принцип вовлеченности больших людских масс, обществ, народов и государств в XX веке в грандиозную конструктивную, креативную деятельность, перемалывающую все ранее существовавшие социальные, экономические и государственные формы.

Юнгер пишет: *«Необходимо знать, что в эпоху рабочего, если он носит свое имя по праву, а, например, не так, как все современные партии, называющие себя рабочими, — не может быть ничего, что не было бы достигнуто как работа. Темп работы — это удар кулака, биение мыслей и сердца, работа — это жизнь днем и ночью, наука, любовь, искусство, вера, культ, война; работа — это колебания атома и сила, которая движет звездами и солнечными системами».*

Гештальт рабочего как апогей модерна проявляется в тотальной мобилизации, а в белорусском случае — это коллективизация, сверхиндустриализация, участие и победа в мировой войне, ускоренная урбанизация. То есть именно эти факторы в совокупности и определили специфику формирования бело-

русской нации, сделав белорусов «нацией труда» в юнгеровском смысле. Именно поэтому в Беларуси не укоренился восточно-европейский этнонационализм, а идеологические основания современного Белорусского государства (индустриальная идентичность, государственная символика, культ Победы) связаны с эпохой активного утверждения гештальта рабочего, для которого конкретная идеологическая форма (коммунизм, социализм) не имеет определяющего значения.

Фигура онтологического партизана

Особое, фундаментальное значение памяти про Великую Отечественную войну для белорусов обычно объясняют двумя факторами. Во-первых, это колоссальные людские потери, на сегодняшний день исследователи говорят о трех миллионах жертв, которые Беларусь совокупно принесла на алтарь той войны, что означает гибель почти каждого третьего её жителя. Такое количество жертв, уровень материальных разрушений и потерь беспрецедентны для любой другой европейской страны, и поэтому Беларусь считается одной из, если не самой пострадавшей в ходе этой войны. Фактически она стала точкой отсчета, началом нового социума — пережившего угрозу тотального уничтожения и нашедшего в себе силы возродиться, продолжать жить и развиваться.

Второй фактор — широкое партизанское движение, развернувшееся на территории Беларуси, которое к концу войны насчитывало около 400 тыс. человек. Это также беспрецедентное количество местного, гражданского в большинстве своём населения, вовлечённого в борьбу с оккупантами. Собственно, это и стало причиной того, что уже в послевоенное время Беларусь воспринималась как «республика-партизанка», поскольку из всех оккупированных областей СССР именно здесь было самое масштабное сопротивление.

Несмотря на то что и само партизанское движение как явление и его особенности в Беларуси — весьма интересные феномены не только для исторического, но и философско-теоретического осмысления, работ, посвящённых этому аспекту, к сожалению, очень мало. Одной из самых значительных в их числе следует назвать книгу Карла Шмитта «Теория партизана», в ко-

торой рассматривается возникновение и развитие партизанского движения и его концептуальные основания. Изначально партизанское движение было автохтонным, преимущественно крестьянским движением сопротивления оккупантам и защиты традиционных ценностей, постепенно приобретая черты субъекта всемирно-исторического значения.

Война Германии с СССР, то, что происходило в это время, в том числе на территории Беларуси, как раз и было примером этой трансформации. Партизанское движение из простонародного, каким оно было в предыдущую эпоху, в сочетании с новым идеологическим содержанием и мощной поддержкой извне (в белорусском случае это очевидная связь и согласованность с центром в Москве) стало явлением онтологического порядка.

Шмитт отмечает: *«Сталину удалось связать мощный потенциал национального и отечественного сопротивления — а именно, по существу своему оборонительную, теллурическую силу патриотической самозащиты от иноземного завоевателя — с агрессивностью интернациональной коммунистической мировой революции».*

Своеобразное восприятие Шмиттом как немецким мыслителем этого нового качества партизанского движения понятно, с этой конкретной характеристикой нет необходимости соглашаться, но тут важен сам факт того, что диагностируется некое новое сочетание и качество.

И современная белорусская идентичность — прямой результат этого качества. Параллельно выводам Шмитта Юрий Шевцов, анализируя роль партизанского поколения белорусской руководящей элиты, фиксирует важные, на наш взгляд, моменты:

«Именно “партизаны” добивались и добились инвестиций из союзного центра на развитие в БССР крупных заводов, восстановление и развитие городов, мелиорацию и сверхиндустриализацию. Этот правящий класс по-своему позиционировал себя в Москве. Его внутренняя солидарность и моральная чистота были для бывшего СССР, вероятно, беспрецедентны. [...]

Сверхиндустриализация дала белорусской культуре материальную мощь вырваться за рамки восточноевропейской культурной “клетки”... Советская белорусская идентичность —

уникальное явление для Восточной Европы. Обычно местные национальные культуры развивались как культуры, противостоявшие России/СССР, во всяком случае манифестировавшие такое противостояние. Антинацизм и советская культурная традиция выводят белорусов на глобальный уровень осмысления своих культурных приоритетов и ценностей, выводят за рамки регионального мышления и вообще за рамки региона».

Белорусы как нация партизан и победителей в рамках советского проекта совершили уникальную трансформацию: от автохтонного традиционного общества к обществу планетарному. Именно это отличает белорусов от большинства этнократических наций Восточной Европы и делает их своеобразным вариантом культуры русского типа, имеющим иные онтологические основания: мощнейший гуманистический потенциал, позволивший отстоять здоровое ценностное ядро в борьбе с нацизмом, способность к масштабному мышлению, к участию в больших проектах развития и созданию сильных государственных структур, готовность к самопожертвованию ради этого. И это смысловое ядро, на наш взгляд, до сих пор определяет специфику белорусской идентичности.

Восточнославянская Пруссия

Истоки белорусской государственности начинаются в эпоху Киевской Руси, это наши общие истоки с русскими и украинцами. Белорусы как народ, этнически, культурно, антропологически очень близкий другим восточнославянским народам — русским и украинцам, — имеют свои уникальные особенности в языковом и этнокультурном плане.

Эти особенности связаны с геополитическим, этноконфессиональным и историческим контекстом. Беларусь более пяти столетий входила в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, а это значит, была открыта влияниям западноевропейской, латинской культуры. Эти влияния преобразовывались, синтезировались с элементами местной балтославянской культуры, а также православно-византийскими.

Беларусь иногда называют *Восточнославянской Пруссией*, проводя определённые исторические параллели с немецкой Восточной Пруссией. Действительно, и в Беларуси, и в Пруссии

были ассимилированы балтские племена, и на их основе возник новый народ и государство. Любопытно, что белорусы и древние пруссы связаны перипетиями давней истории. Известно, что после завоевания земель балтского племени пруссов Тевтонским орденом некоторые из них переселились на территорию современной западной Беларуси. «Прусские» названия населенных пунктов в Беларуси до сих пор сохранились. Некоторые деревни с такими названиями, населённые потомками прусских переселенцев, в последнюю войну, по горькой иронии судьбы, были сожжены немцами вместе с жителями.

Некогда грозный Тевтонский орден после Грюнвальдской битвы в 1410 году и разгрома его евразийским альянсом — польско-литовско-русско-татарской армией быстро потерял свою власть и вскоре стал вассалом Польши. В 1525 году орден был секуляризован, и было образовано Прусское герцогство, которое после слияния с Бранденбургом в 1657 году утратило свою вассальную зависимость. В 1701 году было провозглашено королевство Пруссия. С 1740 по 1786 год королем Пруссии был Фридрих II Великий — самый известный представитель династии Гогенцоллернов, заложивший основы силы и величия прусской экономики. После трудного периода наполеоновских войн возрождение прусской власти было связано с «железным» канцлером Отто фон Бисмарком, чья чрезвычайно успешная политика позволила Пруссии в 1871 году объединить разделенные германские княжества в Германскую империю.

Прусское государство было успешным не только в политическом, но и в этическом плане. Прусскость как необыкновенная способность к дисциплине и мобилизации стала основой знаменитого немецкого порядка.

Прусский социализм, который был идеалом для таких известных мыслителей, как Освальд Шпенглер, Вернер Зомбарт и Эрнст Никиш, основывался не на всеобщей уравниловке, а на орденской идее служения, когда труд становится сознательным долгом, а не товаром, бюрократия является служилым сословием, а не коррумпированными олигархами. В то же время каждый человек — это не атомарная единица, заботящаяся исключительно о личных выгодах, а соучастник органического сообщества, социальный солдат, который сознательно выбирает не

«свободу от», а «свободу для». Благосостояние современной Германии во многом основано на этих «пруссских» этических принципах.

Используя терминологию Э. Юнгера — одного из мыслителей «прусского стиля», белорусы в минувшем столетии были довольно уникальным примером создания *нации Труда*. В СССР мы были частью социально-инженерного эксперимента, проходившего все этапы тотальной мобилизации в форме индустриализации, урбанизации и массового партизанского движения во время Великой Отечественной войны. Именно это сформировало современную белорусскую идентичность, а не национализм, ориентированный на этничность, исторические обиды или сопротивление России, как в Польше и Прибалтике.

Советская власть сыграла решающую роль в становлении белорусской идентичности и государственности, проведя тотальное преобразование или демонтаж большинства до того существовавших социальных структур.

После победы в Великой Отечественной войне в составе советского народа белорусы и Беларусь во многом переняли геополитические и геоэкономические функции Восточной Пруссии в немецком мире. Юрий Шевцов отмечает, что *«после ликвидации Восточной Пруссии и переориентации экономических связей внутри Восточной Европы на континентальные магистрали, Беларусь стала играть для региона между Полесьем и Балтийским морем примерно ту же роль, которую ранее играла Восточная Пруссия. Именно Беларусь, прежде всего Восточная Беларусь, стала естественным транспортным, промышленным, в некотором смысле культурным и политическим ядром региона. Новое экономическое районирование Восточной Европы было следствием развития СССР и связанной с ним экономической и политической систем. Беларусь, став «советской Восточной Пруссией», зависит от существования огромного единого пространства на востоке не меньше, чем Восточная Пруссия зависела от западноевропейского тыла»*.

Именно это, на наш взгляд, может объяснить то, почему современная белорусская идентичность основана не на языковом факторе, политэкономические факторы гораздо важнее, почему Республика Беларусь является удивительным исключением из

правил нациестроительства, принятых в Восточной Европе, и почему довольно успешно реализуется собственная устойчивая социально-политическая модель, опирающаяся на союз с Россией.

Попытки ревизионизма

Тем не менее при сохранении своего ядра белорусское общество претерпевает изменения, связанные как с внутренними, так и с глобальными причинами. Нет уже и мощного генератора смыслов, созданного в советское время. В Беларуси, так же как и в исторически близких России и Украине, существуют тенденции, связанные с пересмотром или даже полным отрицанием упомянутых выше ценностных оснований.

Одна из них — националистическая, своей генеалогией восходящая к тем, кто проиграл в Великой Отечественной войне, встал на путь предательства и сотрудничества с оккупантами, то есть к националистам-коллаборантам. Один из наиболее ярких примеров этой тенденции — деятельность на ниве популяризации националистической версии истории публициста Анатоля Тараса. Это один из наиболее последовательных антагонистов белорусской идентичности, описанной нами выше. В мировоззрении этих людей происходит инверсия, в результате которой оказывается, что *«партизаны, будучи плоть от плоти советско-большевистской людоедской системы, не могли не быть преступниками. По определению не могли. Если считать, что ВКП(б) — это преступная организация..., то и партизаны были такими, какой была партия. Да, иногда они боролись с врагом, но прежде всего — со своим народом»*.

Более того, неприятие вызывает результат трансформации, произошедшей с белорусами в ходе массового партизанского сопротивления и послевоенного восстановления (урбанизации, индустриализации): *«Мы считаем, что все 70 лет советской власти надо вычеркнуть из памяти. Забыть навсегда колхозы и совхозы, строительство заводов и фабрик, социалистическое соревнование и ударный труд, “непобедимую Красную Армию” и “доблестных советских чекистов”. Ничего этого нашему народу не надо было. Наши деды и прадеды жили на хуторах и в маленьких деревнях, обрабатывали свою собственную землю и меньше всего хотели ишачить на большевиков за трудодни или за “переходящую” красную тряпку»*.

Таким образом, для идеологов национализма, большинство которых разделяют подобные взгляды, идеальная Беларусь — это деиндустриализированная, архаизированная, аграрная страна, полностью забывшая своё реальное и совсем недавнее героическое прошлое.

Если идеологи национализма не утруждают себя работой с концептуальными основаниями памяти, манипулируя историческими данными с целью оказать шокирующее эмоциональное воздействие на обывателя, якобы открывая запретную «истину», то либеральные ревизионисты предпочитают атаковать методологически, имея целью воздействие на представителей гуманитарной и творческой интеллигенции так, как это делает историк Алексей Браточкин: *«Постнациональная перспектива памяти о войне и идея прав человека предполагают также принятие такой концепции войны, в рамках которой происходит смещение фокуса от идеи “героизации”/“жертвенности” и “победы”/“поражения” к концепции войны как травмы, как того, что должно быть исключено в качестве политической практики»*.

В такой перспективе не существует подвига, тем более коллективного, народного, связанного с советским государством или его идеологией, поскольку такая перспектива неизбежно транслируется в современность, а с либеральной точки зрения это нежелательно и опасно. Поэтому память про войну необходимо дегероизировать, демилитаризировать, то есть «кастрировать», подвергнуть «историзации» и «мемориализации», то есть лишить сколь-либо явного смыслового огня, оставив только пепел.

Эти две тенденции, каждая по-своему, безусловно, объединены общим стремлением ограничить и, в конечном итоге, уничтожить то смысловое поле, которое мы определили в качестве основополагающего для белорусской идентичности. Тенденции существуют, их создатели пытаются влиять на молодёжную среду. Однако преувеличивать это влияние, как часто делают в отношении Беларуси отдельные российские эксперты, всё же не стоит. Внутренний консенсус в белорусском обществе в отношении Великой Отечественной войны и памяти о ней есть. Оценка Победы большинством белорусов однозначна.

Либерально-националистическая фронда — это не то, что определяет исторический, идеологический и геополитический выбор белорусов, а её радикализм, отчужденность от реальной жизни социума перечёркивают какие-либо перспективы и шансы на будущее. Но её существование имеет свой смысл — это прививка вируса, который здоровый организм белорусского общества обязательно победит, выработав устойчивый иммунитет.

Иммунитет от забвения и искажения необходим не только для того чтобы навсегда усвоить уроки войны, научиться определять «своих» и «чужих», это то, что должно быть усвоено в качестве метаисторического опыта. Способность к борьбе, воля к победе, сверхчеловеческое свершение и сверхнациональная, планетарная перспектива становления и развития. Для Беларуси этот опыт сейчас будет востребованным вновь, коль по прошествии 70 лет мы снова видим войну в соседнем, братском государстве.

То, какими белорусы вышли из огня последней войны, что позволило нам мирно развиваться все эти годы должно быть актуализировано и использовано в теперешней ситуации. Беларусь по-новому будет определять себя и свою миссию в рамках региона, Большой России, в нашей культуре есть код для такого самоопределения и самоощущения. Одновременно с приближением к белорусским границам новой военной угрозы, крахом националистического проекта в Украине, глубинными изменениями в России меняется и наша роль: вместо «республики — геополитической партизанки», в одиночестве противостоящей Западу, Беларусь становится донором региональной безопасности и стабильности.

Понимая белорусскую идентичность таким образом, мы сохраняем за ней не только мирозидательный потенциал, но и способность быть фундаментом конструирования будущего, возведение которого неизбежно после фазы кризиса и переборки всего Русского мира и Северной Евразии.

Точка сборки Евразии

На фоне почти всех восточноевропейских соседей Беларусь является весьма интересным исключением, а серьёзные отличия от других стран региона и Западной Европы или даже про-

тиворечия с ними имеют достаточно глубокие ценностные основания. В геополитическом плане это выражается в приверженности союзу с Россией и выборе евразийского вектора интеграции, который, по мнению руководства страны, в гораздо большей степени способен сохранить доставшееся наследие и индустриальную идентичность нации.

В контексте политики памяти это проявляется в гораздо большем акцентировании событий Великой Отечественной войны, чем, скажем, памяти о Великом княжестве Литовском как части западноевропейской цивилизации. Впрочем, если вспомнить эксклюзивные претензии на наследие ВКЛ значительной части белорусских националистов и оспаривание исторических прав литовцев на него, то можно сказать, что вариант национальной идентичности и политики памяти, реализуемый белорусскими властями гораздо менее конфликтен по отношению к соседям.

Каковы причины ценностных отличий от европейских соседей? Фактически они были сформулированы в 2003 г. в докладе Александра Лукашенко, посвященном вопросам формирования государственной идеологии:

«Белорусская идеология должна иметь ориентацию на традиционные для нашей цивилизации ценности: способность трудиться не только ради наживы, но и для блага общества, коллектива, других людей. Потребность в идеалах и высоких целях, взаимопомощь, коллективизм в противовес западному индивидуализму. [...] По сути, в восточнославянском (если учесть проживание на наших просторах и других народов — восточноевропейском) мире мы остались единственной страной, открыто проповедующей верность нашим традиционным цивилизационным ценностям. Все это позволяет говорить, что временем, судьбой, ситуацией Беларусь выдвинулась на, наверное, великую роль духовного лидера восточноевропейской цивилизации. И не потому, что мы этого хотим, что мы к этому стремились. Или потому, что мы такие умные. Так сложилось в силу нашего консерватизма и тех черт, присущих нашему народу, ...которые мы сохранили».

То есть речь идёт о том, что Беларусь в рамках государственной идеологии воспринимается как государство, привер-

женное социально-консервативным установкам и традиционным ценностям, несущее охранительную функцию по отношению к либеральному фундаментализму Запада. Такое видение белорусской идентичности сохраняется и в актуальном идеологическом дискурсе Республики Беларусь.

Это можно заметить в программных статьях министра иностранных дел Беларуси Владимира Макея, опубликованных на английском языке: «Права человека: что и кто заставил их разделить мир?» и «Политика идентичности и войны культур: новый детерминизм?». В первой статье обосновывается тезис о том, что различия в ценностных установках и понимании прав человека на Западе и Востоке обусловлены разными историческими и культурными путями развития обществ, к ним принадлежащих.

Макей, сравнивая две модели социальной организации, подчёркивает:

«Оппоненты Запада, в связи с исторической обусловленностью их образа мысли, больше времени уделяли построению домашнего мира и гармонии, чем распространению своих ценностей, обычному наблюдателю может показаться, что... коллективные права являются менее ценными, чем индивидуальные права. Но это опасное и дефективное восприятие, которое, к сожалению, получило широкое распространение в дискурсе прав человека в последнее время» и приходит к выводу о необходимости уважения разных идентичностей и путей развития:

«Таким образом, вопрос прав человека по своей сути не будет конфликтным, каким он является сейчас, если мы начнем ценить особые исторические пути развития друг друга, и соответственно относиться друг к другу. И это особенно верно в ситуации, когда глобализация даёт стимул развитию политик осознания собственных корней и когда отношения с “другим” становятся ещё более фундаментально важными, чем когда бы то ни было».

Вторая статья также выдержана в идентаристском, коммуитаристском духе и содержит полемический посыл в отношении либертарианских и универсалистских установок западных мыслителей:

«Необходима ли нам универсальная культура, цивилизация или универсальный набор ценностей? Я очень сомневаюсь в этом. Независимо от того, какую культуру они преимущественно отражают, универсальная культура, цивилизация или набор ценностей неизбежно приведут к упрощённому обществу. Творчество и прогресс в таком обществе, несомненно, закончатся, потому что эта деятельность всегда была обусловлена острой конкуренцией, происходящей из разнообразия».

В первой статье Владимир Макей относит восточных славян к евразийской цивилизации и объясняет почему:

«Восточные славяне, в развитии их типа общества до XIII века, во многих аспектах были схожи с европейцами. Но монгольское вторжение в Восточную Европу в XIII–XIV вв. предопределило последующее развитие восточных славян в ином ключе, нежели развитие их западных соседей».

Россия и Беларусь испытали это влияние, которое выразилось в «коллективистском» понимании прав человека, а не «индивидуалистическом», как в Западной Европе и США. И в этом смысле Макей мыслит совершенно по-евразийски. Возможные отсылки к «европейскому» ВКЛ тут не работают, потому что и ВКЛ до унии с Польшей во многом было «евразийским» образованием. Великие князья также получали ярлыки из Золотой Орды, а Витовт, например, планировал стать императором Востока и Запада, включая, в том числе и татарские земли.

То есть речь идёт о вполне осознанном концептуальном оформлении тех идеологических ориентиров, которыми Беларусь руководствуется на протяжении 20 лет своего существования в качестве независимого государства. И эти ориентиры становятся уже не только принципами для внутреннего употребления, но и частью внешнеполитической стратегии.

В этом можно убедиться, прочитав статью влиятельного историка, депутата парламента Игоря Марзалюка «А кто там идёт?», посвящённую проблемам национальной идеологии. Марзалюк декларирует цели превращения Беларуси в «точку сборки» Евразии, продолжая и дополняя, таким образом, риторику президента Лукашенко и министра Макея:

«Беларусь должна стремиться не просто выжить — она должна быть конкурентоспособной и успешной. А это возмож-

но лишь в равноправном, партнерском экономическом союзе государств, разделяющих наши базовые ценности. При этом мы должны постулировать свою национальную сверхзадачу — создать в своей стране на основе собственной традиции органический, здоровый синтез европейского востока и запада. Мы должны апеллировать к миллионам людей и в Западной, и в Центральной, и в Восточной Европе, для которых понятие добра и зла, традиционной морали и этики (в том числе трудовой этики) и семьи дороги так же, как и нам. Беларусь должна быть притягательным центром традиционной нормальности — центром традиционной Европы. [...] Беларусь сегодня в силу объективных экономических, культурных и социальных факторов продолжает сохранять и культивировать свою традиционную цивилизационную матрицу. Именно поэтому Беларусь может и должна стать центром социокультурной и экономической «сборки Евразии»».

Подводя итог, можно отметить, что государственная идеология в Беларуси действительно существует и имеет свои исторические и концептуальные основания. Они требуют глубокого изучения и понимания. Однако уже сейчас можно сказать, что эти основания далеко не всегда могут быть описаны с помощью привычного инструментария. Для успешного результата нужен иной подход, понимание логики и предпосылок, формирующих специфику белорусской идеологии и национальной идентичности.

О белорусских национальных символах

Символы, принятые на всенародном референдуме 1995 года, поддержанные 75,1 % граждан Республики Беларусь, — это не только официальные государственные символы. Это по-настоящему национальные символы, отражающие специфику реально становления белорусской нации.

Почему? Потому что белорусы — нация действительно молодая. Молодая, но с древними этническими и историческими корнями. Становление нации происходило в современную эпоху — во второй половине XIX — начале XX в. Тогда же происхо-

дил и поиск символов, отражающих сущность белорусской национальной жизни.

Бело-красно-белый флаг был создан в 1917 году архитектором Клавдием Дуж-Душевским как попытка сконструировать символ, аналогичный уже имеющимся у соседей: литовцев, латышей, эстонцев и украинцев. Аналогичной виделась не только символика, но и содержание национальной идентичности: язык, древняя история, противопоставление империям — России или Германии.

Белорусская народная республика (БНР) — неудачная попытка создания белорусской национальной государственности в надежде на поддержку немецкого кайзера провалилась под этим флагом. Под ним же в 1920 году на Полесье орудовали банды погромщика Булак-Булаховича, сбежавшего после разгрома Красной Армией в Польшу.

В годы Великой Отечественной войны использовался исключительно коллаборантами и пособниками нацистов, после войны — сбежавшими от возмездия эмигрантами в Великобритании, США и других западных странах, где они почти все сотрудничали с тамошними спецслужбами в борьбе против Родины.

В 1991 году на фоне краха союзного государства, всеобщего развала и помутнения этот флаг удалось сделать государственным символом. Но ненадолго. Четыре года Беларусь существовала под сомнительными символами, продавленными в условиях всеобщей идейной сумятицы. Но в 1995 году белорусы вернули символы, связанные не с неудачами и откровенным предательством, а с победами и реальными достижениями.

Красно-зеленый флаг с орнаментом был утвержден в 1951 году как символ страны-победительницы, соучредительницы ООН. Можно сказать, он был буквально завоеван во всенародной борьбе, а не придуман салонным романтиком.

Орнамент на флаге связан с древнейшей символикой плодородия, жизни, растущей энергии. Он создан простой белорусской женщиной, воплощает живую народную стихию, а не увлечение призраками феодального средневековья.

Именно поэтому современный флаг — подлинно национальный, в его смыслах заложены народные истоки, героиче-

ское сопротивление и Победа, созидательный труд и жизнеутверждение.

Флаг Республики Беларусь отображает тот путь, который нация реально прошла, он делает акцент на специфических чертах белорусского национального проекта. Если с конца XIX в. до середины XX в. происходил своеобразный поиск национальной специфики, содержания белорусского национального проекта, то после Великой Отечественной войны обретение нового флага на символическом уровне выглядит как закономерный итог Победы, формирование новой белорусской субъектности.

В основании этой субъектности и массовое партизанское движение, и послевоенное восстановление, связанное со сверхиндустриализацией, и превращение Беларуси в один из самых высокоразвитых регионов Советского Союза.

Флаг Республики Беларусь уникален тем, что выделяется среди прочих символов наличием народного орнамента, связываемого с именем конкретной белорусской женщины — Матруны Маркевич. Это весьма интересное исключение из европейской геральдической традиции, восходящей в основном к символике Средневековья.

Орнамент подчеркивает связь именно с широкими народными массами, крестьянством, которые и были настоящим фундаментом нации. Это иной идеологический акцент, подчеркивающий значимость идеи социальной справедливости и социальной эмансипации для белорусского народа. Кроме того, белорусский флаг положил начало евразийской геральдической традиции, именно после него народные орнаменты появились на флагах Казахстана и Туркменистана, флагах регионов России: Чечни и Марий Эл.

Герб «Погоня», безусловно, один из наших исторических символов. Но не исключительно белорусский, да и к становлению современной белорусской нации он имеет опосредованное отношение. Великое княжество Литовское, чьим гербом была «Погоня», — являлось полиэтничным государством, где главенствующее положение занимала литовско-польская аристократия, а русины — те, чьими потомками в основном и есть современные белорусы, нередко претерпевали дискриминацию по религиозным и иным причинам.

«Погоня» — это ни самый древний на белорусских землях государственный символ, ни национальный, поскольку белорусская нация сформировалась именно в советское время. Но это символ исторический, региональный. Поэтому, например, одна из вариаций «Погони» является гербом Витебской области.

Кстати, интересно, что образ «Погони» использовался на плакате военного времени в сочетании с советской символикой, повергающий символы немецкого нацизма. В этом смысле советская «Погоня» отсылает к победе под Грюнвальдом. И современное Белорусское государство наследует именно эту традицию. А вот многие почитатели бело-красно-белого флага являются последователями другой традиции — там, где рядом с «Погоней» и этим флагом висит нацистская свастика. Референдум 1995 года это еще и ясный ответ приверженцам этой линии, выбор другого исторического пути.

Современный белорусский герб (эмблема) сформирован в рамках новой геральдической традиции, возникшей в СССР. Кстати, эта традиция прижилась и в Западной Европе, чтобы убедиться в этом, можно обратиться к современному гербу Итальянской республики, где, несмотря на давние геральдические традиции, именно новый герб является символом нового государства.

Стоит сказать и о гимне. Государственный гимн также преемствен советскому. Там очень точно выражена главная идея белорусского бытия: «мы беларусы — мірныя людзі». И это действительно так, Беларусь стремится быть миролюбивой страной, не несущей никому угрозы. Но есть и ещё один гимн Беларуси, неофициальный, народный — песня «Молодость моя, Белоруссия» ансамбля «Песняры». Это гимн машеровской БССР, золотого века нашей страны.

Примечательно, что автор лирики — Николай Добронравов, музыки — Александра Пахмутова, руководитель «Песняров» — Владимир Мулявин. Все они родились в России, но насколько точно они выразили белорусский дух.

И это неудивительно, если вся огромная страна поработала над этим культурным образом, точно также как помогала восстановиться после войны. Именно поэтому Беларуси ни в коем

случае нельзя отделяться, отдаляться от большой русской культуры, где это было и еще будет возможным.

Попытки замкнуться в своей местечковой самости — не способствуют развитию белорусской культуры, а наоборот понижают её уровень. Другие культуры не могут создать для неё ничего подобного, сравните хотя бы, что сделала в этом плане культура польская. Никакого сравнения.

Именно поэтому сейчас особо ценно то, что сближает белорусскую и русскую культуры, в союзе которых только и возможны такие шедевры, очень точно отражающие глубинный белорусский народ. И можно быть уверенным в том, что белорусы никогда не будут иметь такого высокого символического статуса в иных культурах, какой имеют в русской. Это дорогого стоит.

Праздничные даты в Беларуси: День Октябрьской революции 7 ноября, День Победы 9 мая и День независимости 3 июля — вместе с государственной символикой — это идеологические ориентиры Республики Беларусь, а также ориентиры геополитические. Антисоветская идеология неизбежно является здесь антироссийской, и чем более буржуазной будет становиться Беларусь, тем сильнее она будет стремиться на Запад, прочь от России. Периферийный российский капитализм никогда не сможет стать привлекательнее ядрового западного, а «правая» Россия — губительный симулякр как для неё самой, так и для близких народов. Поэтому тот, кто играет в антисоветские игры, якобы в интересах России этим ей только вредит.

В Беларуси возникло новое государство, которое имеет преемственность с Советской Беларусью. Эта преемственность символическая, идеологическая, отчасти институциональная. Флаг, герб и гимн Беларуси означает её включенность в контекст, продолжающий лучшие смыслы советской эпохи.

В Беларуси, в отличие от Прибалтики и Украины, в основании нации и отображающих её сущностное содержание символах находится не заикленность на языке, истории и противопоставлении себя России, а труд, созидание, развитие и интеграция с братскими народами. Поэтому и национальные символы у нас иные, связанные с иными ценностями и перспективами.

День национального воссоединения

17 сентября 1939 года — начало освободительного похода Красной Армии, приведшего к воссоединению Западной и Восточной Беларуси и Украины, является одной из ключевых дат в становлении современной белорусской государственности. Без похода Красной Армии, освободившего от колониального гнета белорусов западных областей и объединившего белорусский народ в одном государстве, невозможно представить и сегодняшнюю суверенную Республику Беларусь.

Именно поэтому 17 сентября 1939 года — ключевая дата для белорусского национального самосознания. Она сравнима по своему значению с объединением Германии или Вьетнама, когда искусственно разделённые части одной страны, одного народа, наконец, обретают долгожданное единство. И в этих странах дни, когда это объединение состоялось, являются государственными праздниками.

Однако сегодня в Республике Беларусь незаслуженно мало внимания уделяется этой дате и тому историческому контексту, который послужил фактором объединения страны. Происходит ли это из присущей белорусам излишней скромности либо от нежелания портить отношения с западными соседями — это несущественно. Существенно то, что эта дата, этот день, на наш взгляд, должен стать государственным праздником национального единства, невзирая на мнение тех, кто тогда исторически проиграл, тем более что они в своей политике памяти не очень учитывают наше мнение. 17 сентября — День национального воссоединения.

Кроме того, всё больше беспокойства вызывают растущие геополитические амбиции Польши и её планы по милитаризации региона Восточной Европы, вовлечение в это стран Балтии и Украины, что делает ещё более актуальным обращение к событиям 80-летней давности для укрепления белорусской идентичности и недопущения роста угроз из-за Буга.

В последнее время в Беларуси активно и не без поддержки извне продвигается мысль о том, что на самом деле якобы одна оккупация сменила другую, а Советская Беларусь — это не

единственная реальная форма белорусской национальной государственности, которая была в то время. Имеют место и попытки представить Западную Беларусь под Польшей чуть ли не раем на земле для белорусов, которые почему-то не понимали своего счастья и массово пополняли ряды Коммунистической партии Западной Беларуси.

Простое сравнение практик национальной политики в БССР и во II Речи Посполитой свидетельствует о содержании и реальных намерениях властей. В первом случае имеем целенаправленную политику конструирования белорусской социалистической нации с созданием системы массового образования на белорусском языке, прежде всего в сельской местности, государственную поддержку белорусской культуры, создание развитого агропромышленного комплекса и т.д. Во втором случае имеем многочисленные свидетельства колониального мышления польской элиты и проводников польской ассимиляционной политики на местах по отношению к белорусам. Реальность межвоенной Польши для белорусов — это полное отрицание, право на национальную идентичность.

Даже далеко не лояльный советской власти видный представитель и идеолог белорусской национал-демократии Вацлав Ластовский, видя реальное положение белорусов в Польше, сравнивая его с положением в БССР, вынужден был признать:

«Как известно, “Коммунистическая Партия Белоруссии” руководит “Белорусской Соц. Советской Республикой”. Влияние ее там довольно велико благодаря тому, что она сумела отстоять перед московским центром право вести национальную работу: создавать школы, издательства на белорусском языке и проч. Но в последние годы не меньшее начинает приобретать влияние коммунистическая партия и на белорусской территории, вошедшей в состав Польши. Коммунисты достигли тут успехов, благодаря всевозможного характера преследованием, которым подвергаются белорусы под польской оккупацией».

Конечно, всё это не отменяет фактов репрессий, которые имели место после вхождения Западной Беларуси в состав БССР со стороны органов внутренних дел, широкого распространения русского языка в белорусских городах после войны, но, очевид-

но, все это не имело целью уничтожение белорусской культуры и идентичности как таковых. В этой связи исследователь национального вопроса Сергей Богдан справедливо отмечает:

«Советский Союз никогда не ставил задачи уничтожения культурной идентичности белорусов, а связываясь сегодня целый ряд мер советского режима, которые повлекли за собой русификацию — означает опасность впасть в конспирологию, усматривая за не связанными между собой событиями тайный злой умысел Кремля по уничтожению белорусской нации».

Становление современной белорусской нации в рамках Советского проекта следует рассматривать в том же ряду, что и становление наций французской, итальянской, немецкой, английской, которое также происходило не без эксцессов и даже кровавых конфликтов. Белорусский народ после Октябрьской революции тоже прошел этот путь. Но судить о нем надо по результатам. Белорусы выжили и победили вместе с другими народами СССР в великой войне, белорусы возродили и преобразили с помощью союзного центра страну, создав из нее один из центров индустриального развития. Белорусы получили независимое национальное государство и уже почти 25 лет успешно строят и совершенствуют его.

Всего этого не было бы без 17 сентября 1939-го, когда разделенные части одного народа наконец воссоединились и получили шанс на то, чтобы оставить свой заметный след в истории человечества. И сегодня нам не надо идти в посольство другого государства, чтобы иметь право навестить родственников и друзей в Бресте, Гродно, Лиде, Слониме или Браславе. Именно поэтому 17 сентября — это День национального воссоединения.

Чего не хватает белорусской идентичности?

Ответ на этот вопрос чаще всего звучит с двух сторон. Националисты-«вышиванщики» будут долго убеждать вас в необходимости вернуться к «корням», возродить традиции, вспомнить историю. Какие традиции? Если они сами не знают, не хотят знать и понимать, что тот же народный орнамент привязан к конкретной локальной традиции, социальному статусу, возрасту,

календарному времени. Все это для них не так важно, важно обозначить себя в современном городе как представителя субкультуры, ставящий крест на всех традиционных представлениях.

Националисты-«великорусы» будут убеждать вас в том, что белорусский язык — это польская интрига, белорусскую нацию придумал с целью расчленения монолитных русских кровавый тиран Сталин.

Понятно, всё это не то, невежественное, недодуманное, фальшивое. Но это не отменяет необходимости ответа на вопрос о том, чего же не хватает белорусскому мироощущению, нашей идентичности, тому, что белорусы принесли в этот мир и что надо нести дальше.

А это есть. Наше и настоящее. Пусть это не настолько древнее, чтобы кичиться аристократической генеалогией. Пусть это не очень востребовано текущей политической конъюнктурой, но это то, что может быть фундаментальным основанием, стержнем, смысловым ядром. Именно это ищут идеологи у власти.

Четкого, ясного, укорененного, но одновременно сверхнационального опыта, посылы, идеи. Так что же это?

Антиколониальное сопротивление. Именно так. Массовое, народное сопротивление было актом рождения белорусской нации. Когда? Калиновский и польское восстание против Российской империи тут ни при чем, это трагический, но случайный эпизод с незначительным результатом. Настоящее сопротивление снизу, поддержанное низами нарождающейся белорусской нации, имело место в 20–30-е годы XX столетия. Сопротивление польской колониальной политике, целью которой было превращение, казалось бы, тихих инертных белорусов в гумус для польского этногенеза.

Не получилось. Белорусы создали одно из самых массовых национальных движений в то время, укорененных в крестьянской среде. Белорусы не захотели становиться поляками. В это время действовал белорусский Че Гевара — Сергей Притыцкий, творил Максим Танк — такие как они, сочетали слово и действие, реально сражались за будущее нарождающейся нации. Это не никчемная философия «рефлексии», это суровая реальность фронта, где ты должен выживать и побеждать. Да, белорусам пришлось победить и поставить в приемлемые рамки поль-

скость. Это себя оправдало, антиколониальную борьбу с Польшей мы не обратили в националистическую месть, как на Украине, а значит, просто остались людьми, не стали зверями.

Идеи, судьбы, стремления членов КПЗБ и тех, кто им сочувствовал, должны найти отражение в современной белорусской культуре и идентичности. В советское время им не очень доверяли. По крайней мере, большинству из них. Не стали они героическим движением в массовом сознании, хотя должны были. Слишком бескомпромиссны оказались. Поэтому тем более важно вернуть их в коллективную память. Надо обязательно создать музей КПЗБ как движения антиколониального сопротивления. Конечно, в Западной Беларуси. Конечно, в Гродно. Чтобы наши западные соседи тоже помнили об этом.

Партизанство. О нем многое известно и многое написано. Белорусы — народ-партизан. Интроверты, скрытные, недоверчивые, вдруг чужие предадут. Советскую Беларусь создавала партизанская когорта, личный подвиг партизанских командиров поднял их на вершины власти в СССР. И это было справедливо. И они почти построили в БССР идеальное советское общество. Могли бы и во всем СССР, но тут одной партизанской харизмы не хватает, нужно знание византийских интриг.

Пересобравшаяся из БССР Республика Беларусь оказалась государством-партизаном, когда не понятно, кем захвачена Москва, как выживать тут и продолжать сопротивление. Устояли и вроде даже дождались, когда партизанские отряды в Москве начали влиять на царя, дай бог, чтобы и он партизаном оказался.

То есть партизанство в крови, это настоящий, преобразующий опыт, который отпечатывается в культуре и ею транслируется сквозь поколения, воспроизводится. «Бессмертный полк» пусть будет «Партизанским отрядом», где местные жители будут культивировать память про тех, кто сражался на их земле, за их дом и жизнь. Это же целая сеть из родственников по всей Беларуси.

Есть в Минске прекрасный музей Великой Отечественной войны, но должен быть в Беларуси и отдельный, особый музей партизанского движения как феномена нашей национальной идентичности и всемирный феномен, где мы увидим и сравним партизан Беларуси, Китая, Вьетнама, Кубы и других стран. Партизанство — это наш ключ и к другим культурам.

Космизм. Что есть особо ценного в белорусской традиционной культуре? Ее космологичность, космическая настроенность. Не странные обряды, не бытовая архаика, а именно соотнесенность с космосом и его ритмами. Это то, что надо транслировать в современность и в будущее. Традиционный космизм совместим и с реальной белорусской политической традицией, по крайней мере уж точно он ей не противоречит. Древнейший орнамент на государственном флаге, День Победы как Юрьев день, Радуница как «Бессмертный полк», совпадений можно найти множество.

Но это локальный уровень. Белорусы уже выше него. Есть уже свои космонавты и спутниковая группировка, Лукашенко прямо говорит о том, что космос нужен для того чтобы развивалась нация. Он определенно что-то знает. Во всяком случае, тут он точно не ошибается. Через космос как технологию, как сверхзадачу и мироощущение мы становимся иными, приобретаем знания, умения и символический капитал. А кто еще в нашей части Европы может похвалиться тем же?

Космос как мировидение выводит нас из замкнутого восточноевропейского мирка. Это как минимум своя миссия в рамках Большой России, Евразии, как максимум своя ниша в планетарной стратегии космической экспансии. В любом случае, это уже иной уровень. Уровень, который логически следует из предыдущего опыта сопротивления, борьбы и победы.

Евразийство. Принадлежность Беларуси к евразийской цивилизации стоило бы мягко закрепить в Конституции. В преамбуле Основного закона можно было бы расставить некоторые геополитические акценты. Для конституций разных стран это совсем не редкость.

Например, в конституции Латвии прописана принадлежность к Европе: *«Идентичность Латвии в культурном пространстве Европы с давних времен формируется латышскими и ливскими традициями, латышской жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями».*

Здесь, кстати, есть всё, что так мило русским националистам, — этнические корни, Европа, упоминание религии. Правда, не совсем понятно, почему они с радостью сделали бы всё то

же самое у себя, а вот в Латвии это всё им не нравится, видимо, потому что исключает русских. Классическое — «а нас за що?»

В конституции Литвы вообще прямо запрещаются любые союзы с постсоветскими странами: *«никогда и ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств».*

В конституции Украины решительно закрепляется евроатлантическая ориентация: *«заботясь об укреплении гражданско-го благополучия на земле Украины и подтверждая европейскую идентичность украинского народа и необратимость европейского и евроатлантического курса Украины».* Закрепить закрепили, только забыли, что членом ЕС Украина станет только после Турции. А когда Турция? Никогда!

Из конституции Германии становится понятно, кто двигатель ЕС: *«Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный стремлением в качестве равноправного члена идущей по пути объединения Европы служить всеобщему миру немецкий народ, исходя из своей конституирующей власти, принял настоящий Основной закон».*

У ангосаксов с их прецедентным правом и отсутствием нормальных конституций всё сложно.

Очень интересны в рассматриваемом контексте незападные конституции. Например, Кубы: *«опираясь на пролетарский интернационализм, на братскую дружбу, помощь, сотрудничество и солидарность народов мира, в частности, народов Латинской Америки и стран Карибского бассейна».*

Ливии: *«Ливийский народ — часть арабской нации. Его цель — полное арабское единство. Ливийская территория — часть Африки».*

Преамбула египетской конституции — просто песня:

«Египет — это дар Нила и дар египтян человечеству.

Одаренная уникальным местоположением и историей, арабская нация Египта является сердцем всего мира. Это точка пересечения цивилизаций и культур и пересечение морского транспорта и коммуникаций. Это окончательность Африки в Средиземноморье и устье самой великой реки: Нил.

Это Египет, бессмертная родина египтян и послание мира и любви всем народам».

Думаю, в преамбуле будущей белорусской конституции этому тоже стоит уделить внимание, учитывая наше участие в ЕАЭС, союзничество с Россией и Китаем, отсутствие курса на евроинтеграцию, но желание добрососедства с ЕС. Предлагаю следующий вариант:

«Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси), исходя из ответственности за настоящее и будущее Беларуси, сознавая себя полноправным субъектом мирового сообщества и подтверждая свою приверженность общечеловеческим ценностям, стремясь к мирному объединению и сотрудничеству в Евразии, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, опираясь на многовековую историю развития белорусской и русской государственности, стремясь утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь, желая обеспечить гражданское согласие, незыблемые устои народовластия и правового государства, принимаем настоящую Конституцию — Основной Закон Республики Беларусь».

Признание «европейскости» что Беларуси, что России — прямой путь к капитуляции. Да, можно тешить себя надеждами на то, что мы некая другая, более правильная, консервативная или еще какая-то Европа. Но факты таковы, что у Европы уже есть мощный интеграционный проект и признание «европейскости» Беларуси уже означает, что страна так или иначе должна туда вписаться.

Это, кстати, происходит, когда европейцы пытаются нам навязывать отношение к историческим датам или высшей мере наказания. А Россия не впишется вообще никак. «Европейскость» нас в итоге может разделить, так же как это произошло в случае с Украиной. Потому что с нами будут играть с двух рук, рассказывая белорусам, какие они издревле европейцы, а россиянам подсовывая своих правых, призванных играть на самолюбии и создании иллюзий того, что через них Россия как то серьезно влияет на европейские дела.

Собственно и евразийство как традиция русской политической мысли возникла из логического развития линии русских славянофилов, византийцев. Россия — не Европа, не Евроатлантика и не Запад. Беларусь — тоже. Мы — Скифия, Русь, Евразия.

На чём стоит белорусский патриотизм?

Госсекретарь Совета Безопасности Беларуси Станислав Зась выступил с программным интервью, посвященным патриотизму и его современному пониманию. Интервью интересно своим содержанием и содержащимся приглашением поддержать дискуссию о патриотизме и его особенностях в Беларуси.

Этим предложением нельзя не воспользоваться, потому что такой дискуссии действительно не хватает и отрадно то, что представители «силового» блока белорусской власти обратили непосредственное внимание на сферу идеологии и смыслов. И совершенно понятно почему — ведь они первые по долгу службы реагируют на риски, возникающие в этой сфере.

Станислав Зась прямо обозначает один из таких рисков:

«С момента обретения независимости в 1991 году отдельные историки делают акцент на конкретных периодах исторического развития, которые, по их мнению, являются расцветом белорусской государственности. В зависимости от гражданской позиции, знания действительных исторических фактов или конъюнктурного подхода таковыми называются этапы развития белорусского социума в составе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи или БССР.

Такой подход не учитывает логику исторического процесса и не может объединить общество на длительную перспективу для решения важнейших социально-экономических задач», «в сфере культуры ее мастера нередко сами возбуждают у некоторой части белорусского общества дремлющие на латентном уровне негативные установки, неприязнь, нетерпимость, радикальные националистические взгляды и прочее», в результате чего «общество поляризуется в отношении исторического прошлого страны, ее национальных героев, символики, праздничных дат, топонимических наименований».

Исходя из этого, мы видим «группу риска», т.е. тех субъектов, чьи взгляды, идейные установки и действия могут негативным образом влиять на стабильность белорусского общества. Исходя из контекста, очевидно, что это представители гумани-

тарной интеллигенции, формирующие те или иные представления об истории, культуре, идентичности и т.д.

Совершенно очевидно, что значительная её часть является носителями довольно радикальных идей — националистических, квазилиберальных, ставящих под сомнение или полностью отрицающих существующую социально-политическую модель Беларуси. В связи с этим возникает закономерный вопрос: а можно ли вообще консолидировать общество, пытаясь учесть такую позицию?

Конечно, надо различать тех, кто готов к диалогу, с кем можно найти точки соприкосновения и взаимодействия. Но проблема в том, что, например, радикальный национализм — это весьма последовательное, по-своему логичное мировоззрение, чем, между прочим, оно может быть весьма привлекательно для идеалистически настроенных граждан.

Возьмем пунктирно в качестве примера националистическую интерпретацию прошлого — в истории первых княжеств там будет нивелироваться общее для белорусов, русских и украинцев наследие Древней Руси и единый корень трёх народов, в эпохе ВКЛ и Речи Посполитой будет делаться акцент исключительно на их принадлежности к «западному миру» и противостоянии с Московским княжеством и Россией.

И даже Великая Отечественная война будет интерпретироваться не как общая победа и краеугольный камень современной белорусской идентичности, а как противостояние на территории Беларуси двух «тоталитарных систем», где собственно белорусскими героями будут провозглашаться коллаборанты, сотрудничавшие с нацистами.

Это значит, что в реальности «консолидировать» партизан и полицаев и их потомков невозможно. А что возможно? Возможно последовательно выстраивать непротиворечивое видение давней и недавней истории, которая логично объясняет закономерности исторического пути и выбора белорусского народа.

Но для этого нужно обратиться к ядру белорусской идентичности — от древнерусского наследия, через русинский элемент в ВКЛ и Речи Посполитой к православному крестьянству

Российской империи, ставшему основой белорусской советской нации, имеющей продолжение в современной белорусской.

Конечно, нельзя забывать или принижать значимость других составляющих культурно-цивилизационного ландшафта Беларуси — католический, татарский, еврейский элементы. Но ядро, эпицентр, вокруг которого сформировались все основные особенности, всё же очевиден — и именно в согласии, гармонии с ним только и может быть возможной консолидация нашего общества.

Например, местные поляки Белорусскому государству лояльны. Советская национальная политика, по большому счёту, умиротворила здесь русский и польские миры. Это иногда не понимают в России, но стоит привести пример российского Поволжья, где русская культура давно и мирно сосуществует и переплетается с культурой тюркских, мусульманских народов, также и на нашем пограничье происходит с поляками и католиками. Это такая наша местная этноконфессиональная особенность, хотя нужно понимать, что мирное состояние достигнуто в том числе победой советского проекта, а через него и русской культуры в XX веке, когда было нивелировано польское геополитическое влияние в нашем регионе.

С этим, кстати, не смогла справиться Российская империя, а СССР через создание и поддержку национальных республик в Беларуси и Украине смог. Потому что советская власть включила для больших масс местных крестьян социальные лифты, пробудило классовое и национальное сознание, которое все равно в общей системе оставалось если не полностью русским, то весьма комплементарным русскому. Польша же как геополитический фактор была вытеснена отсюда, а как этноконфессиональный — поляки заняли своё место, впрочем, достойное, потому они до сих пор и лояльны в основном своей массе.

Есть и более конкретные ориентиры национального консенсуса, на которых может базироваться современный белорусский патриотизм — ценности, закрепленные результатами всенародных референдумов: государственно-национальная символика, День независимости, равный статус белорусского и русского языков, выбор в пользу интеграции с Россией.

Все эти ценности были поддержаны и до сих пор поддерживаются подавляющим большинством населения Беларуси. Естественно, были и есть те, кто и во время голосования на референдумах, и сейчас придерживаются других позиций. Но в любом государстве и обществе есть люди, не разделяющие мнение большинства, и это нормально.

Ненормально, когда они стремятся к насильственному изменению государственного строя, пытаются повлиять на геополитические ориентиры населения и элит с помощью зарубежного финансирования и в интересах иностранных государств.

К сожалению, до сих пор в среде оппозиционных, националистических активистов и в продвигающих их взгляды СМИ это именно так. Поэтому говорить о консолидации с ними не приходится. Хотя бы потому, что результаты их деятельности очень наглядны на примере ряда постсоветских стран: Молдовы, Грузии, Украины.

Гораздо важнее и правильнее для устойчивости нашего государства поддерживать именно большинство, его выбор, взгляды и ценности, не давая размывать их сомнительными идеологическими установками, интерпретациями истории, которые будут на самом деле вести не к консолидации с оппонентами, а к размыванию социальной базы действующей власти.

Станислав Зась, на наш взгляд, очень правильно определяет сущность патриотизма: *«это социальное чувство, основанное на любви к Родине и готовности пожертвовать ради нее своими интересами»*, — а чуть позже приводит пример СССР, ради сохранения которого мало кто оказался готов пожертвовать: *«Советский Союз действительно было за что ценить. И его ценили до тех пор, пока народ не разочаровался в самих идеях социализма и коммунизма. Создалось ощущение, что такую страну не за что любить, поэтому, когда она начала разрушаться в 1991 году, ее целостность никто реально не защитил»*.

Вот здесь хотелось бы поспорить. На референдуме о сохранении СССР за это проголосовало 77,85 % его граждан, в том числе 82,7 % жителей БССР. То есть не народ разочаровался в идеях социализма и советской государственности, а элиты, которые проигнорировали волеизъявление народа, не проявили

достаточно воли и решимости, чтобы сохранить страну, а в ряде случаев просто содействовали ее развалу.

Переродившая советская элита оказалась либо полностью недееспособной, либо сознательно вела Союз к демонтажу, а простой народ, не имевший в большинстве случаев навыков гражданской самоорганизации, слишком верил своим элитам. Силловые структуры тоже долго и обречённо ждали приказа, который так и не последовал.

И вот это очень серьезный урок и вызов в контексте обсуждаемой темы патриотизма. Зачем жертвовать собой и своими интересами, если возникают сомнения в том, что политическая элита будет отстаивать интересы народа? Кто даст гарантию, что она тоже не переродится, как и позднесоветская? Не нужно ли искать новые формы организации патриотического гражданского активизма взамен существующих и не очень эффективных?

В Беларуси именно фигура президента обеспечивает и преемственность политического курса с опорой на большинство народа, и именно президент всегда демонстрирует волю и решимость в случае необходимости. Для системной устойчивости белорусской государственности и патриотического чувства в его отношении необходимо то, что он сделал частью своего политического кредо.

Социальный характер Белорусского государства, чем оно все еще выгодно отличается от большинства соседей, в том числе от очень близкой России, разница с которой наиболее заметна именно в этом.

Это подразумевает стремление к справедливому распределению и равному доступу к общественным благам всех граждан, а не только «богатых и успешных», недопущение превращения государства в инструмент реализации интересов финансово-капиталистических групп (так называемых олигархов), недопущение большого разрыва в доходах между самыми бедными и богатыми.

Очень тревожной тенденцией, заметной почти во всем мире, является сворачивание элементов социального государства. Не обошла она и Беларусь. И это напрямую влияет на уровень патриотизма к своей стране.

Очевидно, что поддержание социальной ориентации государства требует наличия сильной развитой экономики, но стратегию управления ею нельзя основывать только на неолиберальных, монетаристских подходах, которые преподносятся чуть ли не в качестве единственно возможного варианта развития событий, на самом деле ведущего именно к уничтожению социального характера государства, а ни к чему иному.

В сфере национальной идентичности и культуры опора на концепцию «дружбы народов», а не на лингвоцентричный национализм, культивирование «союзности», т.е. активной внешнеполитической позиции в рамках евразийских интеграционных объединений, а не евроатлантический геополитический выбор, ведущий к повышению градуса конфронтационности в регионе.

Эти вещи, относящиеся к гуманитарной сфере, требуют «тонкой настройки», т.е. постоянного внимания, серьезной аналитики и экспертизы, оперативного реагирования и купирования возникающих угроз. Этим как раз и должны заниматься те, кого у нас принято называть «идеологами», но совершенно очевидно, что их не может быть много и что они реально должны быть компетентны в этой сфере.

Здоровый консерватизм, т.е. ориентация на устойчивые морально-нравственные традиции и представления белорусского народа в сфере семейно-бытовых, социальных, межличностных отношений. Белорусское государство, на наш взгляд, также выгодно отличается от многих стран «западного мира» именно этим и нам нет необходимости уступать политическому, экономическому или иному давлению ради соответствия чьим-то чужим идеологемам о том, как следует регулировать эти сферы.

И самое важное, о чем сказал госсекретарь, — это необходимость иметь четкий образ будущего, т.е. понимание целей развития нашего общества и государства.

Наше внимание должно быть сосредоточено не на прошлом и спорах историков вокруг него, а на будущем. Нужны доходчивые ответы на то, каким мы хотим и не хотим видеть мир будущего. Каким его видят наши союзники и оппоненты, как мы видим свое собственное место в будущем мире. Что из суще-

ствующих политических, экономических идей и течений может помочь нам занять в нем достойное место, а что может только помешать.

Вот именно об этом — о будущем, вызовах и возможностях для нашей страны — и хотелось бы продолжить дискуссию. Патриотизм без представления о желаемом будущем будет чем-то временным и ограниченным, а Беларусь уже готова к предложению и реализации своего проекта будущего.

Трансформации национализма

Белорусский национализм был в Восточной Европе одним из самых слабых. Одна из основных причин этого — культурная память белорусов о Великой Отечественной войне и неприглядной роли в ней националистов, сотрудничавших с немцами. Поколение советских «партизанских» руководителей Беларуси имело к националистам и их идеям личную неприязнь, основанную на военном опыте.

У белорусских националистов не было ни массовой поддержки населения, ни собственной реальной героики, ни истории послевоенного сопротивления и преемственности с ним. В новейшее время первые протонационалистические группки стали возникать из отпрысков вырождающейся номенклатуры и представителей гуманитарной интеллигенции. Но их превращение в достаточно массовое движение было связано с перестройкой и очевидным попустительством со стороны Москвы, санкционировавшей создание народных фронтов и деконструирующей с их помощью советские ценности.

Белорусский национализм был не только слабым, но и совершенно не оригинальным. Он был бледной копией украинского и литовского: сочетание исторических мифов, антисоветизма, русофобии и наивных надежд на западную протекцию.

Националистическое движение наиболее массовым стало к середине 90-х, но оно предсказуемо загнало себя в гетто нетерпимостью в языковом вопросе и совершенной некомпетентностью в экономике, что и обусловило сокрушающую победу над ним Александра Лукашенко и курса на интеграцию с Россией.

Местные русскоязычные и космополитичные либералы всегда с подозрением относились к радикальным заявлениям националистов, склонных к ультраправой эстетике и утопическому прожектёрству в духе возрождения Великого княжества Литовского или создания санитарного кордона Междуморья.

Новая тактика

Разгромленные Лукашенко националисты потеряли массовость и поддержку государства. Часть из них превратилась в непримиримую оппозицию, часть предпочла на время отказаться от конфронтации и превратилась в «спящих» внутри белорусского общества в самых разных его сферах — от бизнеса до госаппарата, ждущих удобного момента для активизации.

И такая активизация начинает происходить. Причин этому несколько. Первая — геополитические изменения после украинского Евромайдана 2014 года, когда местные националисты не только поддержали своих единомышленников на Украине, но и получили возможность принимать участие в боевых действиях. Это добавило им международных связей и уверенности в собственных силах.

Вторая причина — попытки сворачивания в Беларуси социального государства ввиду экономических проблем. Именно националисты пытались возглавить довольно массовые по белорусским меркам протесты против Декрета о социальном иждивенчестве. Эта попытка была неудачной, но она показала, что с их стороны речь идёт только о силовом давлении на власть и все компромиссы с ними заканчиваются попытками организации массовых беспорядков.

Меняется и информационная тактика националистов. Если раньше они бескомпромиссно критиковали власть и лично Лукашенко, то сейчас избрана иная линия. Глава государства как бы отделяется от других руководителей и чиновников, среди них выделяются те, кого можно хвалить, чьи слова и действия можно интерпретировать в нужном ключе, и те, кто демонизируется и кому создаётся негативный образ.

Это необходимо для того, чтобы стать за счёт лести и одобрения «своими» для части управленческого класса, а через кампании информационной обструкции оказывать давление на ко-

леблющихся чиновников и оппонентов. Конечная цель — раскол внутри власти, инфицирование её националистическими взглядами. Отдельная задача — проникновение в силовые органы. Вспомним, например, дело националистической организации «Белый легион» и то, что ряд его активистов были выходцами из силовых структур или действующими их сотруddниками.

Идеологические изменения

С середины 2000-х годов происходит спайка части умеренных националистов и либералов на платформе неприятия существующей политэкономической модели в Беларуси. Националисты используют финансовую и организационную помощь Запада для создания серьёзной информационной инфраструктуры и сети из организаций так называемого «гражданского общества».

Либералы инкорпорируют в свой дискурс о превосходстве свободного рынка националистическую символику и историческую мифологию. Общим в национал-либеральном альянсе является антисоветизм и стремление изменить геополитическую ориентацию Беларуси.

После украинских событий происходит радикализация националистов и расширение их социальной базы, а также изменение их идеологии. Если раньше большинство белорусских националистов можно было охарактеризовать как национал-демократов, то сейчас в их идеологии под влиянием Украины всё более отчётливо проступают черты национал-социализма.

Если раньше белорусские националисты враждовали с организациями типа РНЕ, близкими к национал-социалистическим идеям, то сейчас происходит конвергенция НС-фанатов и националистов, вместо черносотенного шовинизма и доктрины о триединстве появляется нацистский интернационал, ориентированный в качестве образца на Украину, особенно на полк «Азов» и «Национальный корпус».

Кроме того, старая утопия Междуморья в теперешнем противостоянии коллективного Запада и России приобретает новое значение. «Азов» провозглашает её своей официальной геополитической доктриной, призванной объединить всех ультраправых Восточной и Центральной Европы в их борьбе против

России и Европейского союза с конечной целью создать некий новый рейх. При этом они опираются уже как на поддержку собственно украинского государства, так и на международные связи. В геополитическом смысле они становятся выгодными для противостояния с Россией.

И белорусский национализм встраивается в эту парадигму. Он уже нужен не просто для свержения действующей власти в Беларуси, он нужен как необходимый элемент более широкого фронта борьбы. Национализм необходим для разложения белорусского чиновничества, бюрократии и силовиков, превращения Беларуси из союзника России в ещё одну горячую точку, вытягивающую из России ресурсы.

Ориентир — Украина

Украина как пример является стержнем мировоззрения большинства белорусских националистов. Сергей Числов — лидер «Белого Легиона», долгое время проживший на Украине, рассматривает Майдан чуть ли не как уникальный шанс возвратить утраченные исторические традиции: *«Перебрался, ведь абсолютно искренне надеялся, что слабость украинской власти плюс активное общество могут родить новый стиль управления. Фактически речь шла о возможном возвращении наших традиций — Новгородское и Полоцкое вече, сочетание парламентской республики с активным обществом... Я остаюсь идеалистом, верю в Украину... В Украине я нашел реализацию... Идея Майдана не нова. По сути это конституционно закрепленное Статутами Великого княжества право на восстание».*

Вопреки всякой здравой логике и реалистическому геополитическому анализу, иллюзорная надежда на создание Междуморья, возрождение ВКЛ являются желаемой целью: *«В моем понимании, белорусско-украинский союз помимо всех разговоров о нашей исторической, культурной общности несет очень много экономических выгод. Мы полностью сможем в перспективе влиться в то, что сейчас озвучивает президент Польши Дуда — проект Междуморья. Хотя в моем понимании с Польшей нам рано союз создавать. Нам на сегодняшний день следует говорить о восстановлении ВКЛ. По-моему, этот проект достоин внимания и имеет перспективу».*

Сдержанное отношение к Польше понятно — у нее своя мощная культурная и государственная традиция, достаточно враждебная украинскому и белорусскому национализму. Поэтому естественным союзником, образцом, примером видится полуанархическая Украина, позволяющая националистам почувствовать себя хозяевами положения.

Кроме того, гипотетический союз Беларуси и Украины позволяет надеяться на внимание и благосклонность со стороны мирового гегемона: *«С точки зрения США союз Беларуси и Украины не менее интересен. Вашингтон никогда не скрывал своих интересов в Европе. Однако выстраиванию долгосрочных программ мешала нестабильность политической и экономической ситуации. Начиная от военных конфликтов и заканчивая быстрой сменой курса теми или иными странами. В случае союза Беларуси и Украины Соединенные Штаты несомненно получат выгоду... И Беларусь, и Украина имеют положительный опыт взаимодействия с США по внешнеполитическим вопросам. Союз двух стран дарит Вашингтону уникальную возможность получить мощного союзника на Континенте. И что важно, союзника, имеющего влияние в "проблемных регионах" Европы».*

Как видим, не очень оригинальные взгляды лидера «Белого легиона» полностью вписаны в евроатлантическую модель геополитического противоборства. Подобные инфантильно-наивные рассуждения в целом симптоматичны для белорусских и украинских националистов, в мировоззрении которых одержимость прошлым сочетается с фанатической решимостью вернуться в него, невзирая на возможные последствия. В этой картине мира нет причинно-следственной связи между историческими фантазиями, геополитической реальностью и кровавым гражданским конфликтом, падением и распадом государства. Идеологические фантазмы и фобии важнее.

Белорусские радикалы тесно связаны с украинскими, и дестабилизирующая роль украинского фактора через разные каналы будет только нарастать. Мы имеем дело с территорией, на которой происходящие процессы и действующие силы в стратегической перспективе являются крайне опасными и для Беларуси, и для всего региона.

Что делать?

Если относиться к национализму халатно и попустительски, то его деструктивное влияние будет нарастать, и это неизбежно приведёт к краху белорусской государственности и, весьма вероятно, к гражданскому конфликту. С этим национализмом, многократно усиленным украинским прецедентом, невозможно примириться или использовать его в политической игре.

Иллюзия компромисса будет использована для дальнейшего внедрения в сознание правящей элиты и молодёжи своей идеологии. Правильным ответом может быть только восстановление полноценной идеологической работы, основанной на советском, интернациональном опыте антифашистской борьбы. Сегодня национализм в нашем регионе является одной из самых главных опасностей, отвлекающих и транжирящих ресурсы обществ и государств.

В условиях смены технологического уклада и обострившихся геополитических противоречий Беларусь не может себе позволить даже малейшего риска попасть под влияние националистических идей. В противном случае нас ждёт непреодолимое отставание и превращение в несостоявшееся государство.

Национализм не является обязательным атрибутом государства, это всего лишь одна из идеологий. В Восточной Европе национализм почти всегда разрушителен, и именно потому, что молодое Белорусское государство не пошло, как большинство соседей, на поводу у националистов, оно оказалось успешным. В других странах (Молдова, Грузия, Украина) национализм приводил к кровавым этническим конфликтам, потере территориальной целостности. В Беларуси всего этого не было из-за сохранения интернационального характера государственной культурной и языковой политики.

Беларусь можно рассматривать как одно из русских государств, наравне с Россией и Украиной, понимая под «русскостью» общие культурные, языковые и религиозные элементы восточных славян. По аналогии можно привести наличие разных немецких (ФРГ, Австрия, Лихтенштейн) или англосаксонских государств (Великобритания, США, Новая Зеландия и т.д.). И это вовсе не означает, что единственно возможная модель существования разных русских государств — это колониальная импе-

рия. Более того, Союзное государство Беларуси и России — это совершенно иная форма успешно работающего объединения.

Формирование белорусской идентичности на основе этнонационализма, разрушения союза с Россией обернется для страны катастрофическими последствиями, полномасштабным гражданским конфликтом. Пример Украины в этом отношении очень поучителен. Государственный переворот, совершенный при активном участии националистических группировок, стал отправным пунктом гражданской войны, причиной потери Крыма и значительной части Донбасса. То же самое возможно и в Беларуси в случае усиления националистического влияния.

Государственность надо основывать не на националистической мифологии, а на рационализме и реализме. Понимание того, с кем реально возможны и выгодны экономическая кооперация, политика безопасности и единое культурное пространство, является залогом успешного развития страны в будущем. Мифология и утопические иллюзии национализма создают ложное целеполагание и уводят общество от решения насущных задач.

Белорусский мир является органичной частью Русского мира, они не должны и не могут противопоставляться. Их противопоставление будет приводить только к конфликтам и вражде, поэтому националистические интерпретации этих концептов должны нивелироваться. Белорусскую и русскую культуры, языки, государства надо рассматривать в общей, союзной логике.

В Беларуси в качестве альтернативы национализму необходимо развивать союзную идентичность с национальной спецификой. Наполнение культурологическими и гуманитарными смыслами союза России и Беларуси, а также евразийской интеграции — единственный залог сохранения как суверенной государственности, так и политэкономической состоятельности.

Возвращение «красных» смыслов

Красный человек

С подачи Нобелевского лауреата Светланы Алексиевич в русскоязычном пространстве вновь вспомнили о «красном человеке». Мол, жив ещё курилка! И перестройка его не добила,

и лихие 90-е пережил и плюшки демократизации-европеизации его не соблазнили. Беларусь до сих пор Вандея, а в России — настоящий ренессанс на фоне запускаемых «калибров».

Специфическое отношение возвращенных перестройкой творческих людей к «красному человеку» понятно, но остается вопрос: в чем же секрет его поразительной живучести? На наш взгляд, ответ достаточно простой — после крушения Красной империи у большинства населения была возможность убедиться, что мир в целом и для отдельного человека в частности не стал более справедливым и дружелюбным.

Произошло ровным счетом наоборот. Дегуманизация и варваризация человечества все более очевидна. Европейцы соревнуются друг с другом в том, как довести до абсурда любые ценности, на Ближнем Востоке фанатики отрезают головы и практикуют работоторговлю. Терроризм, кажется, уже стал частью обыденной жизни, и никто не может чувствовать себя в безопасности.

Мир сходит с ума, призрак Большого Кризиса маячит на горизонте, но виноват в этом почему-то «красный человек» родом из несуществующей страны. Почему вдруг виноват? А потому что именно за реанимацию этого образа и связанное с ним порицание ушедшей в небытие страны сегодня дают Нобелевскую премию. Хотя очевидно, что за сегодняшнее состояние мира ответственны совсем другие люди и корень современных проблем находится в другом месте.

И вот поэтому нужно вновь напомнить про «красного человека», отвести взгляд и в очередной раз отобразить в кривом зеркале мир, в котором он жил. Был ли этот мир исключительно серым, наполненным ужасами войны и техногенных катастроф? Да, там было и это, впрочем, как и везде. Но этот мир был частью планетарного баланса, который поддерживался в том числе усилиями солдат, воевавших в Афганистане.

Сегодня этого баланса нет, и мы видим, как пятно войны и хаоса не только не сокращается, но расплзается уже в благополучные и сытые страны. Оказывается, «красный человек» не просто исполнял приказы, но и спасал, лечил, обучал, строил по всему миру. Да, он был титаном, Прометеем, который не всегда обращал внимание на судьбы отдельных людей, но у него был огонь и он делился им с человечеством.

Сегодня огня нет ни у кого, и тоска по нему заставляет вспоминать «красного человека» и его смыслы. А смыслы эти просты и понятны: справедливое мироустройство, право на развитие, устремление человеческого духа вверх. Это «красные смыслы», которые сегодня не забыты и обретают все большую актуальность.

И это, конечно же, беспокоит сильных мира сего. Не для того сокрушили родину «красного человека», чтобы «красные смыслы» ожили и возродились. Надо пригвоздить их авторитетом Нобеля, низвергнуть словами и языком той культуры, где они все еще живы и могут представлять опасность. Тем более что Беларусь оказалась крепким орешком и для работы с ним нужны более тонкие методы.

Только история «красного человека» и его смыслов действительно не закончена. Ни в наших странах, ни в мире. Эти смыслы и их носители будут живы до тех пор, пока у человека будет мечта. Мечта о лучшем мире, та, что двигала нашими дедами и родителями в момент победы над абсолютным злом нацизма, покорения космоса и помощи угнетенным по всей планете.

Красный проект

Людям, рожденным после распада СССР, наверное, трудно понять, почему это государство или даже, используя специальный термин — советская цивилизация, до сих пор вызывает столько споров. От ожесточенного осуждения до полной апологетики и некритичной ностальгии.

В чем уникальность советского периода нашей общей истории? Видимо, в том, что впервые в истории человечества возник проект, достижения которого в сравнительной перспективе еще долго будут непревзойденными. Этот проект не смог бы воплотиться и оказать сильнейшее влияние на ход мировой истории, если бы не имел внутри себя неких мощных идейных оснований — то, что можно назвать «красными смыслами».

Какие это смыслы и идеи? Прежде всего социальное и национальное освобождение. В результате Октябрьской революции огромные людские массы были включены в масштабные модернизационные процессы. Были созданы беспрецедентные социальные лифты, распространилась система всеобщего обра-

зования, представители дискриминируемых ранее социальных и национальных групп получили массовый доступ к высшему образованию и возможности делать карьеру в самых сложных и востребованных областях науки и производства.

Кроме того, советский проект фактически создал прообразы национальной государственности для многих народов бывшей империи, но создал именно для будущей созидательной деятельности в рамках нового Союза. Российская империя в конце своего существования не смогла справиться со сложнейшим клубком внутренних — социальных, национальных и внешних — международных противоречий, усугубленных участием в Первой мировой войне. Свержение буржуазией царя неизбежно усугубило эти противоречия, и большевики были вынуждены реагировать на них в духе *real politik*.

Распад империи вывел на арену истории многочисленные национальные движения, часть из которых, например украинское, накопила значительный мобилизационный потенциал. Национальная политика большевиков — реакция на это, поскольку загнать обратно «джинна» притязаний на национальное освобождение было невозможно. Это не понимали лидеры Белого движения, лозунг которых «За единую и неделимую Россию» не отвечал духу времени, что и было одним из важных факторов их поражения. Большевики использовали национальные требования бывших окраин империи и смогли направить их в нужное русло с целью нового собирания большой страны.

Никакой другой реальной альтернативы национальной политике большевиков тогда быть не могло. Русский национализм имел реакционно-черносотенный окрас, безнациональный космополитизм отдавал козыри и влияние в руки антисоветских националистов и внешних игроков.

Советское нациостроительство во многом имело инструментальный характер и было фактором геополитического противоборства в Восточной Европе, Закавказье, Средней Азии. Например, создание и поддержка советских белорусской и украинской национальных республик нивелировало мощное и враждебное польское влияние. Именно БССР и УССР создали те возможности и социальные лифты, которые не позволили полякам использовать белорусов и украинцев в борьбе против

СССР на массовом уровне, более того, именно СССР, а не Польша был привлекателен для этих народов в силу создания для них республик национального характера. В целом такая политика для своего времени была успешной, ибо решала остро стоящие проблемы вытеснения геополитических конкурентов, стабилизации межнациональных отношений и обеспечения безопасности границ.

Противовесом в балансе национального и сверхнационального в советской политике была концепция дружбы народов и формирования единого советского народа. Эта диалектика реально работала. Проблема заключена не в ней, а в неспособности ей управлять. Отрицание национального или этнокультурного не означает автоматического исчезновения стремления идентифицировать себя в этих категориях. Национальное в рамках Большого проекта необходимо конструировать так, чтобы оно было инструментом развития и в Советском Союзе это во многом удалось.

Расцвет национализма в позднем СССР связан с потерей целеполагания и адекватных ориентиров развития, прежде всего союзной элитой в Москве. Непродуманный запуск «перестройки» и «гласности», сопровождавшийся взрывным ростом неформальных движений, народных фронтов, большинство из которых стали колыбелью националистических организаций — сознательное решение части советской элиты.

Распад СССР произошел в результате острого конфликта между Горбачевым и Ельциным, при этом одним из мотивов последнего было избавление от республик Закавказья и Средней Азии с целью построения русского национального государства, которое может стать частью коллективного Запада. Старт и поддержка всех изначально центробежных тенденций исходили из Москвы и были связаны с внутриэлитной борьбой. Таким образом, бессмысленно искать виновных развала СССР среди первых большевистских теоретиков и практиков национальной политики, которые пересобрали страну и победили под флагом интернационализма и дружбы народов в Великой Отечественной войне.

СССР создавался как инструмент освобождения угнетённых и утверждения социальной справедливости, и во многом

этого удалось достичь, хотя, конечно, необходимо помнить и негативные стороны, но они присущи любому модернизационному рывку подобной мощи.

Распад СССР — тоже колоссальный урок того, как может исчезнуть горение даже самого удивительного проекта и к каким последствиям это может привести. В последнее время в России, в постсоветских странах, да и мире в целом наблюдается рост интереса к этой своеобразной цивилизации, к истории и достижениям. Чем это обусловлено? Тем, что мир без СССР не стал лучше, более того, сегодня очевидно, что однополярный мир — это гораздо более неустойчивая конструкция.

И сегодняшние устремления в разных частях планеты к более справедливому миропорядку, к праву на развитие, на равное участие в важнейших делах — это все то, что делает смыслы, создавшие СССР актуальными. А это значит, что СССР не ушел в прошлое, он растворился в будущем.

*Дружба народов. Утопия из прошлого
или необходимое будущее?*

У меня довольно большое количество друзей-армян, чуть поменьше азербайджанцев. Обычные люди, со своими интересами, работой, семьями, они особо не отличаются от нас с вами. Но вдруг случилось обострение в Карабахе, и я увидел, как многие из них, особенно те, кто работают с информацией, превращаются в кого-то другого. Понятно, замаячил призрак новой войны, и каждый будто стал её добровольцем, защищающим интересы своей нации.

Вот только со стороны это выглядело несколько иначе. Расчеловечивание врага происходило прямо на глазах. Тут всё идет в дело — и жуткие фотографии зверств, учиненных противником, чтобы вызвать еще большую волну ненависти, и уничижение любого, кто апеллирует к разуму и не поддается военной истерии. Досталось взаимно не только армянам и азербайджанцам. Белорусам тоже, да и России заодно. Мол, раз союзники, то должны полностью вписаться за одну из сторон, других вариантов быть не может.

Представим, что Россия предоставила бы армянам военную помощь, полную свободу действий, и воины Арцаха пошли бы

в наступление на Баку. Чем бы все закончилось? Ужасной резнёй, вторжением Турции в Армению, втягиванием России и началом Большой войны. Если бы не было возможности дипломатического и политического давления на Азербайджан, если бы не было его зависимости именно от российского оружия, то попытка вернуть Карабах явно бы продолжилась. Россия сдерживает эскалацию.

Реинтеграция постсоветского пространства, наконец, обретает некие зримые черты, но под неё уже заложены старые бомбы, создаются и новые, как на Донбассе. Карабах — бомба, доставшаяся по наследству ещё от Советского Союза, готовая к разрушению. Часть армянского общества, недовольная действиями России, уже заявила о необходимости выхода из ЕАЭС, звучит упрек в недееспособности ОДКБ. Кстати, именно из-за неспособности советского руководства разрешить конфликт в Карабахе Армения в свое время не проводила референдум по сохранению СССР и взяла курс на независимость. Очевидно, что без помощи России Армении практически невозможно самостоятельно обеспечить безопасность и сохранить независимость.

Означает ли это, что Азербайджан должен превратиться в абсолютного врага? Нет, ни в коем случае. Масштабный конфликт в Закавказье, вытягивающий дополнительные ресурсы у России, — это то, чего добиваются геополитические соперники в этом регионе. Это значит, что договариваться надо и с Азербайджаном.

Можно ли вообще остановить эту многолетнюю вражду? Можно, ведь в России и Беларуси армяне и азербайджанцы живут более-менее мирно и спокойно, то есть нужен кто-то третий, кто следил бы за межнациональным согласием и не допускал серьезных конфликтов. В рамках одного государства и общества, принимающего армян и азербайджанцев, это возможно. Для дружбы народов нужен либо некий сверхнациональный проект, либо сильный третейский судья, вовремя разводящий конфликтующие стороны. В рамках логики моноэтнических национальных государств и территориальной борьбы между ними мир невозможен.

Рецепт дружбы народов простой и сложный одновременно — уводить сознание людей от кровной вражды, от мышле-

ния категориями своей стаи к тому, что все это превосходит. Пример уже был — общий Красный проект справедливого мироустройства объединял русских, украинцев, белорусов, армян, азербайджанцев, грузин, казахов и многих других. Возможно, именно сейчас армянские и азербайджанские политики и интеллектуалы должны осознать, что нужно двигаться именно в этом направлении. Альтернативы нет, только море крови.

Казалось бы, а какое дело до этих южных разборок белорусам? Во-первых, много армян и азербайджанцев — это граждане Беларуси, и между ними у нас не должно быть никаких конфликтов. Дружба народов на практике — это наша национальная и конфессиональная политика, позволившая избежать межэтнических и межрелигиозных столкновений. Во-вторых, раз уж мы избежали межнациональных конфликтов, значит, мы должны помогать искать решения тем, кто нам не чужой. Искать мирные решения и пути, ведущие сознание людей к чему-то иному, нежели вражде на национальной почве. Фактически у Беларуси появилась миссия умиротворять и показывать пример дружбы народов. Это нужно всем нам ради будущего.

Левые и идеологический синтез

Сразу хотел бы сказать, что никогда не причислял себя к ортодоксальным сторонникам марксизма, скорее к тем, кому интересно и близко творческое развитие его прорывных идей, например так как это делали Вернер Зомбарт или Эрнст Никиш. Если рассматривать левые идеи в таком ключе, то они, безусловно, имеют будущее, в том числе будущее в нашей стране. Это одна из причин, побудивших присоединиться к дискуссии о специфике белорусских левых и их перспективах.

Левый — значит народный

Как видно из результатов социологического исследования о комплексе ценностей, с которыми граждане Беларуси связывают своё общество (Опрос общественного мнения «Беларусь и «Восточное партнерство»: национальные и европейские ценности»), вектор этих ценностей имеет очевидную социалистиче-

скую направленность (мир/стабильность, мультикультурализм, терпимость, социальное обеспечение, культурные традиции и наследие). И в этом отношении Беларусь достаточно заметно отличается от государств Европейского союза, где господствуют ценности либеральные: рыночная экономика, экономическое процветание, права человека, личные свободы и т.д.

Казалось бы, эти результаты закономерны в силу того, что у нас в стране достаточно бережно отнеслись к советскому промышленному наследию, рыночные реформы не были такими масштабными, а государство в символическом плане ориентируется на победы и достижения белорусской национальной республики в составе СССР.

Несмотря на такую очевидность, ценностные ориентиры большинства белорусов позволяют говорить о большом внутреннем потенциале использования левых, социалистических идей и смыслов различными политическими силами. Естественно, раньше и, наверное, лучше всех этим потенциалом воспользовалась действующая власть, провозгласив преемственность по отношению к БССР и курс на создание социально-ориентированной модели государства. Условно говоря, левые идеи до сих пор составляют стержень белорусской идентичности и во многом всё ещё определяют политику белорусских властей, хотя, очевидно, что экономические проблемы вынуждают власть искать иные формы управления хозяйством.

Комплекс социалистических ценностей, с которыми солидарны граждане и значительная часть госаппарата, пока делает невозможным разворот общества и государства к противоположным ценностям и ориентирам, связанным с идеологиями либерализма и ультранационализма. Приверженцы этих идеологий, в свою очередь, взаимно сближаются, в том числе и на основании отрицания социалистического базиса белорусского большинства. К ним также примыкают немногочисленные левацкие, анархистские группы по нигилистическим мотивам отрицания любой государственной власти либо же исходя из либертарной логики борьбы за права всевозможных меньшинств.

Но эти течения, хоть и имеют некоторое количество приверженцев, всё же являются для белорусского общества идеологической экзотикой, которая вряд ли будет привлекательной

для большинства граждан. В качестве продолжения и развития комплекса ценностей, важных для нашего общества, можно представить разве что консервативную идейную платформу, акцентирующую внимание на коллективных интересах, сохранение традиционных социальных идентичностей (семейных, религиозных, национальных) и культурного наследия, но без националистического или реакционного уклона. В этом случае консерватизм будет такой же естественной народной стихией, органически дополняющей левые идеи.

Родом из БССР

Для консерватора важен ответ на вопрос: «А что же мы хотим сохранить?» Ответ на него не может быть универсальным, он всегда зависит от специфики исторического опыта каждого конкретного народа. Поэтому возможен собственно белорусский консерватизм, отличный от белоохранительских сантиментов по «России, которую мы потеряли» или воздыханий пилсудчиков о панской Польше. Как это ни покажется парадоксальным, но сохранять и развивать в белорусском случае следует то, что реально сформировало белорусов как нацию, позволило нам выжить и победить в страшной войне и стать одной из самых индустриально развитых стран Восточной Европы. Да, речь идет о БССР, нашей национальной части большого советского проекта.

Какое отношение консерватизм имеет к революционному проекту? Самое прямое. Во-первых, характеристику Советского Союза как государства, где происходила планомерная «консервативная модернизация», можно встретить и в научной литературе (см., например: Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998). Во-вторых, весьма интересно, что немецкие мыслители из стана «консервативной революции» концептуально описавшие лучше всех то, что происходило в XX веке: тотальную мобилизацию, развертывание планетарного господства гештальта рабочего (Эрнст Юнгер), теорию партизанской войны (Карл Шмитт), каким-то странным образом более всего «попали» в белорусскую реальность. Именно белорусы родились как нация, нация работы в горниле

тотальной мобилизации (коллективизации, индустриализации, урбанизации) и партизанской войны.

Что прежде всего важно в наследии БССР? Прецедент создания первого национального государственного образования. Развитие в нём национального языка и культуры совместно с языками и культурами близких народов. Национальное воссоединение 17 сентября 1939 г., победа в войне и мощнейшая прививка от нацизма, культура коллаборантов и всего, что было отвергнуто вместе с этим. Послевоенное восстановление и меритократическая система управления, созданная «партизанским» поколением. Причастность к Большому Проекту. Всё это отличает белорусов от большинства восточноевропейских наций, сконструированных на основе языковой исключительности, средневековой мифологии и антисоветском аффекте. А если нас это отличает, то есть формирует нашу реальную, а не придуманную идентичность, то именно это нужно и должно сохранять.

Красная Евразия

О Большом Проекте стоит сказать подробнее. Иногда кажется, что многие белорусские левые утратили возможность воспринимать реальность в оптике больших пространств, проектов, идей. Есть некая аналитическая текучка, посвященная тревожным либеральным тенденциям в государственном управлении экономикой, националистическим веяниям в анархо-субкультуре и т.д. Но очень мало синтеза и конструктива. На либеральные тенденции в экономике следует отвечать разработкой и практической реализацией эффективных экономических моделей. Национализм необходимо превосходить собственным наполнением национальной идентичности и сверхнациональной перспективой.

Недостаточно просто констатировать, что на Западе и Востоке кругом империалисты, мечтающие о поглощении нашей, пусть и не совершенно социалистической, но более близкой к этому, чем любое из соседних государств, страны. Но даже построение социализма в одной отдельно взятой Беларуси не решает проблемы необходимости альтернативы глобальному капитализму. Сейчас на карте планеты уже практически не осталось по-настоящему социалистических государств, кроме,

пожалуй, КНДР. Конечно, вопрос об уничтожении частной собственности на средства производства, как обязательном условии построения социализма является важным, но вряд ли на него сейчас можно однозначно ответить. Скорее, и тут необходимо синтетическое решение, скажем, в духе теории Николая Алексеева о государственно-частной системе хозяйства.

Очевидно, что существование Беларуси как общества и государства, имеющих социальный и социалистический базис, невозможно без участия в некоей новой сверхнациональной общности, которая может позволить себе создание масштабной системы, отличной от глобального капитализма. Подобие попытки создания такой системы некоторые усматривают в Евразийском экономическом союзе, который пока выглядит скорее как клон либерального Европейского союза. В любом случае, для Беларуси евразийское пространство — это действительно шанс на выживание и сохранение своей идентичности: индустриальной, политической, культурной, — но для этого мало быть просто участником уже запущенных интеграционных процессов.

Нужно осмысливать и предлагать новые модели организации управления экономикой и политикой, к пониманию чего уже приходят наиболее прозорливые российские левые. Отсюда и задача левых белорусских: не бояться идеологического синтеза, прирастать масштабом мышления и действия, сохранять смысловое ядро общества, корректировать в случае необходимости государство, стремиться сделать из него экспериментальную площадку для всей Евразии. Красной Евразии.

Что будет после Лукашенко?

Почти всех наших соседей беспокоит, каким путем двинется Беларусь после ухода действующего президента с политической арены. Это вряд ли случится в ближайшие десять лет — здоровье у Лукашенко крепкое, и каких-то чрезвычайных угроз для выстроенной под его руководством системы нет, если не рассматривать уж совсем апокалиптические сценарии. И тем не менее вопрос всё равно — волнующий.

Тот, кто знаком с реальным положением дел в стране, скорее всего, даст вполне очевидный ответ: после Лукашенко будет «новый Лукашенко». Не важно, какая у него будет фамилия, потому что и сегодня это не столько личность, сколько функция. А функциональный вакуум всегда требует соответствующего наполнения. Эта «наполненность» возможна только на основании преемственности и выполнения нескольких условий:

— сохранение и развитие крупной индустрии, промышленности как экономического базиса страны, завершение начатых больших проектов (БелАЭС, китайско-белорусский парк «Великий камень») и реализации новых;

— обеспечение безопасности как внутренней, так и внешней, то есть тесная связь с силовым аппаратом;

— идеологическая преемственность с БССР и Республикой Беларусь Лукашенко как во властной вертикали, так и в среде влиятельных интеллектуалов.

Политик, который сможет обеспечить эти условия, и будет «новым Лукашенко», и, вероятнее всего, он будет выходцем из силовых структур, опирающимся на поддержку России, возможно, Китая и не сильно раздражающим Запад, по крайней мере в начале своего правления. Невыполнение этих условий будет означать крах не просто системы, построенной при Лукашенко, но всего столетнего развития Беларуси как исторического субъекта.

Для Беларуси нужна сильная, даже жёсткая власть, которую иногда называют авторитарной. Страна сложная, хоть и небольшая, и со стороны кажется, что здесь всё просто. Страна фронтальная, то есть потенциально склонная к расколу по цивилизационному, этническому или религиозному признаку. При ослаблении государства 15–20 % явных или латентных сторонников геополитического разворота разорвут страну и развяжут здесь гражданский конфликт. И вот чтобы этого не было — нужна жёсткая вертикаль власти с опорой на провосточное большинство, умиротворяющая и сглаживающая полярность в обществе.

То есть и большинство белорусского общества, и белорусская элита будут делать весьма однозначный выбор, и даже если возникнет какой-то кризис переходного этапа, страна самоор-

ганизуется так же, как и в 1994 году, когда избрали первого президента.

«Новому Лукашенко» в контексте перечисленных выше условий придётся решать несколько задач. Во-первых, сохранение крупной промышленности и вообще индустриального профиля экономики будет требовать дистанции от неолиберальных подходов и реформ.

Во-вторых, это будет подталкивать к более тесной кооперации с Россией и ЕАЭС, то есть выход на наднациональный уровень планирования.

В-третьих, безопасность Беларуси может быть обеспечена только в тесной связке с ВПК России, и задача увеличения процента участия Беларуси в российском гособоронзаказе будет одной из приоритетных.

В-четвертых, учитывая геополитическую ситуацию, Беларуси придётся активнее претендовать на роль регионального лидера, опираясь именно на российскую поддержку.

Конечно, это позитивный сценарий и *wishful thinking*, возможны и другие. В российском информпространстве, особенно на фоне ситуации в Украине, всё чаще Беларусь стали описывать, иногда намеренно, в исключительно мрачных тонах. Беларусь дрейфует на Запад, в стране поднимает голову национализм, чтобы не потерять Беларусь, России нужны какие-то другие активные действия — суть этого потока информации примерно такова.

О действиях, как всегда, мало конкретики. Но логика вполне предсказуема: России надо экономически задавить страну, свергнуть Лукашенко, а его заменить генерал-губернатором или обычной марионеткой. Действия по такому крайнему сценарию приведут к неизбежному хаосу, возможно, гражданской войне с перспективой перекинуться в Россию и взрыву всего пространства между Балтийским и Чёрным морями. Фактически попытка дестабилизировать Беларусь будет означать втягивание России в настоящую холодную, возможно, и горячую войну на всем протяжении своих западных границ.

Обеспокоенность будущим Беларуси в России можно понять, точно так же обеспокоенность в Беларуси вызывает будущее России после Путина и Казахстана после Назарбаева, бу-

дущее ЕАЭС в целом, но чтобы реально не потерять кого-то из своих союзников России, надо иметь собственный привлекательный образ будущего. Ничего привлекательного в идейных наследниках черносотенцев или белогвардейцев, «недодуманных» проектах ДНР/ЛНР для Беларуси, да и кого-то другого, нет. Всё это скорее свидетельства идейного и стратегического кризиса, а не позитивного образа будущего.

Но это не значит, что он не появится. Россия разнообразна, и Беларусь всегда находила в ней влиятельных союзников и лоббистов, которые понимают, что лучше сохранить одного из реальных союзников, а не проводить над ним политтехнологические эксперименты. Образ будущего и воплощающие его идеологии рождаются не из информационного шума и скандалов, а из кропотливой технократической работы.

Реальный запрос в развитии союза России и Беларуси — связывание наших экономик в наднациональные корпорации, освоившие новые технологии в биоинженерии, сельском хозяйстве, машиностроении, военной и космической сфере, где государства, а не частный спекулятивный капитал будут гарантировать справедливое участие, разделение расходов и прибыли.

Всем этим придётся заниматься «новому Лукашенко» и пришедшей с ним команде, основываясь на понимании, что с Россией и в ней надо работать еще активнее. За добротной проделанной технократической работой должно последовать и её гуманитарное оформление, именно Союзное государство должно стать лабораторией политической, идеологической и культурной интеграции Новой Евразии.

Да, сейчас движение по многим политическим и экономическим вопросам, таким как принятие Конституционного акта или создание единой валюты, фактически остановлено, но к ним всё же придётся вернуться. Для Беларуси важны прочные экономические основания и ясные цели, для России — прогресс в интеграционных процессах и выход в них на новые уровни. Крайние варианты — разворот от России или попытка силового давления на Беларусь — маловероятны и контрпродуктивны. По существу, нужна ревизия всего, что было сделано и что нужно сделать.

В рамках этого белорусской элите необходимо понять, что мышление только в категориях национального суверенитета в современном глобальном мире уже архаично и влечет потерю стратегического видения. Российской элите для работы с белорусами нужно понимание того, что их может реально вовлечь в общий проект. И это не критика самих по себе политически нейтральных «вышиванок» или фантазии об изобретении белорусской нации в польско-сталинских пробирках.

Россия может и должна привлекать возможностью соразвития, соучастия в больших проектах, в том, что открывает будущее. Такой опыт у России и русской цивилизации есть. Последнее его воплощение — советский проект, лучшие черты которого, как небезосновательно считается, во многом сохраняются в Беларуси.

«Новый Лукашенко» — это тот, кто сможет трансформировать этот опыт для новых условий и разделить его с Россией, где он будет востребован всё больше и больше.

Белорусский проект будущего

Текущее положение дел в экономике, геополитическая турбулентность и новые технологические вызовы все более вынуждают задуматься о будущем Беларуси как политэкономического субъекта. Международный и внутренний контекст требует ясной формулировки целей, к которым движется государство и общество, эти цели должны не только формулироваться, но и обсуждаться, разделяться государственной элитой и наиболее активной частью белорусского общества, составляющими ядро нации, которое и будет определять траекторию её развития. Автор предлагает свой скромный вклад в эту дискуссию, рассчитывая на то, что предложенный взгляд будет полезным для поиска продуктивных идей и решений.

Очень часто проект будущего рассматривают в тесной связи с национальной идеей, под которой понимают некий набор идеологически обусловленных положений, наличие которых якобы автоматически гарантирует наличие этого самого проекта. Но здесь есть один нюанс — национальную идею в на-

ших краях формулируют, как правило, в терминах или согласно представлениям уже отработавших своё идеологий. Именно это кажется основной причиной того, что подобные идеи либо не работают, либо не могут быть необходимым ориентиром.

Рассмотрим, как в современной Беларуси воспринимаются известные идеологии. Правый спектр может быть представлен национализмом и либерализмом, кстати, часто они и сочетаются друг с другом. Националистическая идеология в Беларуси повторяет существующий восточноевропейский канон национализма и обязательно предполагает глубокое вовлечение в проблемы древней истории, вопросы символики и эстетики, апологию лингвоцентризма и сильный антироссийский аффект.

К сожалению или к счастью, никакого другого национализма и его наполнения в Восточной Европе сейчас нет и не предвидится. Очевиден и результат его сколь-либо длительного влияния на общество: Украина, Грузия, Молдова, страны Балтии никак не могут быть примерами реализации позитивной программы и выбора, показывающего достойный пример для белорусов.

Если национализм стремится эксклюзивно определять сферу идеологии и культурной политики, то вотчина либерализма — прежде всего в экономике. Но и тут мы сталкиваемся со все той же предопределенностью: почти все соседние страны, следовавшие за рецептами либеральных экономистов, сегодня представляют с точки зрения перспектив и потенциала довольно печальное зрелище. На деле реализация либеральной программы реформ оканчивается массовыми сокращениями, олигархизацией, деиндустриализацией и депопуляцией.

Идеологии левого толка у нас наиболее заметно представлены социал-демократией и коммунизмом. При этом социал-демократия в основном слепо копирует западноевропейские формы, от западной же финансовой поддержки сильно зависима, что позволяет сомневаться в её самостоятельности, а провозглашаемые идеи не находят отклика у целевой аудитории.

Коммунисты имеют достаточную сильную организационную структуру и реальное представительство в законодательной и представительной власти, что в рамках белорусской по-

литической системы уже является значительным ресурсом. Тем не менее за коммунистами тянется шлейф ответственности и вины за распад СССР ввиду той роли, которую в этом сыграла верхушка КПСС. Можно сказать, что кредит доверия населения к существующим формам воплощения левой, коммунистической идеологии если не исчерпан, то недостаточен для роли авангарда всей нации в деле строительства будущего.

Но тут следует указать на одно важное уточняющее обстоятельство — сами основания белорусского национального проекта сущностно связаны с советским национал-строительством. Белорусская нация формировалась как социалистическая и до сих пор несет в себе в идеологическом плане именно левые смыслы: стремление к социальной справедливости, неприятие неравенства, скептическое отношение к ревизионизму Великой Отечественной войны и десоветизации, до сих пор сохраняющийся иммунитет от национализма восточноевропейского толка.

Фигура президента во многом воплощает в себе эти смыслы, разделяемые большинством общества, без необходимости иметь дополнительных посредников в виде партий, сонма политтехнологов и т.д. В белорусском обществе присутствует сильный запрос на социально ориентированную политику, но сейчас становится все более очевидным, что экономические проблемы вынуждают государство сокращать социальные расходы или искать иные способы организации социальной сферы.

Означает ли это, что государство будет и должно неизбежно трансформироваться, избавляясь от своей уникальности, очевидной на фоне соседей, и будет дрейфовать в их сторону? Да, такой вариант вполне возможен, особенно если в среде чиновничества и обильно финансируемого из-за рубежа гражданского общества усилятся носители правых взглядов, которые будут подталкивать государство к адаптации элементов национализма, с одной стороны, и к радикальным либеральным экономическим преобразованиям — с другой.

Ответ на опасность скатывания Республики Беларусь на стезю соседних, явно неудачных примеров государственного строительства и на притязания национал-либерального сегмента общества, скорее всего, должен быть *метаполитическим*, не связанным с мейнстримными течениями, но основанным на ре-

альном базисе, который определял и будет определять специфику Белорусского государства. Этот базис имеет два фундаментальных фактора:

а) *геополитический*, обуславливающий то, что Беларусь является одним из ключевых элементов безопасности в Балто-Черноморском регионе, особенно важным для России. Беларусь блокирует создание антироссийского и антиевропейского блока государств, целью которого будет возведение санитарного кордона между ЕС и Россией, а по факту — протяженной зоны напряженности и конфликта.

Геополитический фактор означает, что любые попытки «развернуть» Беларусь на Запад, выбрать курс на интеграцию в ЕС приведут к нарушению баланса и неизбежному вмешательству России в наши внутренние дела. Не спасет от этого и курс на нейтралитет, поскольку очевидно, что безопасность Беларуси критически зависит от России, в том числе от её ядерного щита. Безопасное и стабильное развитие Беларуси за последние 20 лет во многом было обеспечено существованием тесного военно-политического союза с Российской Федерацией. И если поставить под сомнение этот союз либо под видом риторики интеграции с ЕС, либо стремления к нейтралитету, то, скорее всего, это приведет к сильнейшим геополитическим потрясениям и очень большим угрозам Белорусскому государству;

б) *геоэкономический*, предусматривающий индустриально-промышленную спецификацию Беларуси в рамках Большого пространства. Индустриальное ядро белорусской экономики — наследие советской эпохи и часть социалистического проекта «нации труда», определившего практически все специфические черты современного белорусского общества и государства: структуру элит (преобладание выходцев из управленцев-промышленников и силовиков); образование, требующее значительного удельного веса инженерно-технических специальностей; ориентацию на экономическую интеграцию и кооперацию с Россией и другими государствами-участниками ЕАЭС как основные рынки сбыта; доминирование промышленного, а не финансового капитала; наличие значительной доли предприятий госсобственности.

Основные опасности для белорусской экономики — это устаревание технологической базы промышленности и сокращение традиционных рынков сбыта для белорусской продукции. Эти опасности настолько серьезны, что ставят под угрозу существование белорусов как «нации труда». Речь идет не о всяком труде, а именно о той системе образования и производства, позволяющей квалифицированно преобразовывать вещество, материю — будь это машиностроение, нефтехимия, радиотехника, энергетика или добыча калийных удобрений.

Сейчас под сомнение ставится сама необходимость сохранения у нации такой способности. Предлагаются различные альтернативы — например, сделать акцент на сфере услуг и туризме или принять концепт максимального развития сверхприбыльной ИТ-отрасли, между прочим, сильно зависимой от заказов, поступающих из ЕС и США, что чревато в перспективе и политической зависимостью. И в первом, и во втором случаях речь идет на самом деле о кардинальном изменении профиля белорусской экономики, что чревато самыми серьезными и, судя по всему, не до конца просчитанными последствиями. Без сомнения, и сферу услуг, и ИТ-сектор необходимо развивать, но вряд ли эти сегменты смогут не только вытянуть Беларусь из воронки кризиса, но и сохранить существующий уровень развития, не говоря уже о том, чтобы претендовать на какое-то лидерство.

Исходя из этого, основную национальную задачу можно сформулировать таким образом: сохранение индустриально-го характера белорусской экономики, наращивание промышленного капитала (государственного и частного), технологическая модернизация. В этой же плоскости лежит и одна из основных угроз — технологическое отставание на фоне масштабных планов реиндустриализации и торговой интеграции ЕС, США и Восточно-Тихоокеанского региона. Если Беларуси в ближайшие 10–15 лет не удастся модернизировать свою промышленность, запустить новые производства, то нам грозит непреодолимое технологическое отставание и весьма вероятный статус колонизируемой территории.

Из этой перспективы надо оценивать целеполагание государства, пустив в ход все возможности: официальную и общественную дипломатию, разведку, работу с европейскими, китай-

скими инвесторами, но особенно активизировать кооперацию с Россией, потенциал которой, при соответствующем мобилизационном импульсе, может обеспечить Беларуси, да и себе самой, переход к новому технологическому укладу и сохранение влиятельных позиций в новом мире.

Белорусский проект будущего — это сохранение и подтверждение в мире новых технологий статуса развитого общества и «нации труда», обеспечение возможности участия в континентальных и общепланетарных проектах: индустриальных, транспортно-логистических, космических. Только через высокотехнологичный труд белорусы могут выжить и закрепить за собой место в будущем. В Беларуси есть задел для этого — работают, несмотря ни на что, МАЗ, БелАЗ, МТЗ, МЗКТ, строятся китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень» и Белорусская АЭС, но, реалистично оценивая свои силы и возможности, надо стремиться к большему.

Принимая такую постановку целей и задач, следует рассматривать и идеологические проекты для Беларуси, что позволяет сделать выводы о степени их пользы или вреда. Очевидно, что восточноевропейский национализм в местном исполнении никакой пользы тут принести не может, скорее наоборот — может привести к гражданскому конфликту и разрыву связей с Россией. Либеральный фундаментализм может полностью похоронить индустриальный вектор развития и предоставить страну для разграбления финансовому капиталу. Социалистические идеи плохо реализуемы в такой небольшой стране, как Беларусь с открытой экономикой, для них нужен континентально-евразийский масштаб.

Особенность белорусского проекта будущего происходит не только из прагматизма текущих задач, но и из исчерпанности, нежизнеспособности почти всех существующих идеологий. Но это не означает, что в будущем не произойдет их ребрендинг или переконфигурация. Беларусь, сосредоточившись в период «междоцарствия» на собственном сохранении и развитии как индустриальной «нации труда», после его завершения и возникновения нового запроса на большой нарратив наверняка сможет предложить собственные идеи и смыслы, закаленные историческим опытом, победами и актуальными достижениями.

В условиях многоуровневого кризиса, в который мы все сейчас погружаемся, восстановление единства евразийского пространства становится всё более актуальной задачей. Понятно, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, и это должен быть новый Союз. Его уже начали создавать — Евразийский союз, но пока остановились на экономике, и то движение идёт с переменным успехом. Новый Союз должен объединять суверенные государства, мечтать о создании одного-единого государства можно, это не вредно, но вряд ли сейчас возможно.

Нужно выстраивать многоядерную модель Союза. Это работает, если освоить соответствующие интеграционные технологии, учесть опыт наших конкурентов. Например, Европейского союза с его наднациональными и национальными органами и юрисдикциями, англосаксонского мира с его пятью государствами (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Мы должны строить не империю с доминированием одного народа, а Союз народов и государств. Иного пути нет. Империи и доминирование требуют постоянных войн и принуждения. Сейчас на это нет сил, нужно экономить ресурсы, и лучше договариваться полюбовно.

Сегодня, когда взоры и надежды многих людей нашего русскоязычного, евразийского пространства устремлены на Беларусь и её лидера, самое время было бы провозгласить свою стратегию и видение интеграции и восстановления Союза. Вот где нам всем нужна сейчас победа. У Минска есть своя особая «мягкая сила», харизма, к нему прислушаются и пойдут за ним. Конечно, всё это нужно делать вместе с Москвой и другими столицами Северной Евразии, но именно белорусское предложение, видение будет восприниматься более благосклонно и убедительно.

Беларусь как суверенное государство ценно своим всё ещё остающимся социальным характером, меньшей степенью имущественного расслоения населения, более ровным распределением доходов, более сохранившейся системой здравоохранения и образования. Соответственно, самые главные на нашем пространстве — это люди труда и служения: рабочие, аграрии, инженеры, учёные, врачи, учителя, военные, а не буржуазия.

Желаемое будущее Беларуси видится в качестве активно-интегратора Большой Евразии, с тесными союзными, экономическими и военно-политическими отношениями с Россией и Китаем, не невнятной «нейтральной» маленькой восточноевропейской страной, по факту — бесправной периферией Запада, в нашем случае — второй Молдовой и Украиной с олигархатом и бандами националистов.

Своё будущее мы должны строить совместно с союзниками на основе овладения новыми технологиями, удержания знания и умения преобразовывать твёрдое вещество, а не поддаваться иллюзии тотальной цифровизации, которая, конечно, нужна, но она не заменит базовых потребностей человека.

Беларусь будущего — это социальное евразийское государство, западный форпост нашего блока и надёжный союзник, технологически, промышленно развитое общество с сознательными гражданами, понимающими, что мы живём в эпоху глобального кризиса и наше выживание зависит от собственных воли, разума и решительности.

Сейчас самое время для Беларуси вновь стать одним из драйверов интеграции, её генератором идей и смыслов. Потенциал в стране есть, нужно конвертировать его в союзную геополитическую и геоэкономическую реальность. Это и было бы величайшей исторической миссией Белорусского государства и его руководства.